

РОМАН О НЕБЛАГОДАРНОЙ ПРОФЕССИИ-3

Михаил Макаров
РЕВЕРС

Михаил Макаров

Реверс

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69689812

Реверс. Полицейский роман / Макаров Михаил: ИП Бабина О.М. «ИД

РИС»; Москва; 2023

ISBN 978-5-907291-78-2

Аннотация

Роман «Реверс» написан по мотивам реальных уголовных дел, в расследовании которых Михаил Макаров принимал активное участие. Повествование развивает сюжетные линии предыдущих книг, связанных сквозными героями, успевшими понравиться любителям честной полицейской прозы. К середине «нулевых» криминал мутировал, став более изощрённым. Уцелевшие после гангстерских войн бандиты, выйдя на свободу, вернулись к своему кровавому «ремеслу». На параллельной орбите утоляют возросшие аппетиты коррумпированные «белые воротнички». Им противостоят сотрудники милиции, прокуратуры и ФСБ. Схватка с преступностью происходит на фоне масштабной кампании по борьбе с укрывательством преступлений, приведшей к межведомственному раздору.

Содержание

Часть 1	7
1	7
2	15
3	24
4	37
5	52
6	63
7	74
8	84
9	93
10	102
11	112
12	122
13	131
14	136
15	146
16	155
17	167
18	182
19	193
20	199
21	216
22	226

23	233
24	246
25	259
26	270
27	281
28	300
29	316
30	329
31	336
Конец ознакомительного фрагмента.	339

Михаил Макаров

Реверс. Полицейский роман

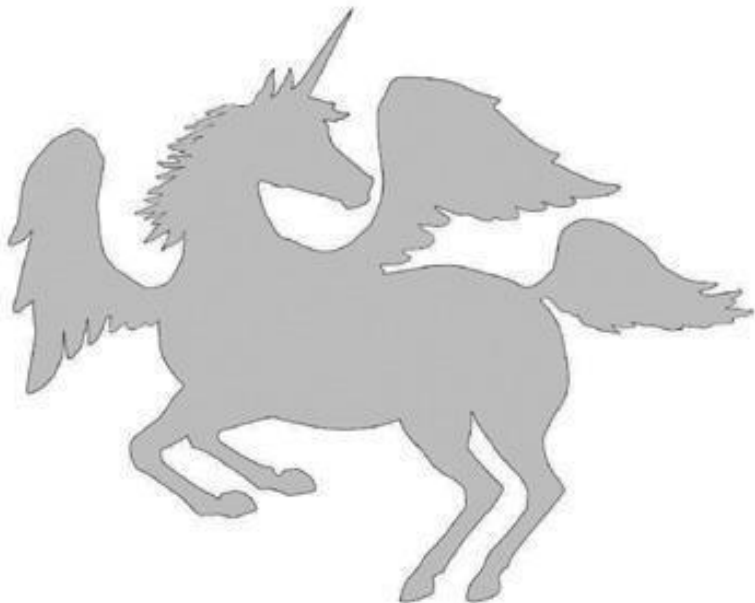
Все персонажи вымышлены.

Наличие прототипов автором отрицается категорически.

Все совпадения случайны.

Большинство ситуаций возможно.

Формы и методы работы, а также проблемы правоохранительных органов приближены к реальности. Фантастические моменты научного объяснения не имеют.

**РОММ
И СЫНОВЬЯ**

© Макаров М. Ю. 2023

Часть 1

1

**20 мая 2004 года. Четверг.
10.30–11.30**

Разговора начистоту, а, тем паче, по душам, не получилось. Впрочем, начальника ОРО¹ Лёву Муратова это не напрягало. Майор пребывал в хорошем настроении. Ему подфартило нарубить «палок»², не выходя из кабинета. Возникли основания для прекращения пары «бородатых» дел. Одно – по факту безвестного исчезновения человека, второе – по розыску того же лица за уклонение от уплаты алиментов.

«Правильно, что прокуратуру не послушал и не соединил дела, – хвалил себя за дальновидность Лёва. – Два всегда лучше, чем один!»

– Папа с тобой хочет повидаться, – сообщил он Маштакову.

– Барин – хозяин, – пожал плечами Миха, ставя под объяснением корявую подпись.

Муратов усмехнулся, давая понять, что оценил шутку экс-

¹ ОРО – оперативно-розыскное отделение уголовного розыска.

² «Палка» – показатель работы (проф. сленг)

коллеги. Начальника криминальной милиции старослужащие оперативники за глаза называли Бариним. Но чаще – Папой.

Держа перед собой лист бумаги, исписанный на четверть, Лёва прочитал вслух:

– Где я находился в период с тринадцатого августа две тысячи первого года по восемнадцатое мая две тысячи четвёртого года, сообщить не могу, так как частично утратил память. Одновременно заявляю, что преступлений и противоправных действий в отношении меня совершено не было... А почему «периодъ» с твёрдым знаком пишешь?

– Я же говорю, это самое, с головой проблемы, – Маштаков пальцем стукнул себя по лбу.

Не больше недели назад он был подстрижен под машинку. Едва отросший ёжик волос не скрывал толстого белого шрама, бравшего начало в области темени и спускавшегося к правому виску. След нарушения анатомической целостности наблюдался не в единственном числе. На шее морщилось круглое уплотнение размером с десятирублёвую монету. Ещё в распахе ворота чернел серебряный крестик на шнурке.

Муратов, конечно, отметил, что Миха изменился за те три года, что они не виделись. За счёт очень прямой спины и развёрнутых плеч он казался выше ростом. Носогубные складки, рассекавшие впалые щеки, стали глубже, их сходство с надрезами усилилось. Осунувшееся лицо приобрело нездо-

ровую костистость, характерную для «тубиков»³ или язвенников. Раньше он не носил усов, а теперь обзавёлся небольшими, аккуратно подстриженными. Карие глаза переполняла усталость, от былых озорных бесенят в них не осталось и следа. Он был не по сезону загорелым, причём густо-коричневый цвет имели только лицо, шея и клешневатые огрубевшие кисти рук. Признаки злоупотребления алкоголем отсутствовали.

Изучающий взгляд розысника заставил Маштакова заёрзать на стуле. Неловкость он решил замаскировать вопросом:

– Ну, алименты понятно. Супружница бывшая заяву кинула. А в розыск-то кто на меня подал?

– Воинская часть.

После изгнания по отрицательным мотивам из органов внутренних дел Миха несколько месяцев прослужил дознавателем в артиллерийском полку.

Муратов запер сейф, и они двинули с третьего этажа на второй, к начальнику КМ⁴. В коридорах и на лестнице попадалась одна молодёжь, поэтому объятий и расспросов Маштакову благополучно удалось избежать.

– Разрешите, товарищ полковник? – Лёва заглянул в приотворенную дверь и сразу обернулся, прижимаясь к косяку и пропуская доставленного. – Первый пошёл.

³ «Тубик» – больной туберкулёзом (жарг).

⁴ КМ – криминальная милиция.

Миха шагнул через порог, заставляя себя сохранять спокойное выражение лица.

– Здравия желаю, Вадим Львович, – произнес чётко.

Слово «товарищ» язык не выговорил, а употребить ставшее привычным «господин полковник» Маштаков не решился, понимая, что это будет неуместным.

Птицын поднялся из-за стола и сделал шаг навстречу, внимательно рассматривая визитёра. С секундной задержкой протянул руку:

– Здорово, пропащий!

Миха быстро пересёк помещение и порывисто ответил на рукопожатие бывшего начальника.

– Присаживайся, – полковник указал на стул за приставным столом.

– Я нужен? – спросил Муратов.

– РД⁵ оставь и подожди в приёмной.

Птицына возраст не брал, несмотря на полные сорок пять. Хотя волосы поредели заметно, да и животик обозначился. Впрочем, Вадим Львович оставался энергичным, а щеголеватости в нём даже прибавилось. В лацкане модного пиджака желтел крохотный юбилейный значок «РУБОПа» – память о годах руководства территориальным отделом по борьбе с оргпреступностью. Перстень-печатка на пальце тоже был факсонистым, с выгравированным изображением щита и скрещенных мечей.

⁵ РД – розыскное дело.

Кабинет за прошедшие годы похорошел, что не удивительно – его хозяин любил комфортные условия обитания. Стены после того, как их обшили гипсокартоном и покрыли двумя слоями серо-голубой матовой краски, стали ровненькими и свежими. Подвесной растровый потолок со встроенными решётчатыми светильниками пришёл на смену старому, с осыпавшейся побелкой. Мебель, правда, передавала привет из восьмидесятых, за исключением представительного кожаного кресла руководителя с эргономичной спинкой и подлокотниками из натурального дерева. Звук телевизора «Sharp» малайзийской сборки, как обычно, был включен. Привычка Птицына страховать от прослушки не изменилась. Настенная экспозиция дипломов и почётных грамот пополнилась новыми экспонатами. Над тумбочкой с телефонами был прикреплен забранный в рамку «Список выражений, запрещённых к употреблению сотрудниками КМ УВД по г. Острогу», который Маштакова заинтересовал:

«Заходил, а вас не было. Звонил, но не дозвонился...»

Вадим Львович отложил объяснение нашедшегося потеряшки⁶, изрек: «м-да» и осведомился:

– Не под запись, Миш, расскажи – где был, что делал?

Бывший опер вздохнул:

– Врать неохота, а правду рассказать не могу, в дурку сдадите. Прошу поверить на слово – я не скурвился и не ссу-

⁶ Потеряшка – человек, объявленный в розыск как пропавший без вести (проф. сленг).

чился.

– От меня не утечёт, ты знаешь, – Вадим Львович проявил бы профнепригодность, если бы отстал после первого захода.

Маштаков скучаяще отвернулся к окну, показывая, что отвечать не собирается.

– Закуривай, – полковник толкнул по столу бело-голубую пачку «Парламента» и зажигалку.

Поблагодарив, Миха вынул из коробочки сигарету. Попутно отметил очередную примету возросшего благосостояния Львовича. В прежние времена тот курил «LM», «Любовь мента».

– Так и не бросили?

– Бросишь с этой работой, – начальник криминальной усмотрел ещё одну интересную детальку в облике посетителя.

Ногти и фаланги указательного и среднего пальцев его правой руки были коричнево-жёлтыми, словно йодом испачканными. Свидетельствовало это о том, что Маштаков много курил, причём дешёвые крепкие сигареты без фильтра или папиросы.

– Чем думаешь заняться? – Птицын оперся на подлокотник, кресло скрипнуло.

– На работу устраиваться буду. У меня задолженность по алиментам накопилась, страшно сказать, какая.

– Знаю. Сразу погасить не можешь?

– Нет.

– Стало быть, не на заработках был, – полковник по косвенным признакам продолжал вычислять, где странствовал Миха. – С документами как?

– «Серпастый-молоткастый» у Муратова. Обещал вернуть, когда дознавателю меня с рук на руки сдаст. Но его менять надо на новый.

Не вдаваясь в расспросы, Птицын поднял трубку телефона и позвонил начальнику паспортно-визовой службы, попросил оказать содействие одному хорошему знакомому.

– Первого июля срок обмена заканчивается? Он раньше явится. Когда удобно, чтобы в очереди не стоять? Завтра после двух? Подходит. Он скажет, что от меня. Благодарю за содействие, Евгений Александрович. До связи.

– Спасибо, Вадим Львович, – с чувством произнёс Миха.

– Сочтёмся на том свете угольками, – отмахнулся начальник КМ. – Всё слышал? Не откладывай в долгий ящик. На фотографии есть деньги?

– Есть, не беспокойтесь.

– Остальные документы?

– Трудовая – в штабе части, схожу заберу. Военник поселя, восстанавливать придётся. Диплом у сестры, только он без надобности. По специальности всё равно не возьмут. Орден вот жалко. Растворился после того, как комнату мою в общежитии вскрыли.

– Где обосновался?

– Пока у сестрёнки квартирую.

– А на перспективу?

– Буду невесту с жилплощадью искать, дело молодое, – Маштаков попытался отшутиться, расспросы его напрягали.

– Обращайся в любое время. Держи визитку, – полковник достал из верхнего ящика ламинированный прямоугольник.

– Спасибо, – Миха, привстав, взял карточку.

Визитка была снабжена фотографией, на которой Птицын в парадном кителе цвета топлёного молока горделиво стоял на фоне развевающегося триколора. Золотое тиснение по благородному тёмно-вишневому цвету представляло: «Первый заместитель начальника УВД» и так далее.

Убирая визитку в нагрудный карман рубахи, Маштаков подумал, что пристрастие к внешним эффектам у Вадима Львовича прогрессирует.

«У каждого в башке свои тараканы!»

Взяв с бывшего подчиненного обещание более не пропадать, Птицын отпустил его.

Оставшись один, полковник, не терпящий малейших проявлений неаккуратности, вытряхнул из пепельницы в мусорную корзину одинокий окурок.

«След от ранения над ключицей однозначно пулевой. Парень воевал. Вопрос только – где и за кого?»

20 мая 2004 года. Четверг.

11.30–12.30

Встрече сопутствовали троекратные объятия, носившие между близкими характер ритуала. Кряжистый Пандус сплющил нос о литое плечо Жидких.

– Здоров, Лерыч!

– Здорово, братское сердце.

С Молотковым Жидких ограничился рукопожатием.

– Привет, Костян! Где твои семнадцать лет?

Молоткова и впрямь трудно было признать – тощий, чёрный, дёрганый, глаза гноятся.

– Ливер на спецу⁷ посадил, – хмуρο пояснил он.

Базар среди братьвы катался, что Костян плотно сел в систему⁸. Валере Жидких не параллельно было, с кем планировать делюгу, потому разглядывал он Молоткова пристально. Заценить зрочки не удалось. Костян проворно выудил из кармана дешёвые тёмные очки и надел их. С понтом – солнце слепит.

Впрочем, может, он не маскировался, денёк-то и в самом

⁷ Спец, спецы – пенитенциарное учреждение, в котором содержатся осужденные т. н. «отрицательной» категории (жарг.)

⁸ Сесть в систему – испытывать физическую зависимость от героина, требующую постоянного увеличения дозы (жарг.)

деле выдался распогожий, практически летний. Парни пересеклись на «бугорках» в пойме Клязьмы. Место удобное – не на ходу, не на виду, людей нет, а город под боком. Съехал по Васнецова мимо музея – и тележь⁹ на здоровье.

Меженное русло реки здесь изгибалось петлей. Под крутым глинистым берегом, заросшим тальником, неслись мутные воды. Свежий ветер шелестел кустами, показывал серебристую изнанку длинных листьев. Весна в этом году пожаловала ранняя, а разлив случился небольшой, оттого воды в полоях¹⁰ поймы оставалось немного. Километром выше по течению виднелась ажурная конструкция железнодорожного моста. Не только комаров, огуречной мошки ещё не появилось, самая благодать на «зелёной».

Жидких вдруг наваяло, как в восемьдесят девятом, незадолго до посадки, отдыхали они здесь на «майских». Молодые были, здоровые, удалые, а главное – живые. И Петруха Калинин, и Ромка Зябликов, и Серёга Рубайло, все. А теперь только они со Славкой остались. Димка Смоленцев не в счёт, он – коммерс, ломоть отрезанный. Брательник Антоха второй раз на зоне раскрутился, теперь – на трояк... Эх, шашлыки на рёбрышках варганили, в волейбольчик стучали, выпивали, музон слушали, боролись, загорали, Серёга Рубайло купнулся даже. Фоткались, фотки классные вышли. Ни одной не сохранилось, менты повыгребли на обысках, ко-

⁹ Тележить – разговаривать (жарг.)

¹⁰ Полой – мелкая впадина заливной поймы.

гда принимали. У неотличавшегося сентиментальностью Валеры комок к горлу подступил, глаза увлажнились. Отгоняя морок, он помотал бритым кумполом. Дела надо делать, а не сопли распускать!

Пять лет назад, откинувшись по звонку¹¹, Жидких перебрался в Ярославль. Объявил – корешок зоновский позвал в большой город, к большим бабкам поближе. Кореш существовал в реале, но главная причина смены места жительства была другой. Валера стремался, что после того, как он оттянул бесконечную десятку, всплывёт старое. То, до чего мусора не докопались, что на Мишке Калинине, по сию пору в бегах числящемся, висит.

В Ярославле Жидких прибил к «дельтовской» группировке, именовавшейся по названию спортивного клуба на улице Труфанова, в котором она базировалась. Идя в ногу со временем, группа отказалась от привычных форм деятельности, типа банального рэкета и автомобильных краж, на которых можно было легко угореть. Пацаны стали гужеваться вокруг крупных предприятий, а ещё – охранную деятельность осваивать. Получивший в бригаде погоняло «Залётный» Валера блюл репутацию правильного, но наверх не стремился. Должность его именовалась «менеджер по продажам». Зарабатывал стабильно, год назад прикупил двушку, правда, не в центре, а в поселке моторного завода, на «Пя-

¹¹ Откинуться по звонку – полностью отбыть срок наказания в виде лишения свободы (жарг.)

тёрке». Семьёй не обзавёлся, подруг менял по степени изнашиваемости. Всё катило в масть, но месяц назад он попал. Повёлся на возможность стать учредителем одной из «дочек» мясомолочного комбината. Захотелось собственное дело замутить, подумал: «Сколько можно на побегушках суетиться?». Не малой давно, тридцать шесть в апреле стукнуло. Занял балабаны¹² под процент на короткий срок у серьезного маза¹³. Одновременно крутил схему с продажей участков под застройку коттеджей, чтобы отбить бабло. Но в мэрии, где всё зашколадено было, вдруг затребовали заключение экологической экспертизы, и тема подвисла на неопределённое время, тогда как долг подлежал возврату день в день. Иначе включался нереальный счётчик. Большую часть денег Жидких, поднапрягшись, наскрёб. Остался лимон деревянными. Цифра не заоблачная, но тоже на бегу не перехватишь. Множество вариантов Валера просканировал, и ни один не сросся. Отчаявшись обойтись без криминала, он решил тряхнуть стариной. Тем более, что располагал привлекательной заготовкой.

В Остроге у него имелась любовница. «Знойная женщина, мечта поэта», – сказал про такую Остап Бендер. Звали её Врублевская Жанна Витольдовна. Этой перерезлой, но героически молодящейся матурке¹⁴ на момент их знакомства по

¹² Балабаны – деньги (жарг.)

¹³ Маз – авторитетный человек (жарг.)

¹⁴ Матурка – красавица (татарск.)

паспорту значилось пятьдесят два, но по состоянию души – в два раза меньше. Они обрели друг друга в преддверии нового тысячелетия, когда Валера занимался похоронами Ромки Зябликова. Жанна Витольдовна, хозяйка кафе «Лада», в котором заказали поминальный обед, утратила голову на первой минуте общения. Представив, что вытворяют в постели такие брутальные парни, она сомлела. Разница в возрасте не смутила прагматика Жидких. С той поры в свои нечастые, но регулярные наезды в Острог он не зависел от квартиры родителей. В уютном гнёздышке Врублевской всегда чувствовал себя желанным гостем. Взамен от Валеры требовалось немного тепла и участия. Правда, секс-машины в его лице ресторатора-торша не получила (десять лет колонии усиленного режима давали о себе знать), но Жанне Витольдовне хватало. Альфонсом Валера не заделался, однако от продуктового довольствия и презентов (по поводу и без) не отказывался.

Врублевская захотела улучшить жилищные условия, для чего вступила в договорные отношения с «Фондом муниципального строительства», строившим элитный по местным меркам дом на улице Коммунистической. Система взаиморасчетов с Фондом была привлекательной – Жанна Витольдовна отдавала по рыночной стоимости двухкомнатную «брежневку» и доплачивала разницу. Наступил день внесения платежа, и женщина попросила подстраховать её при транспортировке денег. Сумма была немаленькой – пятьсот «штук». В оговоренное время Жидких заехал за любовни-

цей. Та вышла из подъезда с цепко зажатой под мышкой сумочкой. Они проехали в Фонд, офис которого располагался неподалеку от площади Победы. Там Валера в очередной раз поразился русской беспечности. Штат организации состоял из двух женщин – директора и бухгалтера. Доставленные деньги сотрудницы фонда пересчитали и убрали в железный ящик. Всё это делалось при Жидких, которого Врублёвская представила: «Это со мной». Тётки даже не удосужились закрыть изнутри двери офиса. Наверное, рассудили: «Зачем, вдруг ещё кто денежку притаранит». Ключ от доморощенного сейфа бухгалтерша выудила из нижнего ящика стола. Дома Жидких ненавязчиво расспросил Жанну Витольдовну – сколько квартир в строящемся доме, все ли распределены. Услышал в ответ – дом девятиэтажный, в июне сдаются две секции, от желающих обзавестись в нём жильём нет отбоя, она еле успела заскочить в отходивший вагон. Валера набрасывал вопросы со скучающим видом, маскируя интерес.

Время показало, что информацию надуло кстати. В подельники под номером «один» Жидких без колебаний определил Пандуса. Недавно отмотавший двушник по сто двенадцатой¹⁵ за срубленную челюсть, Славян пробавлялся случайными приработками. Флегматичный с виду, он был резок в начинке, по характеру – кремь, и самое главное, проверен в деле. Но вдвоём было не управиться. Себе Валера

¹⁵ Статья 112 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью.

определил место за рулем тачки с работающим движком. Он подхватит на борт подельников и бабки. Требовался третий. Пандус сказал за Костяна Молоткова, с которым кентовался в последнее время. Жидких озадачился – Костян на пару с братом Борисом имели репутацию «махновцев»¹⁶, путные пацаны с ними не связывались. Костян тоже болтался не пришей-не пристегни, брательник его присел на одиннадцать лет за вооруженный разбой. Вся их шарага угорела осенью девяносто девятого. Кроме отмороженности Молоткова, напрягали слухи о том, будто он ширяется.

Поэтому Жидких не спускал с Костяна глаз. Молотков был одет в ветровку с длинным рукавом, из чего, впрочем, не следовал вывод, что он прячет «дорожки»¹⁷. Для короткого рукава ещё не наступил сезон. Костян был малоразговорчив, но депресняка или, наоборот, чрезмерного возбуждения Валера в его поведении не усмотрел. И Жидких решил, что для исполнения разового дела Молотков сгодится.

Налёт Валера запланировал на следующий вторник. В-первых и в-главных, в среду истекал срок возврата долга. Во-вторых, насколько ему удалось вывести у Врублевской, инкассация в Фонде проводилась дважды в неделю – в среду с утра и в пятницу после обеда. Своё любопытство Жидких закамouflировал обеспокоенностью за сохранность де-

¹⁶ «Махновец» – преступник, не признающий понятий (жарг.)

¹⁷ «Дорожка» – отчетливо видная под кожей багрово-красная вена от постоянных инъекций (жарг.)

нег застройщиков. Конечно, лучший результат гарантировался при нападении на перевозчика, но не удалось узнать – кто приезжает за деньгами, на чём, сколько человек, вооружены ли. И без того Валера опасался, что после того, как всё случится, любимая женщина озадачится его повышенным вниманием к Фонду.

Сообщение об объекте и времени налёта Пандус с Молотковым встретили критично.

– Это чё, в самом центре?! – Пандус вертел в руке чётки зоновской работы.

– Белым днём? – дёрганный Молотков отвернулся от ветра, прикуривая.

Жидких объяснил, как он намеревается угнать ментов на противоположный край города.

– Толково, – заценил Пандус. – Сколько думаешь взять?

Валера ответил уверенно, без запинки:

– Полтора ляма.

Прикид был приблизителен. Жидких рассудил логически – если одна баба принесла пятьсот тысяч наликком, то за полтора дня работы конторы три человека туда закатится всяко. В действительности, он рассчитывал взять больше.

– Как разбивать будем? – Пандус прищурил левый глаз, будто на прицел посадил.

– По-братски, – Валера осклабился, желая придать атмосфере доверительности. – Половину – вам, бродяги, остальное – мне, мальчишке на молочишко.

Крохотные медвежьи глазки Пандуса замутились от за-
клубившегося под черепной коробкой мыслительного про-
цесса. Славка прикидывал вклад каждого в делюгу, исходя
из распределённых ролей. Запросивший пятьдесят процен-
тов добычи Жидких дал набой¹⁸, придумал хитрую отвлеку-
ху, у него единственного из троих имелись колёса.

– Годится, – Пандус определился и зыркнул на добивав-
шего хабарик Молоткова. – Ты как?

– Покатит, – кивнул Костян, длинно сплёвывая.

– Как насчет «козырей»¹⁹? – Валера понимал, что с пуга-
чом идти в контору несолидно.

– У меня – ствол под мелкашечный патрон, – сообщил
Пандус.

– «Кочерыжку»²⁰ в огороде откопаю, – хмыкнул Молот-
ков.

– Баб валить не будем. Стволы засветите, они и обхезают-
ся. Свяжете, телефон оборвёте, лавэ – на карман, дверь – на
ключ, и сваливайте. Я буду ждать вот здесь, – Валера развер-
нул на нагревшемся под майским солнцем капоте пятидвер-
ного «BMW 316» листок с нарисованной схемой.

Перешли к обсуждению деталей. Наиболее проблемным
представлялся отход с места.

¹⁸ Набой – наводка на преступление (жарг.)

¹⁹ «Козыри» – оружие (жарг.)

²⁰ «Кочерыжка» – обрез (жарг.)

20 мая 2004 года. Четверг.

11.30–12.30

– Прочитай внимательно, потом обсудим, – межрайпрокурор с мрачным видом протянул Кораблёву поступивший факс с неровно оборванным верхом.

Саша развернул хрустящий свиток и приступил к чтению. Аркадьич отошёл к открытому окну и задумчиво закурил.

Сергей Аркадьевич Буров прокурорил в Остроге полных три года. Его предшественник Трель перевёлся в Генеральную. По слухам, обосновался он на исполнительной должности в управлении по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе. Острожские проделки Треля быстро поросли быльём.

Аркадьич был местным, службу в органах прокуратуры начинал стажёром, потом аттестовался на следователя. Звёзд с неба не хватал, но показатель давал стабильно. После октябрьских событий девяносто третьего года в Москве был командирован в следственную бригаду Генпрокуратуры, разбиравшую обстоятельства гражданской войны. Просидел там два года. Расследование, как и ожидалось, закончилось пшиком. Вернулся Буров на должность следователя по особо важным делам прокуратуры области. После размеренной жизни в бригаде ему пришлось тяжело. От наказаний за про-

махи спасали дружбаны, которыми он обзавёлся в столице. В девяносто девятом Аркадьича назначили прокурором Серебряковского района – сельского, малонаселённого, но проблемного, как любое административное образование постсоветской России. Следственнику Бурову в новой ипостаси пришлось нелегко. Общим надзором он ранее не занимался, в судах не участвовал. Вновь над его головой стали сгущаться тучи, и снова беду отвели московские приятели. Они же поспособствовали переводу на освободившуюся должность в Острог. С возвращением на малую родину в жизни Аркадьича завершился период скитаний по съёмным квартирам и гостиницам.

Прокуратура при Бурове ходила в середнячках. Обстановка в коллективе установилась приемлемая. Без рабочих конфликтов не обходилось, но в целом ситуация была устойчивой. Выше пяти баллов по шкале адмирала Бофорта²¹ скорость ветра не поднималась.

– Ни фига себе они сроки устанавливают! – присвистнул Кораблёв.

К девяти ноль-ноль следующего вторника гормежрайспецпрокурорам²² предписывалось провести проверки в по-

²¹ Френсис Бофорт (1774–1857) – английский военный гидрограф и картограф, контр-адмирал, разработчик двенадцатибалльной шкалы для определения скорости ветра.

²² Гормежрайспецпрокуроры – городские, межрайонные, районные, специализированные прокуроры (вед. сокр).

рядке статей 144–145 УПК РФ²³ по всем фактам возбуждения прокуратурой уголовных дел из милицейских отказных материалов²⁴ за текущий год и три предшествующих.

– Двести семь материалов надо собрать, – Буров успел взглянуть в статотчёты.

Но проведение доследственных проверок было не самоцелью. Письмо прокурора области обязывало к указанной дате возбудить уголовные дела в отношении всех руководителей территориальных органов внутренних дел, утверждавших отказники, в которых надзирающее око усмотрело признаки криминала. Предполагалось, что милицейские начальники умышленно укрыли преступления от регистрации, в связи с чем подлежали уголовной ответственности.

– Аркадьич, ты, что ли, подкальываешь? Первое апреля вроде прошло? – с глазу на глаз Саша общался с начальством на «ты», они приятельствовали.

– Больше мне делать не хера! – Буров крепко потёр раздвоенный подбородок, придававший ему сходство с замечательным актёром Владимиром Самойловым, ныне покойным.

Вопреки утверждениям физиономистов, наделяющих массивным подбородком людей жёстких, Аркадьич отличал-

²³ Статьи 144, 145 УПК РФ регламентируют порядок рассмотрения сообщений о преступлениях и решения, принимаемые по результатам данных проверок.

²⁴ Отказной материал – проверочный материал, по которому принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела (проф. сленг).

ся мнительностью и уступчивостью.

Кораблёв вёл остро заточенным карандашом по строчкам письма Генпрокурора, присланного областниками в качестве наглядного приложения.

«Уголовная статистика отражает не истинное количество совершенных преступлений, а негодную практику их регистрации. Милиция объективно покрывает преступников, помогает им избежать заслуженного наказания, потому что значительная часть преступлений не регистрируется. Настало время начать бескомпромиссную борьбу с этим злом. Персональную ответственность за укрывательство преступлений подчиненными будут нести руководители органов МВД...»

– Эмоции хлещут через край, – качал головой Саша, углубляясь в текст.

– Я мужикам в Москву прозвонился, – Буров снова закурил. – Говорят, наш Герой России закусился с их новым министром. На правах ветерана решил молодому указать, чьи в доме тапки. А у того, кровь татарская, горячая, послал нашего в пень. Тогда наш объявил прилюдно, что через месяц все начальники райотделов по стране будут сидеть. Вот и понеслось!

– Круто, – оценил Кораблёв, похлопал себя по карманам кителя и протянул руку. – Дай сигаретку. Спасибо. С областью говорил?

- Сразу Насушнова по «тройке»²⁵ набрал. Надзор за милицией – его епархия.
- И чего дядя Коля хорошего сообщил?
- Чего он может сообщить? «Мужики, мужики, – сказал, – Отнеситесь со всей серьёзностью, это не шутки».
- У старика чуйка, дай бог каждому. А в других районах чего помышляют?
- Я больше никому не звонил. Смысл? Они меньше нашего знают. Давай лучше кумекать, чего делать.
- Аркадьич, ты ж понимаешь, что это полный бред, – Саша дотянулся до тяжёлой хрустальной пепельницы, раздавил окурок. – Начальник милиции или замы, когда пачками утверждают отказные, в суть не вникают. Мы никогда не докажем умысел на укрытие, если они его не признают. А они дауны, что ли – признаваться? Для состава двести восемьдесят пятой²⁶ прямой умысел нужен. После исполнителя ещё начальник службы на постановлении закорючку ставит. С ним как быть? Он, конечно, лицо не процессуальное, но тоже ведомственный контроль осуществляет. Почему у начальника – состав, а у начальника службы – нет? Потом, когда я за ментурой надзирал, всё, что из отказных возбуждалось, было без мухлеза с их стороны. Такого, чтоб они заявителя склонили сумму похищенного занижить или сказать, что пропажа якобы нашлась, я не выявлял. Ты ж знаешь, наша

²⁵ «Тройка» – телефонная спецсвязь.

²⁶ Статья 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями.

милиция в целом вменяемая...

– Всё ты правильно, Сань, говоришь, только слушать тебя никто не будет, – прокурор грузно уселся в кресле под закреплённым на стене резным двуглавым орлом – творчеством сидельцев «шестой» колонии, расположенной на поднадзорной территории. – Пускай следаки всё бросают и падают на материалы. Слепим, сколько успеем.

– Как это ты себе представляешь? – Кораблёв недобро прищурился. – У Винниченко на следующей неделе – срок по облоподсудности. А он за обвиниловку²⁷ не брался. Там у злодеев стражный срок истекает. Десять месяцев сидят! Нам яйца оторвут, если мы ещё раз с продлением заявимся.

– Сань, а зачем тебе яйца? Наследника ты себе сделал, – Буров попытался свести разговор к шутке.

Кораблёв не склонен был ёрничать, он сверкал глазами и загибал пальцы:

– Вася Максимов – по вчерашнему убийству работает. На показ²⁸ после обеда собирается, пока жулик²⁹ не переобулся. Отменить прикажешь? А с чем завтра на арест выходить? Балбес Каблуков – с понедельника в отпуске, за ним долгов по материалам – с середины прошлого года. Самандаро-

²⁷ Обвиниловка, обвинительное – обвинительное заключение по уголовному делу (проф. сленг).

²⁸ Показ – проверка показаний подозреваемого (обвиняемого) на месте (проф. сленг)

²⁹ Жулик – подозреваемый (обвиняемый) (проф. сленг)

ва мы с тобой под фээсбэшную наработку бережём. Сам знаешь, на какую рыбину они крючок закинули. Яковлев подтвердил, что реализация завтра стопудово. У неаттестованных вундеркиндов, у каждого на руках не меньше пяти дел, по всем сроки тикают... Гальцев в Питере на учёбе. Конец месяца не за горами. И вместо того, чтобы дела в суд заталкивать, ты предлагаешь гробить время на бессмысленную лабуду. Зашибись...

– Я предлагаю?! – возмутился Аркадьич. – Слушай, Александр Михалыч, тебе не кажется, что ты оборзел в корягу?! Это не я, это прокурор области во исполнение указания Генерального предлагает. И не предлагают они, бляха-муха, приказывают! А за неисполнение грозятся покарать по всей строгости, безо всякой справедливости! Озадачивай личный состав по полной! У Самандарова до реализации сутки, пусть вваливает. Февралёв у нас на следующей неделе выходит? Звони, пускай завтра является, как штык. Прилетел он из своего Египта? Кудряво молодежь живёт! Я в его годы не знал, что такое отпуск! Ночевал в кабинете! Пусть выходит и отрабатывает важняка³⁰!

– А милицейский надзор чего? Бамбук курить будет? Учёт и регистрация, вообще-то, их участок, – выпустив пар, Саша прикидывал, как организовать работу по свалившейся вводной.

– Кто сказал? Неохота мне Органчика в эту тему впрягать,

³⁰ Важняк – следователь по особо важным делам (проф. сленг)

а куда деваться... Ох, он, паскудник, обрадуется!

Прозвище Органчик, заимствованное из бессмертного произведения Салтыкова-Щедрина, носил заместитель прокурора Хоробрых Андрей Леонидович.

Вторую должность зама в межрайонной прокуратуре ввели в январе 2003 года. Принятый с помпой новый УПК³¹ взвалил на надзорный орган такой массив дополнительных обязанностей, что прокурор с замом буквально выли на луну от отчаяния. Теперь каждое уголовное дело возбуждалось с письменного согласия прокуратуры. Преступники, как известно, чинят злодеяния в любое время суток, не считаясь с режимом работы правоохранителей. Аркадьич с Кораблёвым заступали на вахту по графику «через неделю». Дежурная часть УВД, следователи и дознаватели поднимали их практически каждую ночь и ладно бы, по делу, а то чаще по ерунде. Консультировались, перестраховывались. В новых условиях ответственные от руководства милиции устранились от разбора сообщений о преступлениях. Прокурорский надзор стал дублировать, а потом и подменять ведомственный контроль. Соответственно, умножилась ответственность. Главный спрос за законность возбуждения дела был с того, чья подпись стояла в правом верхнем углу постановления. В дежурную неделю приходилось проводить на службе все выходные. Разумеется, многократно увеличив объём работы, никто наверху не задумался о повышении

³¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ, вступил в действие с 01.07.2002.

заработной платы. Начавшийся исход квалифицированных кадров вынудил Москву ввести в штаты низовых прокуратур ещё по одной ставке заместителей.

В Остроге явление нового зама принесло больше проблем, чем помощи. Хоробрых десять лет оттрубил в области на должности старшего прокурора отдела по надзору за следствием и дознанием. Заслужил зловещую репутацию «киллера». Являл собой ярко выраженный тип мизантропа, из всей палитры красок различавшего единственный цвет – густо-чёрный. Кораблёву он, будучи зональником³², попортил крови немало.

Постепенно своим рвением Хоробрых допёк непосредственное начальство. Его начали осаживать: «Андрей Леонидович, нельзя на местах переувольнять всех, кто-то должен расследовать дела, раскрывать преступления». Вошедший в раж Хоробрых увещевания игнорировал. С каждым днём влиять на его поступки становилось проблематичнее. Андрей Леонидович не имел вредных привычек в быту, чтит трудовую дисциплину, был исполнителен и неумолим, как робот. Осознавая свою неуязвимость, он утратил чувство меры. Дошло до того, что он накатал рапорт прокурору области на его первого заместителя Насущнова, обвинив почётного работника в непринципиальности и потворстве нарушителям закона. Копию рапорта Хоробрых направил в Гене-

³² Зональник – прокурор отдела, осуществляющий надзор за конкретным районом (районами).

ральную. Прозревшее начальство начало методично, не давая поводов для жалоб, зафлаживать бунтаря по всему периметру. Знакомясь с графиком отпусков на следующий год, он обнаружил свою фамилию среди парий³³, записанных на ноябрь. После перераспределения обязанностей в отделе его перевели на аналитику и завалили контрольными заданиями. Хоробрых с присущим ему упорством пару месяцев отчаянно барахтался, но в итоге нарушил несколько сроков исполнения, за что был стремительно привлечён к дисциплинарной ответственности. Коварство неблагодарного руководства оскорбило Андрея Леонидович до глубины души. В отделе кадров думали – неустрашимый боец обжалует наказание в суде, и уже трепетали от мысли, что проиграют процесс. Но обескураженный несправедливостью Хоробрых впал в ступор и неожиданно для всех согласился с предложением годик поработать в Остроге заместителем. Возможно, Андрей Леонидович полагал, что сразу после его ухода начальники поймут, какого незаменимого сотрудника потеряли, и наперебой примутся упрашивать вернуться с повышением и особыми полномочиями. Он заблуждался. В области, избавившись от склочника, вздохнули с облегчением.

Зато в Остроге схватились за голову. Неконфликтному Аркадьичу сложно оказалось противостоять носорожьему натиску заскорузлого аппаратчика. Тем паче, что по возрасту тот был старше межрайпрокурора на целых пять лет и имел

³³ Парии – отверженные, бесправные.

равный с ним чин советника юстиции³⁴. С приходом Хоробрых Кораблёв переместился на прокурорское следствие, освободив участок надзора за органом внутренних дел. Через неделю знакомства с новым зампрокурора его предшественники казались милиционерам воспитателями из детского сада. Хоробрых ни с кем из УВД, кроме руководства, не здоровался. Обращался на «вы», но обезличенно и с ледяной интонацией. Костистое лицо его походило на застывшую алебастровую маску. В каждом он видел классового врага. В первый месяц его кипучей деятельности возникла реальная угроза коллапса. Он возвращал все дела, поступавшие к нему для утверждения обвинительного заключения, выдвигая невыполнимые требования. Начальницы следствия и дознания (первая клокоча от ярости, вторая обливаясь слезами) кинулись за правдой к Аркадьичу. Тот нашёл их доводы обоснованными, вызвал к себе подчинённого и разъяснил ему: «Наша милиция не самая плохая, конвейер уголовного преследования должен функционировать беспрестанно». За полчаса аудиенции Хоробрых, как каменный идол на кургане, не проронил ни слова. На следующий день по спецсвязи позвонил первый зампрокурора области Насущнов, сообщивший, что по факсу поступил рапорт от известного лица. Ассортимент обвинений был стандартным – попустительство нарушениям закона, сращивание с милицией.

³⁴ Советник юстиции – классный чин сотрудника прокуратуры, соответствующий званию «подполковник» в других правоохранительных органах.

– Вы там поаккуратней с ним, мужики, поаккуратней, – сочувственно вздыхал на другом конце провода Насущнов. – Главное, повода не давайте.

– Мы на работе не употребляем, Николай Николаич, – поспешил заявить Буров.

– А чего ты, Сергей Аркадьич, сразу оправдываться... оправдываться? Может, я не то имел в виду?

С тех пор боевые действия на открывшемся внутреннем фронте не затихали ни на день. Конечно, служба на «земле» немного обтесала правдоискателя. Скоро выяснилось, что виртуоз штабной культуры плавает в вопросах квалификации преступлений. За многие лета его аппаратной работы следственная практика ушагала далеко вперёд. В первый квартал замства Андрея Леонидовича из суда для устранения недостатков прилетела стайка дел, обвинительные по которым утверждались им. Последовавший разбор полётов установил – причиной брака стало исполнение следователями письменных указаний надзирающего прокурора. Приказ о наложении нового выговора, на сей раз строгого, не заставил себя ждать. Ознакомившись с документом о взыскании, Хоробрых пригорюнился. Следующим шагом грозило стать неполное служебное соответствие, после которого впадшему в немилость сотруднику обычно предлагают уволиться по собственному. Аркадьич с Кораблёвым потёрли руки – обломался конь педальный. Но Андрей Леонидович отличался фантастической упёртостью. Поумерив спесь, он обложил-

ся руководящими разъяснениями пленумов Верховного суда, пухлыми комментариями к УК³⁵ и УПК³⁶, и в считанные недели овладел методикой основных операций. После этого уровень его опасности возрос. Заматерев, Хоробрых снова стал щерить клыки по каждому поводу. В милиции не смолкал плач Ярославны.

Органчиком его нарек книгочей Саша Веткин, ветеран прокуратуры, всё чаще заводивший блюз о скором уходе на пенсию.

С учётом объявленной кампании для Органчика открывалась заманчивая возможность поквитаться с ненавистными ему ментами, выслужиться перед новым прокурором области и вырваться из опостылевшей ссылки. По сути, ему вручалась лицензия на отстрел. Отодвинуть в сторону зама, в обязанности которого входил надзор за законностью при учёте и регистрации преступлений, было невозможно.

– Ты ему, Аркадьич, сразу внуши, чтобы сам он не вздумал дела возбуждать, – капал на мозги прокурору Кораблёв. – Навозбуждает всякой хрени, а мне потом расхлёбывай.

– Знамо дело! – весомо согласился Буров. – Все решения только с моего ведома. Не в службу, а в дружбу, выгляни в приёмную, скажи Эле, чтобы позвала его.

Судя по нахмутившемуся лбу прокурора, он формулировал пункты инструктажа для своенравного подчинённого.

³⁵ Уголовный кодекс РФ.

³⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

20 мая 2004 года. Четверг.

11.30–13.00

Муратов под расписку сдал Миху дознавателю Семёркиной и отчалил.

Дознавательница указала подозреваемому на стул, а сама озадачилась поисками дела. Пока она энергично рылась во встроенном шкафу, Маштаков по часовой стрелке обвёл взглядом кабинет. Тот по-прежнему хранил ауру зала ожидания на ж/д вокзале. Троица допотопных столов, скреплённых грубыми стальными уголками, кособокие стулья-инвалиды с протёртыми сиденьями. Потолок с осыпающейся побелкой и купоросной плешинкой от протечки «стояка» центрального отопления. Рассохшиеся рамы, треснутое по диагонали стекло, заклеенное сморщенной полоской скотча. Обитание в помещении женщин декорировало процесс его распада. Никотиновый настой в воздухе присутствовал, но не в концентрированной форме. Цветы на подоконниках маскировали щели, глянцевые календари и плакаты по стенам оживляли казённость интерьера. На карандашном эскизе, прикреплённом магнитом к облезлому сейфу, цапля, растяпив клюв, глотала лягушку, которая передними лапками душила свою пожирательницу за длинную шею. «Никогда не сдавайся!» – призывала надпись под картинкой. На всех сто-

лах, впрочем, громоздились мониторы компьютеров, из чего Миха сделал вывод, что за годы его отсутствия технической вооруженности отделения дознания внимание уделялось.

Олеся Семёркина перелопатила пыльные груды старых дел на верхних полках, искомого не обнаружила и присела перед нижним отсеком. Маштаков обратил взор на обтянутый форменной юбкой бэксайд женщины, представший в выгодном ракурсе. Время прибавило фигуре Семёркиной плавности, а Миха ценил это качество в представительницах прекрасного пола.

Почувствовав пальпирующий взгляд, Олеся обернулась и одновременно звонко чихнула.

– Будьте здоровы, – вежливо пожелал ей Маштаков, отмечая противоестественность обращения на «вы» к женщине, с которой прежде был близок.

На щеках старшего лейтенанта милиции рдел пятнистый румянец, она забавно сморщила нос, пытаясь больше не чихать.

– Дельце моё запропало? – поинтересовался Миха, чтобы не молчать.

– Да, эти росوماхи весь архив перевернули, пока я в «декрет» ходила, – Семёркина смотрела мимо привалившегося к стене подследственного.

Обручальное кольцо на безымянном пальце в совокупности со сказанным выдали достаточный объём информации: «вышла замуж, родила, всё, как у людей».

Их связь вспыхнула в июне двухтысячного. Олесей тогда двигало девчоночье любопытство к непохожему на других оперу с прокурорским прошлым, представленному к награде за задержание вооружённых бандитов, одного из которых он застрелил. Маштаков в свою очередь надеялся затеять новую жизнь при посредстве этой куколки. Закончилось всё предсказуемо – Мишка косолапый едва не сломал девушке судьбу. Свои поступки вспоминать ему было стыдно, а вот Олесины особые приметы в виде трогательно острых грудок, жёстких косточек таза и длинных голенастых ножек – приятно.

Наконец уголовное дело по подозрению гр-на Маштакова М.Н., 1965 г.р. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.157 УК РФ³⁷, отыскалось в коробке с чистыми бланками. Семёркина заняла место за столом, пролистав бумаги, прикидывая последовательность своих действий.

Миха сообщил: «Готов всё подписать, виновным себя признаю полностью, от защитника отказываюсь».

– Всё сегодня не получится, – Олеся состроила гримаску сожаления. – Мне надо в прокуратуре дознание возобновить и обвинительный акт³⁸ составить. Придется ещё раз прийти.

– Как скажете, – кротко согласился Маштаков.

³⁷ Часть 1 статьи 157 УК РФ предусматривает ответственность за злостное уклонение родителя от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей.

³⁸ Обвинительный акт – итоговый процессуальный документ предварительного расследования, производящегося в форме дознания.

Включив компьютер, Семёркина утвердила на маникюрные пальцы на клавиатуре, демонстрируя готовность слушать и записывать. Миха, откашлявшись, пояснил, что о начале уголовного преследования не ведал, потому злонамеренно от органов правопорядка не скрывался. Своё трёхлетнее отсутствие объяснил ведением бродяжнического образа жизни. Повторять версию про амнезию не стал, рассудив, что прокурор при таком раскладе заставит дознавателя проводить по делу психиатрическую экспертизу. А это геморрой.

Олеся в расспросы не углублялась. Распечатав объяснение, занялась перекройкой файла в протокол допроса подозреваемого, который пока в целях соблюдения норм УПК не датировался.

Выводя внизу листа сакраментальное «с моих слов записано верно и мною прочитано», Маштаков узрел, что в «шапке» документа дознаватель именуется Калёновой О.Г. Миха вопросительно вскинул выгоревшие на солнце брови. Экс-Семёркина покраснела ещё жарче, открыла аккуратный ротик, надо полагать, чтобы дать необходимое пояснение...

Помешала вторгшаяся в кабинет особа, стремительным колобком прокатившаяся за дальний стол. Рывком придвинув телефонный аппарат, особа с треском принялась накручивать диск. По хозяйским замашкам судя, это была коллега из новых.

Олеся сразу передумала уточнять, тот ли это Калёнов, о котором подумал Маштаков, но так как рот её уже был от-

крыт, произнесла:

– В качестве меры пресечения вам избирается подписка о невыезде и надлежащем поведении. Явитесь в следующую среду, сейчас я выпишу повестку. Сможете принести характеристику с места жительства? Да, за подписью участкового пойдёт. Только не подводите, а то я на «дипломе», не хочется лишний раз тудым-судым мотаться.

Миха поинтересовался суммой задолженности. Услышав «сто две тысячи пятьсот рублей», еле удержался, чтобы не выразиться по-татарски. Вникать в правильность расчёта постеснялся, урезонив себя доводом, что пристав-исполнитель не с потолка взяла цифры. Севшим голосом спросил, имеются ли в деле сведения о месте жительства бывшей супруги.

От сестры он знал, что Татьяна через суд добилась признания его безвестно отсутствующим, продала двухкомнатную «хрущёвку» и переехала в Иваново к родне. В стародавние времена перспективный зампрокурора Маштаков, обоснованно рассчитывая получить жильё в другом регионе, куда его пошлют на повышение, отказался от участия в приватизации. Поэтому заморочек с продажей квартиры в его отсутствие не случилось.

Олеся полистала дело и обнаружила конверт, приколотый степлером к задней «корке». В нём было датированное декабрём прошлого года заявление потерпевшей, в котором она справлялась о мерах по розыску алиментщика. Адрес на конверте был указан ивановский: улица Куконковых, дом,

квартира... Миха не помнил, где располагается такая улица. Отметил мимоходом, что Татьяна обосновалась не у матери, та жила на Мархлевского в частном секторе.

Подчеркнуто официальная Семёркина-Калёнова выудила из стеклянной коробочки квадратик бумаги, на который переписала адрес. Удивительно, но при изобилии писанины ей удалось сохранить красивый почерк хорошистки. Маштаков сунул записку и повестку в нагрудный карман рубашки, к сигаретам.

На его «до свидания» дознаватель скупно кивнула, вступив в диалог с коллегой-колобком, искавшей телефонный справочник.

Михе не терпелось вырваться на открытое пространство. Отделение дознания располагалось на втором этаже возле лестницы, поэтому процесс эксфильтрации много времени не занял. Пересекая фойе перед «дежуркой», Маштаков отметил – в прошлой жизни, проходя мимо мемориальной доски в честь погибших при исполнении, он думал всякий раз, что на месте последней фамилии могла значиться его. И меж лопаток тогда пробегал кусачий холодок. А сейчас реакции не последовало. Видно, шкура задубела.

На КПП до него докопался незнакомый молодой милиционер, но тут из тормознувшей у ворот бежевой «шахи»³⁹ вывалился Андрейка Рязанцев.

– Никола-аич, ты?! – у бывшего напарника челюсть отва-

³⁹ «Шаха», «шестёрка» – жаргонное название автомобиля ВАЗ-2106.

лилась от изумления.

Постовой сразу потерял служебный интерес к стриженному «под ноль» гражданину. Андрейка, как в слесарных тисках, стиснул Маштакова.

– Жив-вой! Когда вернулся?!

Периферическим зрением Миха зацепил, что из-за тонированных стекол оперативной «ВАЗ-2106» его сверлит пара цепких глаз.

– Расскажу, всё расскажу, только не сейчас. Тороплюсь, брат, извини, – Маштаков стал вывинчиваться из объятий.

– Где обитаешь?

– Пока у сестры.

– Ага, адрес помню. На Орджоникидзе. Вечерком заскочу?

– Давай не сегодня. Сегодня – родня, то-сё. Я сам нарисуюсь завтра-послезавтра. Телефон старый?

– Я в убойный перевёлся, – заскучавшая интонация выдавала, что от нового места службы Рязанцев не в восторге.

Он заматерел, в плечах стал неохватен, а выражение глаз сберёг мальчишеское.

– Пообещай, что не пропадёшь, Николаич, – проникновенно сказал Андрейка.

– Обещаю, – улыбнулся Миха и двинул по Ворошилова направо в сторону улицы Абельмана.

Никакая родня по поводу его возвращения нигде не собиралась. От общения с Андрейкой и Титом, которого Рязан-

цев, к гадалке не ходи, притащит, он отоврался из-за неготовности к ответам на вопросы. А они посыплются, как из прорехи: «Где был, что делал, да почему не давал о себе знать».

Маштаков ссутулился, придавленный своими враками, подкурил «Приму».

«Завтра-послезавтра нарисуюсь... У-у-у, трепло! С понтом, чего-то изменится за день-два...»

Скверно обстояли дела с родными людьми. Прошлой зимой в возрасте шестидесяти двух лет от острого инфаркта миокарда умерла мама. Безвестное исчезновение первенца не добавило ей здоровья. Отец вдовствовал, жил отшельником в трёхкомнатной квартире. Вчера сестра Светка известила его о явлении блудного сына. И родитель изрёк в ответ: «У меня сына нет, и никогда не было». С отцом у Михи и раньше были непростые отношения, теперь же, когда на него возложена вина за преждевременную кончину матери, путей к примирению не предвиделось.

Что по сравнению с этой драмой объяснения с бывшими коллегами?

«Скажу им, как Львовичу, – «память отшибло». Покрутят, поколют, не поверят и плюнут. А вот с батей чего делать, ума не приложу...»

Маштаков шоркал городским бульваром, прозванным за протяжённость дистанции «стометровкой». Клейко зеленевшие насаждения ещё не давали тени. Две женщины в спе-

цовках, «гусиным» шагом двигаясь вокруг клумбы, высаживали рассаду красной петунии. Похмельного вида рабочий в замызганном комбезе макал квач в ведро с растопленным гудроном и щедро мазюкал им поверх ржавчины чугунную решетку, ограждавшую бульвар от проезжей части. За бронзовым памятником воину-победителю Миха прибавил шаг. Ближе к вокзалу архитектурный ансамбль улицы Абельмана составляли двухэтажные строения дореволюционной постройки (кирпичный низ, деревянный верх). В одном из таких домов по фасаду висела жестяная, в известковых разводах вывеска, на которой посвящённый прохожий мог угадать надпись: «Антикварная лавка». Потянув на себя тяжёлую дверь, Маштаков шагнул внутрь, сопровождаемый блямканьем колокольчика.

В лавке царил неистребимый запах лежалых вещей, но посетителю показалось, будто он свежего воздуха полной грудью глотнул. А ещё почудилось, что все сегодняшние события: милиция, алименты, подписка о невыезде, автоматчик у ворот – затянувшееся сновидение, а в реальность он возвращается теперь.

...По левую руку высилось бюро из массива дуба с выдвинутыми ящиками. Лак на нём давно облупился и пузырился шпон, однако своей величавости предмет офисной мебели конца девятнадцатого века не утратил. Как и втиснутый в простенок у окна тёмного дерева резной буфет, рябой от трещин и сколов. На перегородившей помещение стойке по

убывающей были расставлены: пузатый угольный самовар с оттопыренными ручками, канделябр в стиле ампира и керосиновая лампа с закопченным стеклом. Латунный маятник кривовато висевших на стене часов с боем был недвижим, и Михе захотелось его толкнуть, чтобы возобновить ход времени. С порога он не мог разглядеть затейливой надписи на эмалевом циферблате, но знал доподлинно, что марка часов – «Густав Беккер» и изготовлены они в Германии...

Наваждение нарушил долговязый человек, появившийся из подсобки.

– Свят-свят-свят, – деланно запричитал он. – То не стая воронов слеталась!

– День добрый, Семён, – Маштаков пропустил мимо ушей каркающее сравнение. – Бизнес процветает?

– Какой у меня бизнес, Михаил Николаевич? Слёзы, – вытянув жилистую шею, хозяин лавки разглядывал сквозь тусклое оконце, нет ли за порогом сопровождения нежданного гостя.

Сеня Чердаков слыл оригиналом. Имел в активе смекалистую голову, подвешенную «метлу», фактурный экстерьер. Учился в трёх ВУЗах (мехмат, физвос, биофак), полного курса не осилил ни в одном. В своё время судимости приобрел сообразно интересам: первую за незаконные валютные операции, вторую – за «травку». Миха познакомился с Сеней до того, как тот попал в поле зрения правоохранителей. Старшую дочь Маштаков водил в один детсад с отпрыском

Чердакова. В один садик, в одну группу и даже ящички для одежды соседствовали: у Даши – с яблоком на двери, у Сениного Орфея – с морковкой. По роду своей деятельности Чердаков обязан был перманентно общаться с представителями криминального мира, сбывавшими в его лавку предметы старины, и, соответственно, с ментами. Насколько Михе было известно, Сению в корки закатать⁴⁰ не сподобились, но от разовой помощи уголовному розыску он не увиливал.

Чердаков, сверстник Маштакова, словно сошёл с фотки начала восьмидесятых. Расчёсанные на прямой пробор соломенные волосы достигали воротника, не знавшая сносу затёртая джинсовая пара стала второй кожей, кроссовки с тройными синими полосками титуловались, естественно, «Adidas», за щекой перекатывалась неизменная жвачка.

– Хорошо выглядишь, – зачем-то сообщил Михе продавцу древностей.

– Чего не скажешь о вас, монсеньор, – у Сени на языке было тоже, что и на уме.

Маштаков достал из кармана куртки несколько сложенных вдвое банкнот, положил на стойку.

– Бонистика отнюдь не мой профиль, – забормотал Чердаков, склоняясь над прилавком и разворачивая дензнаки верером. – Ну-с, и что мы здесь лицезреем? Царские ассигнации... «Четвертной билет»⁴¹, «катенька»⁴² и даже «Пётр»⁴³.

⁴⁰ Закатать в корки – официально завербовать (жарг.)

⁴¹ «Четвертной билет» – двадцатипятирублёвый кредитный билет (устар).

Угу. Знаки многократно использованные, однако неповреждённые. Стало быть, сохранность их отнесём к «очень хорошей». Но все выпуска после 1898 года, посему для серьёзного коллекционера профита не представляют. А это у нас...

Банкноту желтоватого цвета Сеня повертел, добиваясь, чтобы свет на неё падал под разными углами.

– Билет государственного казначейства главного командования вооружённых сил на юге России достоинством пятьдесят рублей, 1919 года выпуска. Деникинские деньги. Сохранность «чрезвычайно прекрасная». Очень привлекательный знак, с лёгким износом лишь. Вам, Михаил Николаевич, угодно-с, чтобы я произвёл оценочку?

– Такточно, – кивнул Маштаков. – И купил.

– Извольте, царские ассигнации сто рублей за бумажку, белую денежку – в пятистах. Поверьте, цену предлагаю настоящую.

– Годится.

Чердаков проворно растасовал банкноты по пластиковым файлам, убрал в ящик, отсчитал клиенту восемьсот целковых и, словно крыльями, встряхнул волосами.

– Вспрыснем сделочку?

Предложение поступило заманчивое, но отказаться от него у Михи силы воли хватило.

– Я, это самое, на просушке.

⁴² «Катенька» – банкнота Российской империи номиналом 100 руб. (устар).

⁴³ «Пётр» – банкнота Российской империи номиналом 500 руб. (устар).

– А-а-а, – с понимающей скорбью Сеня закачал головою. – Тогда не смею задерживать. Заходите, всегда будем рады.

– Повод будет, загляну, – пообещал Маштаков, думая попутно, что упакованный в провощённую бумагу «повод» надлежит срочно припрятать.

Место нычки подсказала фамилия антиквара.

Миха двинул на главпочтамт, располагавшийся в шаговой доступности, откуда отправил пятьсот рублей на ивановский адрес Татьяны. На бланке перевода написал: «Я нашёлся. Начинаю возвращать долги». Сделать приписку «Передай привет Даше и Маришке» не решился, подумав, что это будет выглядеть мимоходом. К девчонкам надо ехать лично. Чем скорей, тем лучше. И не с пустым карманом.

Затем Маштаков сфотографировался на паспорт. Час, необходимый для изготовления снимков, он решил скоротать на лоне природы. Купив в магазине бутылку молока и пакет овсяного печенья, спустился к пойме.

В старших классах на сдвоенных уроках физкультуры сюда ходили кататься на лыжах. Лыжня начиналась от окраинной Клязьменской улицы, но все уважающие себя пацаны вставали на лыжи у краеведческого музея и летели вниз с обледеневшей горы. Такого ликующего задора, морозного ветра, обжигающего щёки, и ослепительного солнца во взрослой жизни не бывает.

Кратчайшим путём выходя к реке, Миха узрел, что любимое им место – на обрыве у излучины – занято. Возле бо-

лотного цвета иномарки с распахнутыми настежь дверями и багажником кучковались трое молодых мужчин. Донёсся разухабистый бухающий шансон. Бутылки и закуски капот не украшали. Отсюда следовал логичный вывод, что ребята навестили «бугорки» пролётом. Но ждать, когда они отчалият, было бы некорректным.

Маштаков взял правее, пробрался по скользкой чавкающей тропке меж ям, заполненных талой водой. На повороте оглянулся – мужчины провожали его долгими взглядами. Их недружелюбное внимание заставило пройти дальше к мосту. Весьма кстати подвернулось поваленное дерево, на которое можно было усесться без риска застудить мочеполовые органы.

Глядя на быструю воду, моргавшую солнечной рябью, на журчавшие под глинистым обрывом юркие водоворотики, Миха пил из горлышка молоко и закусывал печеньем. Или, наоборот, жевал печенье и запивал молоком. От перемены мест слагаемых вкус не менялся и был родом из детства.

Маштаков думал с ленцой, как классно бездельничать и блаженно щуриться на мирном майском солнышке. Стриженую голову припекало, и он включил в план завтра же прикупить на рынке бейсболку. Попутно головной убор спрячет от любопытных глаз шрам на темени.

Завершив трапезу, Миха вытрусил на ладонь из опустевшего пакета крошки, отправил в рот. Пакет свернул в хрустящую трубочку, запихал в бутылку и закрутил крышку. Бы-

товые отходы он потащит обратно до первой урны. На природе не бросит. За время скитаний привычка не атрофировалась. Таким же макаром он поступал на улице с окурками. На подколы приятелей, мол, всё равно кругом срач, и один бычок погоды не сделает, Маштаков неизменно отвечал, что пусть срач существует без его индивидуального вклада.

Отвернулся от ветра прикурить. Поднеся кончик сигареты к незажжённой зажигалке, исподлобья разглядывал людей около иномарки. По прямой их разделяло метров сто. Троица закругляла randevu.

Кряж в распахнутой поясной кожанке решил отлить на дорожку. Поддерживая обеими руками достоинство, запрокинув лысую башку в свежевystиранное небо, поливал с обрыва, норовя достать до воды.

«Какой маленький город, – огорчился Миха. – Плюнешь и обязательно попадёшь в знакомого. Славка Пандус! Откинулся, бродяга».

Чиркнул кремешком, прижёт «Приму», рьяно всосал крепкий дым. Удостоверился, что народная тропа, выводящая через кусты к медвытрезвителю, не заросла. Мало ли, ребятам взбредёт на ум поинтересоваться, где такое вкусное молоко продаётся. А он – дурак, что ли, рыбные места выдавать?

20 мая 2004 года. Четверг.

14.00–22.00

Любой тайник обязан отвечать трём условиям. Он должен быть надёжным, максимально доступным для лица, его заложившего, и недостижимым для всех прочих. Совместить эти критерии сложно даже в частном доме.

Ничего лучше чердака Маштаков так и не придумал. Согнувшись, прокрался меж стропил под двускатной крышей в дальний угол, где зарыл в опилках свёрток. С учётом его архиценной начинки, шхера представлялась не вполне укромной. Особенно при наличии в жилище десятилетнего мальчишки. В подобном возрасте пацаны вездесущи. Но лучших вариантов в рамках цейтнота не придумалось. Миха утешал себя доводом, что схрон носит временный характер.

Светка проявила интерес к багажу неожиданно нагрянувшего брата.

Брезентовая сумка была чересчур тяжела для своих скромных габаритов.

– Ганте-ельки, – объяснил Маштаков небрежно. – Тягаю на досуге по системе Крылова⁴⁴.

Фактура гостя укладывалась в отмазку. Прямая осанка,

⁴⁴ Пётр Фёдорович Крылов – знаменитый русский атлет и борец конца 19-го – начала 20-го веков.

развёрнутые плечи, мускулистые руки свидетельствовали об уважительном отношении к физической культуре.

Уловку предстояло без промедления обставить. Нехорошо получится, когда в его отсутствие любознательная Света заглянет в котомку и обнаружит её опустевшей. Место перекочевавшего на чердак увесистого пакета должен занять упомянутый спортивный инвентарь. Мыслишка о том, где бесплатно раздобыть гантели, у Михи имелась.

Сестра была младше его на четыре года. Когда в начале девяностых пошла эпидемия на секс-литературу, Светкин год рождения давал зубоскалу-братцу повод приписать ей любовь к комбинации 69. Скорпион по знаку Зодиака, она прекрасно знала себе цену, имела почти мужской склад ума и, несмотря на соблазнительную внешность, могла больно ужалить. В детстве Маштаков дразнил её Свистулькой, на что она потешно дулась.

Если Миха в подростковом возрасте пугал родителей перспективой угодить в ВТК⁴⁵ за хулиганство, семейные проблемы со Светкой носили иной порядок. К примеру – как нашей девочке не довольствоваться серебряной медалью, но непременно добиться золотой. Золотишко Света не вытянула, на финише десятилетки подвело здоровье.

Спортом она не увлекалась, зато одолела музыкальную школу по классу фортепиано. В шесть лет родители-мучители отдали ребёнка в музыкалку, находившуюся на другом

⁴⁵ ВТК – воспитательно-трудовая колония для несовершеннолетних.

конце города.

Экономический факультет областного универа Светлана ожидаемо закончила с красным дипломом. Студенткой стала всего годом позже старшего брата, после школы нерационально потратившего время на учёбу в чуждом для его гуманитарных мозгов политехе и на службу в СА⁴⁶.

Сейчас она маялась в статусе безработной. Подработка бухгалтером в фирмочке мужа, занимавшейся куплей-продажей трубопроводной арматуры, была подспорьем символическим.

Женька-зять по русским меркам являлся идеальным мужиком – смирным, непьющим, хозяйственным. Каждую щербатую копейку волок в дом. Порой сквозь его рачительность просвечивала торгашеская кручёность, способность обмишулить. Особо близко они с Михой никогда не сходились в силу разности темпераментов и рода занятий, однако отношения их носили приятельский характер.

Жентос получил диплом инженера стрелково-пушечного, артиллерийского и ракетного вооружения, когда оборонка в стране крякнула окончательно. А он-то планировал трудиться на этом ответственном поприще, по стопам родителей хотел пойти. По первости, чтобы заработать, Женька хватался за всё подряд, включая продажу гербалайфа и косметики.

Тихушник по жизни, он обладал талантом притягивать к себе неприятности. Чего стоил наезд на него (в прямом и

⁴⁶ СА – Советская армия.

переносном смысле) криминального авторитета Рожнова!⁴⁷ Рог потребовал у Женьки компенсацию за ДТП, в котором сам же был главным виновником. С подачи шурина Евгений написал в милицию заяву о вымогательстве. Отечественное уголовное судопроизводство – процедура тягомотная. Минительная Светка тогда исстрадалась. Наперекор логике обвиноватила в проблемах брата, к которому сама же обратилась за помощью. Главный упрёк состоял в том, что Миха не предупредил, с каким страшным человеком они связываются. История в итоге закончилась благополучно. Рог получил условный приговор. Стараниями адвоката и товарищей судей его действия были переквалифицированы с вымогательства на самоуправство. Во время испытательного срока он вёл себя аккуратно, демаршей в сторону потерпевшего не устраивал.

Давняя родственная размолвка осталась в прошлом. Теперь предстояло разгрести новые проблемы.

Не имея привычки ходить в приживалах, Маштаков на остатки денег, вырученных в антикварной лавке, купил полкило сосисок, десяток яиц и упаковку пельменей подешевле. Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Себе оставил «щебёнку» на сигареты. По городу он передвигался исключительно пешком. Привычный к многовёрстным марш-броскам в полной выкладке, воспринимал свои про-

⁴⁷ Подробно рассказывается в романе М. Макарова «В понедельник дела не делаются».

гулки забавой.

Вернувшись, Миха определил продукты в холодильник и без перекура приступил к выполнению порученного ему утром задания.

Прежде сестрёнка на приусадебных трёх сотках сажала только цветы, да пару грядок вскапывала под редиску и лук-чок. Теперь решила поддержать потощавший бюджет натур-хозяйством. В данном аспекте Михин приезд оказался кстати. Муж-то неделями не вылезал из командировок. Казань, Саранск, Нижний Новгород, Москва... Гендиректор самолично крутил баранку грузовой «Газели».

Играючи, Маштаков за пару часов вскопал огород. Усталость от мирного размеренного труда без ложного пафоса была приятной.

Овчарка Нимфа по первости бдительно контролировала поведение чужого. Гремела вдоль забора цепью, которой был ограничен маршрут её патрулирования, угрожающе рычала, а в моменты, признанные ею особо ответственными, громогласно влаивала. Потом, видя, что на хозяйское добро пришелец не покушается, попривыкнув к нему, улеглась на живот под ласковым солнышком. Вывалив на сторону дрожащий алый язык, не сводила с неутомимого землекопа испытующих умных глаз.

Вернувшись с ярмарки вакансий, организованной городским центром занятости, Светка подивилась трудолюбию братишки, ранее не замеченного в любви к агрокультуре.

Картоху сажали вместе. Боровки размечали верёвкой с привязанными на концах колышками. Разгорячившийся Миха разделся топлес. Мертвенно-бледный окрас его жилистого тела роднился с ростками картошки, зимовавшей в погребке. Зато контрастно коричневели кисти рук, шея, лицо. Такой козырный загар называют рабочим или бомжовским.

Татуировка на плече брата и опоясывающий ребристую бочину сизый шрам были Светке знакомы.

Рубец на голове Маштаков в первый день объяснил производственной травмой на стройке.

Новую отметину – морщенную воронку правее кадыка – Светлана узрела только сейчас.

– Миш, а это что? – спросила испуганно.

– Фурункул, – беспечно ответил Миха, на полный штык вонзая в землю лопату.

– Врёшь!

– Век на лодке не кататься!

– Как же так? Где обитал, ты не помнишь, а про фурункул помнишь? Так не бывает – тут помню, тут не помню!

– Бывает, бывает, – с охотой подхватил Маштаков тему из культовых «Джентльменов удачи». – Я вот давеча напился, очнулся в милиции, ничего не помню! Ну-у, думаю... А если, серьёзно, Свет, пора мне новое псевдо присваивать. Мишель Покоцанный!

– А раньше какое было псевдо?

– Не знаю. Осёл с седыми яйцами какой-нибудь...

Светка хрипловато засмеялась, стукнула брата меж острых лопаток:

– Пошляк!

Через полчаса, победно оглядывая разровненную граблями делянку, она с чисто маминой интонацией констатировала:

– Большое дело сделали!

Будучи правильной хозяйкой, накрыла работнику стол. Выставила заветную бутылочку коньяка. Миха извинился за невозможность составить компанию по части «Кизляра». С его плохими тормозами риск был чреват рецидивом, тогда как назавтра предстояли паспортные хлопоты. Укорив братца, что всё-то у него не как у людей, Света, зажмурившись, выпила рюмочку, скоропостижно захмелела и не на шутку разговорилась. Тема на повестке дня стояла единственная.

– Если б ты знал, Миш, какой кровью устроилась я в этот «Фонд строительства жилья»! Место блатное! Муниципальная служба, полный соцпакет, белая зарплата! Получала там десять чистыми плюс кварталка. Работы до фига, но, если не запускать, успевала в рабочее время и Женечкину фирму обиходить и шкурные дела поделать. Общими усилиями в семейном бюджете дырки залатали. Стали планировать на будущий год пристройку к дому. Короче, живу да радуюсь! С руководством всё ровно. Начальницу мою ты должен знать... Левандовская Тамара, в параллельном классе с тобой училась...

– Не помню, – Миха прилагал титанические усилия, чтобы орудовать ложкой пореже.

– Левандовская она по мужу, а была... Да, как же? В голове крутится... Смешная фамилия, типа Лепёшкиной... Вертлявая такая мадама, стрижка короткая, тощенькая, манерная. Та ещё звезда, короче. Но далеко не дура! До тридцати лет по кабакам зажигала, потом главного архитектора на себе переженила...

– Примерно представляю, – Маштакову неинтересно было слушать про Лепёшкину, однако игнорировать рассказ он не мог.

– Ну, так вот... На чём я остановилась? Ага-а...

Светка извлекла из хитрой заначки коробочку «Золотой Явы».

– Одна сигарета несчетово!

Она бросала курить с того самого дня, когда узнала о своей беременности. Для матери-покойницы так и осталось тайной, что её любим-ка, гордость семьи, нещадно задымила на первом курсе университета.

Света терпеливо дождалась, пока брат догадается зажечь спичку и поднести ей огня. В подобных антифеминистских мелочах она была принципиальна.

– Благодарю.

Пересохшая сигаретная бумага потрескивала, как порох.

– Ну, так вот. Фонд заработал всем на удивление. Город выделил стартовый капитал – несколько бэушных квартирё-

шек. Мы их с умом реализовали. Проект строящегося жилья – суперский. Трёшка – сто метров общей площади, две лоджии, кухня – шестнадцать квадратов, большая прихожая. Цена за метр божеская. Центр города. Дольщики понесли деньги наперегонки. Строит субподрядчик, местный ДСК. Первую секцию сдали влёт. Штат Фонда – мы с Тамарой ходим парой. И вдруг идиллия дала трещину. Сперва Тамарка взялась на всём экономить. Говорит: «Давай-ка инкассироваться раз в неделю, чего мы банку переплачиваем». Я ей: «Тамара Александровна, по десятому ФЗ положено инкассироваться ежедневно и оприходовать выручку». Грубейшее нарушение, Миш! Она прессингует. Еле-еле я отстояла дважды в неделю делать инкассацию. Налик-то принимаем немалый. Сейф – одно название. Целый день в Фонде, кроме нас, двух баб, только посетители. Сигнализации нет, тоже – статья экономии. А материально ответственное лицо я как бухгалтер. Параллельно мадам начала делать льготы «випам». Клепает к договору допсоглашение, которым устанавливает дольщику беспроцентную рассрочку по выплатам на три года. Одну такую бумажку сварганила, другую, третью... Фамилии всё из местной родоплеменной знати. Я ей: «Тамара Александровна, три уже не исключение, уже система». Фонд, как ты понимаешь, пирамида. Денежки должны поступать постоянно и с опережением, чтоб конструкция не рухнула. У нас всё рассчитано было, а эти рассрочки ломают схему. Я ей с цифрами доказываю – больше ни-ни, загребим

под фанфары. Она вроде соглашается, а через день ещё одно допсоглашение волочёт. «Сотруднику прокуратуры, надзирающему за горадминистрацией, отказать нельзя», – говорит. А под каждой бумажкой – моя подпись. Случись чего, меня крайней сделают. В общем, когда дошло до десяти рассрочек, я упёрлась – больше не буду. Ни грамма в рот, ни сантиметра, сам знаешь куда! Эта тощая коза затаила злобу и в марте впрудила меня с подработкой. Раньше только сюсюкала: «Светочка, золотце, ути-пути, халтурь на здоровье. Зарплата у тебя невелика, ребёнок маленький». А тут – слила за милую душу! Меня дёргают на ковёр к замглавы. Прикинь, какой уровень! Можно было покочевряжиться, но я психанула, написала по собственному. Обидно – Фонд этот с нуля создавали. Сколько я в него сил и мозгов вложила. И вот третий месяц бездельничаю. Хорошие должности заняты. На стрёмные, которые биржа предлагает, идти не хочу даже временно, не девочка уже... Вот такие делишки, братишка! А суку Тамару бог накажет! – закончила она с ожесточением. – У меня глаз колдовской!

Неверующий в сглазы и проклятия Маштаков тем не менее не любил, когда в его присутствии разбрасываются подобными заявками. Но сестра была в своём праве, и увещевать её он не стал.

Наверное, Светка долго бы изливала душу, если бы не спохватилась, что за окошком – темень, а Максимка, для которого комендантский час наступал в половине десятого, не

соизволил вернуться домой. Будто у шалопая уже каникулы начались.

– Сейчас я его загоню, – отяжелевший от сытости и уюта Миха выбирался из-за стола с усилием.

Частный сектор на улице Орджоникидзе напоминал деревню. По утрам здесь даже петухи голосили. Сейчас прохладную тишину нарушали басистое жужжание майских жуков и гомон мальчишек, охотившихся за ними. Цветущая сирень благоухала так неистово, что Маштаков засовестился отравлять её аромат и торопливо затушил сигарету об ладонь.

21 мая 2004 года. Пятница.

09.30–10.00

Объяснить причину своей нервозности Яковлев не мог.

Ситуация развивалась совершенно в штатном режиме. Путём грамотных манипуляций объект разработки перенёс встречу на будний день. Поначалу чиновник велел взяточдателю прийти в субботу. Но по выходным длинные коридоры городской администрации пустынные. Группа захвата, которая должна сосредоточиться вблизи кабинета фигуранта, вызовет неизбежные подозрения. В первую очередь – у вахтёра в фойе, связи которого с «объектом» исключать нельзя.

А в рабочий день в коридорах власти кишмя кишат озлобленные граждане. Гул стоит, как на Курском вокзале. Инfiltrация пройдёт гладко. Группа проникнет в здание поодиночке. По разным лестницам сотрудники спокойно поднимутся на третий этаж к управлению архитектуры и градостроительства, где займут исходные позиции.

Реализация назначена на десять ноль-ноль. Впереди для закрепления – день, вечер, а если потребуется, и ночь. В субботу – сопровождение ареста в прокуратуре и суде. Если всё выйдет удачно, воскресенье можно будет провести с семьёй, отдохнуть, чтобы с началом новой трудовой недели навалиться на проблемы со свежими силами.

Словно огурчик с грядки, почти без опоздания подъехал заявитель Мунтян. Он имел влечение к спиртному и периодически заплывал на длинные дистанции. В ходе подготовительных мероприятий Яковлев непрестанно его профилировал, убеждал не развязываться до конца операции, а потом уж отметить успех по-взрослому.

Долговязый, сутулый, щедро орошённый французским парфюмом, Гриша Мунтян выглядел много старше своих сорока лет.

– Тимур, я буду трезв, как горный хрусталь, – хрипато соглашался он, уводя в сторону красные глаза.

Яковлев, работая на закрепление, повторял, как сильно надеется он на Гришину порядочность. Фамильярное обращение замначот-дела ФСБ пропускал мимо ушей. Высококласный агентурист, психолог по роду службы, он понимал особую важность контакта с человеком, пошедшим на сотрудничество с конторой. С первого дня Мунтян воспринимал их отношения приятельскими – на ты, без отчеств и чинов.

Разработка велась с прошлой осени. Ради неё Яковлев, возвратившись из командировки в Чечню, пожертвовал отпуском.

Главный архитектор Левандовский был тем крепким орешком, о который четвёртый год ломали зубы. ДОУ⁴⁸ распухло, как кирпич, а результат отсутствовал. Без преувели-

⁴⁸ ДОУ – дело оперативного учёта.

чения полгорода говорило, что архитектор берёт сырым и варёным. Это подтверждало и его благосостояние, явно не соразмерное официальным доходам. Но зацепиться не удалось. Чиновник вёл бизнес исключительно с проверенными людьми.

Устойчивой выглядела связь Левандовского с ООО «Наяда ЛТД», получавшей под строительство автозаправок один земельный участок краше другого. Но в «Наяде» рулил тёртый калач Катаев, категорично отвергавший любые контакты с органами. После того, как он пролез в областное ЗС⁴⁹, с ним приходилось церемониться.

Технические мероприятия подтверждали, что архитектор решает вопросы в интересах Катаева за мзду, однако конкретика отсутствовала. Разговоры были краткими и велись на птичьем языке.

И тут как нельзя кстати нарисовался предприниматель Мунтян по кличке Мутень.

Гриша владел магазином, расположенным на первом этаже пятиэтажки на улице Ворошилова. Он надумал расширить торговые площади за счёт просторного подвального помещения, оборудовав в нём цокольный этаж с отдельным входом.

В установленном порядке Мунтян обратился в администрацию города с заявлением о выдаче ему градостроительного плана земельного участка. Полученный ответ огорошил

⁴⁹ ЗС – Законодательное собрание.

Гришу. Оказалось, что из-за нерадивости исполнительной власти участок не был сформирован и поставлен на кадастровый учёт.

– Так сформируй и поставь, ангидрит твою перекись марганца! – эмоционально потребовал Гриша от исполнителя, рассматривавшего обращение.

Через три месяца блужданий по замкнутому кругу Мунтян уяснил – оформление градостроительного плана невозможно в принципе. Для этого требовалось расширить границы земельного участка многоквартирного дома, чтобы объекты реконструкции не выходили за их пределы. Но при отсутствии законного решения проблемы в России обязательно должна иметься хитрая лазейка для умеющих договариваться.

Гриша стал искать выходы на главного архитектора, заслужившего репутацию человека, мыслящего нешаблонно.

Идущий да обрящет. В один прекрасный день настырный Мунтян добился личного приёма у Левандовского. Тот деловито пояснил, что в порядке исключения может поручить геодезической организации изготовить новый проект участка. В нём пожелания предпринимателя будут учтены в полном объёме. Гриша несказанно обрадовался. Это было верхом его мечтаний. А жителям дома вовсе не обязательно узнавать о грядущих изменениях в части подвижки границ. Небольшие изменения в налоговых платежах они наверняка объяснят инфляцией. Жизнь постоянно дорожает!

Чирикнув фломастером на бумажном квадратике, архитектор поманил просителя пальцем. Мунтян послушно обогнул стол и увидел на листочке цифры и буквы. «5000 у.е.» Левандовский молниеносно измельчил бумажку на молекулы и объявил аудиенцию оконченный.

Из здания администрации Гриша почапал в кабачок «Услади друзей», где для стимуляции мозговой деятельности махнул водки и призадумался. Лишними деньгами, будучи негоциантом весьма средней руки, он не располагал. Жил в основном за счёт аренды. Разумеется, будучи большим мальчиком, он знал, что на халяву дела не делаются. Но наивно оценивал вопрос в ящик коньяка «Белый аист», приобретаемого им по старым связям в Молдове. Пять «штук» бакишек⁵⁰, изъятых из оборота, грозили пустить ко дну утлое судёнышко его коммерции.

Освоив ещё сто пятьдесят, просветлённый Гриша вспомнил девиз отважного адмирала Нельсона: «Делай, что должно, и будь, что будет!»

Прозвище Мутень он носил заслуженно. Удостоился его в лихие девяностые. В славный город Острог Григорий приехал из Дубоссар после развала Союза. Открыл торговлю дефицитным тогда сахарным песком. Нехило приподнялся за счёт опта. Над предложением братвы отстёгивать на «общее»⁵¹ посмеялся. Когда ему сожгли ларёк и тачку, адресну-

⁵⁰ Бакишки, бакинские, баксы, грины – доллары (жарг).

⁵¹ Общее, общак – фонд взаимопомощи в среде преступного сообщества

ся в «шестой отдел»⁵². Вымогателей посадили. И не рядовых быков, а людей достаточно авторитетных – Пашу Комендантова и Рамазанова Эдика. Криминал отстал от подментованного Мутня, в городе навалом было покладистых барыг.

Правдоискатель решил вновь выйти на тропу войны. На сей раз с коррупцией. Ближе к полуночи, имея в активе семьсот водки, он позвонил на сотовый начальнику РУБОПа Давыдову, которого помнил молоденьким бодливым оперком.

– Денис, дело государственной важности, – сконцентрировавшись, задушевно сообщил Гриша. – Надо пересечься.

На следующее утро, грамотно захмелившись, куражливый Мунтян жаловался на иуду-архитектора, вознамерившегося снять с него последние портки. Давыдов, руководствуясь своими соображениями, знать которые инициативнику было необязательно, свёл его с фээсбэшником Яковлевым. Майор ухватился за горячую тему.

Оперативные мероприятия потекли с присущей конторе неспешной основательностью.

Архитектор, уж на что кручёный, а засланного казачка в Грише не просёк. Люди бизнеса отрекомендовали Мунтяна безвредным алкашом при больших бабках. На беду Левандовского, его знакомые хотели показаться более осведомлёнными, чем являлись в действительности.

(жарг).

⁵² «Шестой отдел» – одно из названий подразделений по борьбе с оргпреступностью.

Чтобы не выглядеть лохом, Гриша, наученный Яковлевым, выдвинул твёрдое условие – деньги против стульев⁵³. Никаких авансов! На каждую встречу Мунтян являлся с фирменным запашком. Этот нюанс притуплял бдительность чиновника, он внушил себе, что никакая серьёзная организация не свяжется с пьянчужой, чьё поведение непредсказуемо.

И вот разработка достигла кульминации. Всё, вроде, было в ёлочку.

В сотый раз проинструктированный, заряженный спецтехникой, снабжённый мечеными деньгами, рвался с поводка Гриша Мунтян.

Не путалось под ногами руководство. Новый начальник отдела, варяг, приехавший получить «полковника» перед пенсией, дал карт-бланш. Оказывавшие содействие в реализации сотрудники областного аппарата по мелочам не дёргали.

Сил и средств хватало. Ждал отмашки хваткий прокурорский следователь.

Тем не менее, Яковлев испытывал тревожное томление. Казалось, что упущен некий важный момент.

В девять тридцать группа на трёх автомобилях выдвинулась к городской администрации.

«Соболь Баргузин» припарковался на гостевой стоян-

⁵³ Близкая к тексту цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

ке, обрамлённой пушистыми голубыми елями. Задёрнутые шторы на окнах минивэна скрывали расположившихся внутри сотрудников. «На ушах» сидел старший опер. Массивными «лопухами»⁵⁴, соединёнными на темени пластмассовым оголовьем и нарядной кремовой рубашкой он напоминал диджея в канун забойной дискотеки. В действительности он ловил шорохи, воспроизводимые микрофоном, закреплённым на куртке взяточдателя. Миниатюрный объектив с вынесенным зрачком транслировал изображение на монитор ноутбука. Пока на экране мельтешила чёрно-белая горизонтальная рябь.

Без четверти десять пошла движуха.

Из переулка энергично вывернул симпатичный юноша с портфельчиком в руке. Модная стрижка – короткая, но с острым хвостиком на шее – придавала ему креативный вид.

Это был оперуполномоченный Гайдук, стаж работы один год. Его физия в Остроге пока не примелькалась.

Фасонистый хвост Гайдук отрастил в первом в своей жизни отпуске. Яковлев велел моднику не приводить стрижку под комитетский стандарт до особого распоряжения. Насчёт неё майора посетило несколько идей. Одна из них воплощалась нынче.

Понятые были представлены старшекурсницами политеха. Их обеспечил проректор по безопасности, сотрудник действующего резерва. Девчонки – иногородние, что снижало

⁵⁴ «Лопухи» – полноразмерные наушники.

шанс утечки информации в случае срыва мероприятия. Цоккая звонко каблучками, оживлённо болтая, парочка взбежала на ступени здания. Выкатившийся им навстречу жизнерадостный депутат Евсеев галантно придержал тяжёлую дверь, пропуская стройняшек внутрь.

Порознь, с минутной отсечкой, прошли двое мужчин лет тридцати пяти. Важняки облуправления. Скрамный серый костюмчик и очки в стальной оправой придавали первому учительский вид. Второй – скуластый, крепкий – работал под квалифицированного производственника. Нейлоновая синяя куртка с надписью «ДРСУ-17» на спине, джинсы, на ремешке через плечо – потёртая сумочка из кожама. В ней – видеокамера для фиксации задержания с поличным.

Каждый из группы имел простенькую легенду. Студентки, в частности, искали отдел учёта и распределения жилья. Якобы им нужно было поставить печать на справку уличко-ма.

Настало время выхода главного персонажа. По мобильно-му Яковлев вызвал оперативника из «девяносто девятой», вставшей на соседней улице.

Не прошло и минуты, как в конце аллеи показалась длинная фигура в чёрной джинсе. Гришу мотивированно запустили со стороны троллейбусной остановки. Анекдотическая история лишения его водительских прав за пьянку была известна в городе многим.

Мунтян выглядел естественным на двести процентов.

Буднично смолил сигаретку, поглядывал озабоченно на хмурующееся небо.

Когда он приблизился метров на сорок, на мониторе появилась картинка. Запрыгали стволы деревьев, обшарпанные углы домов, мелькнул их минивэн красивого цвета морской волны.

– Пошёл сигнал! – обрадовался опер-диджей.

Глядя на его мощи, трудно было поверить, что четыре года назад он страдал от избытка веса. Пулевое ранение поджелудочной железы⁵⁵, потребовавшее сложной операции, кардинально перестроило организм. Военно-врачебная комиссия с большим скрипом дала заключение о годности к дальнейшей службе.

– Будем снимать кино, Виктор Палыч? – заглянул через плечо оперативника Яковлев.

Отказываясь от содействия управленческих технарей, майор повышал статус подчинённого. С учётом неважнецкого здоровья Витя Шульгин трудился, главным образом, по линии компьютерного обеспечения. Но штат территориального отдела не предусматривал технических должностей. Использование оперативного сотрудника не по назначению отрицательно сказывалось на показателях работы. Тем более, старший опер, майорская должность!

В управлении служило трое сотрудников, имеющих бое-

⁵⁵ Об обстоятельствах его получения можно прочесть в романе М. Макарова «Эффект присутствия».

вые ранения. Такими кадрами не разбрасываются, но ситуация не могла бесконечно оставаться подвешенной. Очередная ВВК могла стать для Шульгина последней. Витя доводился Яковлеву боевым товарищем, в одной купели крестились они под огнём. По этой причине майор пробивал под Шульгина ставку специалиста по информационной и компьютерной безопасности.

Результат долгих усилий во многом зависел от успеха сегодняшней комбинации.

21 мая 2004 года. Пятница.

12.30–14.00

Следователь прокуратуры Самандаров имел качество, представителям его цеха противопоказанное. Холерик Рафа плохо умел слушать людей. Перебивать Яковлева он, конечно, не решился, но изъёرزался, как на иголках. В процессе загрузки информации краснел лунообразным лицом и выпучивал глаза.

Лишь комитетчик умолк, Рафа скороговоркой выдал свою версию:

– Никому никаких денег Мутень не отдал! Стопудово! У него долгов по городу немеряно! Он – кидала высшей марки! Вы его обыскали хоть?!

Самандаров был мастером парадоксальных выводов. Личности фигурантов стали ему известными всего пять минут назад, потому он так бурно и зафонтанировал. На подготовительной стадии фээсбэшники посвятили в детали только прокурора и его заместителя, курировавшего следствие.

Темперамент Самандарова был не в новинку Яковлеву. Ранее им приходилось взаимодействовать.

Пряча раздражение от скоропалительных выводов собеседника, майор процедил сквозь зубы:

– Да нет же, Рафаил Ильич. Передача денег прошла. По-

смотрите запись.

В этот момент в кабинет заглянул озабоченный начальник отдела.

– Тимур Эдуардович, можно вас на минуточку?

Когда Яковлев вышел и плотно закрыл за собой дверь, полковник возбуждённо зашептал, по-тараканыи шевеля встопорщенными рыжими усами:

– Область тебя по «тройке» требует! Я сказал – ты со следователем прокуратуры вопрос решаешь... По ситуации дал полный расклад... Твои действия оценил, как профессионально грамотные... Не-ет, настаивают категорически – подай им, понимаешь, лично Яковлева!

На внутреннем участке фронта выдержки требовалось вагон.

«А ты как думал? – урезонивал себя майор. – Испарились пять тысяч казённых долларов. ЧП охрененное. Но если мы всем управлением впадём в ступор, будет только хуже. Мне сейчас нужно спокойно внушить областникам – не бейте по рукам. На Кавказе не из таких стрёмных ситуаций выбирались».

По пути к кабинету начальника он шлифовал доводы – конкретные, краткие, доходчивые.

Самандаров сцепил руки в замок, навалился локтями и грудью на край стола. Посадив зрение на следственной работе, очки он не носил из ребяческого упрямства. Чтобы сфокусировать изображение, сощурил глаза в щёлки.

Оперативник кликнул курсором. На ожившем экране в такт дёрганой походке Мунтяна запрыгали фрагменты улицы. Носитель объектива вошёл в здание. Контрастность картинки померкла из-за недостатка освещения. Совершая восхождение на верхний этаж, Гриша наклонился вперёд. Камера демонстрировала носки его фасонных ботинок. Высокочувствительный микрофон транслировал трудное дыхание. Бронхи закоренелого курильщика высвистывали сиплые рулады. Наконец шесть лестничных маршей остались позади. Многоборец уверенно вышел на финишную прямую. На секунду замешкался перед табличкой «Главный архитектор». Распахнул дверь. Возникшая на дисплее секретарша вопросительно хлопнула изогнутыми ресницами.

– Ослеплён твоей красотой, Мариночка! – посетитель атаковал комплиментом. – Юлианыч у себя? Мне на десять назначено!

Предупрежденная о визите секретарь пропустила без доклада. В правом нижнем углу экрана суетно мельтешил секундами таймер.

– Можно, Валентин Юлианыч, – вопросительные интонации во фразе отсутствовали.

– Заходи! – объектив выцелил щуплого человека со вздорной эспаньолкой, терявшегося на фоне грандиозного двухтумбового стола.

– Твоя документация! – делаш-бородатик указал на стол для совещаний.

Присесть не предложил. Габариты кабинета были невелики.

Стеснённый сзади стеной, Мунтян, покряхтывая, протискивался к цели. В кадр попала аккуратно сброшюрованная стопка бумаг. Крупным планом зашевелились суставчатые Гришины пальцы, безымянный отягощал массивный перстень-печатка. Посетитель бережно перебирал документы.

– Всё строго по нормативам? – неуверенная интонация выдавала в нём профана в архитектурной кухне.

– Не сомневайся! – дробно хохотнул хозяин кабинета. – Фирма веников не вяжет!

– Вопросов ко мне не возникнет? – Гриша пытался вытащить коррумпанта на разговор. – Ну, когда, это, крытый вход начну строить?

– У меня аврал! Через полчаса совещание у главы! Готовлюсь к выступлению! – Левандовский гнул своё.

Но и Гриша был не промах. Надрессированный оперативниками, задачу понимал туго. Корыстный умысел чинодрала должен раскрыться на видео наглядно. В цветах и красках!

– А если жители докопаются, как мне им объяснять расширение границ?

– Покажешь проект. Кто не согласен, пусть идёт в суд. Ещё вопросы? – вязкость посетителя начинала раздражать.

Архитектор в кадре отсутствовал. На монитор транслировалась стена, отделанная светло-серыми панелями МДФ⁵⁶ и

⁵⁶ МДФ – древесноволокнистая плита (анг. Medium Density Fibreboard, MDF).

угол картины в помпезной золочёной раме.

Повисла пауза. Из правой кулисы, где оставался Левандовский, донёлся неразборчивый шёпот. Гриша сделал резкое движение вбок, наподобие выпада фехтовальщика. Микрофон заскрежетал. Вытянутая рука оказалась по кисть обрубленной рамкой кадра. Снова противный скрежет. Мунтян вернулся в исходное положение, упёр объектив в картину. Стало понятно, что это зимний пейзаж.

– Всё пучком? – заговорщицки спросил Гриша.

В ответ, как в знаменитой песне Высоцкого – тишина.

– Пересчитайте для верности, – Мунтян перебарщивал с активностью.

Зато упорно безмолвствовал его собеседник.

– Так я могу идти, Валентин Юлианыч?

– Да, конечно.

Когда Гриша выбирался из закутка, на пару-тройку секунд в экране нарисовалась бородатая мордочка. Не обращая внимания на покидающего кабинет посетителя, архитектор тонкими паучьими пальчиками проворно барабанил по клавиатуре компьютера.

– Дальше задержание идёт, – старший опер Шульгин поставил запись на паузу.

Самандаров обернулся с победным выражением на лице:

– Мутень спецом отвернулся от Левандовского! Кому он руку протягивал?! Что в ней было?! Ничего в ней не было! Отвлекающий маневр!

Шульгин неопределённо пожал костлявыми плечами.

В кабинет вошёл Яковлев – мрачней тучи. Заместитель начальника управления в телефонном разговоре не поспешил на резкие выражения, возразить на которые было нечего.

Комитетчик умел признавать свои ошибки. Он не просчитал взаиморасположения фигурантов в помещении. Чтобы нацелить объектив на архитектора Грише следовало извернуться совершенно неестественно. Спецсредство надлежало поместить в барсетку и уже ей манипулировать. Хотя, кручёный Левандовский в нахально выставленной на стол сумочке мог заподозрить подвох...

– И где тут момент передачи денег? – снисходительная улыбочка на физиономии следователя бесила всё больше.

Яковлев оставался учтив с прокурорским. От позиции процессуального лица зависело ближайшее будущее майора.

– Обратите внимание, Рафаил Ильич. После передачи на вопрос Мунтяна «всё так» Левандовский не удивился, не переспросил: «а что так?». Он промолчал в знак согласия, – по мере озвучивания довода Яковлев убеждался в его неубедительности.

Других аргументов в активе не имелось.

Трижды переслушали фрагмент, тщась разобрать неразборчивую отрывистую фразу архитектора. Она была ключевой.

– Виктор Палыч, а можно как-то почистить диалог? Гром-

кости, чёткости добавить? – Яковлев хватался за соломинку.

Шульгин снова ответил пожатием плеч.

– Надо в техотделе проконсультироваться.

– Может, он конверт с деньгами в окошко выбросил? – предположил Самандаров.

– Под окном сотрудник находился, на улицу ничего не вылетало. Тут другой подвох, – майор вздохнул, скрывать причину провала не имело смысла. – Пневматическая почта.

Когда его по телефону трахало начальство, на мобильный отзвонился Гайдук, проводивший в качестве дознавателя осмотр места происшествия. В кабинете архитектора он обнаружил странную конструкцию из прозрачных пластиковых труб, уходящих в стену.

Самандаров вновь выпучил глаза. Разумеется, мистер всезнайка про такого диковинного зверя слыхивал, однако воочию не встречал.

– И во сколько кабинетов выведены трубки? – вопрос был по сути.

– Управление архитектуры закольцовано всё, – Яковлеву больших усилий стоило не материться. – Шесть кабинетов.

– Сколько в них человек размещается?

– Одиннадцать.

– Надо в каждый кабинет посадить по оперу. Срочно! Никого не выпускать до обыска! – Самандаров распалялся охотничьим азартом.

– Пока наши в двух находятся. Прикрыли близкие связи

Леван довского.

– Надо во все!

– Отправлю подкрепление, – стремительно покидая кабинет, майор саданул дверью.

Следователь попросил Шульгина воспроизвести сцену задержания.

Доказательств она не прибавила. На момент вторжения группы архитектор сидел в обычной позе, смотрел в монитор компьютера. Ни на какие кнопки лихорадочно не нажимал, ничего не прятал. Покраснел, испугался, заплямкал губами – да. Но так отреагирует любой нормальный человек, когда к нему неожиданно ворвётся гурьба воинственно настроенных людей с воплями: «Сидеть на месте! ФСБ! Задержание с поличным! Руки держать на виду!»? Архитектор дисциплинированно выполнил все перечисленные требования.

– Сколько точно прошло времени от Гришкиного выхода из кабинета до того, как туда залетели ваши? – зыркнул на оперативника Самандаров.

Шульгин начал сопоставлять показания таймеров. Перед началом мероприятия их выставили одинаково на обеих камерах.

Вышло две минуты тридцать секунд. Нечаянная задержка случилась в приёмной. Там перед настенным зеркалом начёсывала волосы секретарша, фиксировала красоту лаком из баллончика. И создала препятствие на пути группы захвата.

– СОБР⁵⁷ церемониться не стал бы! Сшибли бы с копыт и вперёд, к победе коммунизма! – осуждающе сказал Самандаров и зацокал языком. – Две с половиной минуты! Надо смотреть, где у него вход в трубопровод пневмопочты. Наверняка под рукой. Забил в капсулу, нажал на кнопку, деньги улетели куда надо... Плёвое дело! И, как умная Маша, ручки на «клаву» положил.

Пользуясь паузой, следователь привёл Шульгину поучительный пример из своей практики.

Находившийся в розыске бандит прятался незатейливо – в чулане у соседей. Когда кольцо вокруг него сжалось, укрыватели преступника заложили вход в кладовку кирпичом и заштукатурили, оставив отдушину. Запас провизии и воды в шхере имелся. Нагрянувшие с обыском рубоповцы нашли в квартире дырку от бублика вместо Борьки Молоткова. Опера недоумевали, как мог их подвести верный источник. Самандаров не причитал, как другие, а обратил внимание, что стена под ковром заштукатурена цементным раствором.

– Кто сейчас штукатурит цементным?! Известковый в пять раз дешевле, в десять раз эластичнее! Я поковырял ногтем, а растворчик-то свежий. Наши сгоняли в БТИ за планом квартиры, в этом месте – «тёщина комната» обозначена! Только начали стенку ломать, Борюсик кричит изнутри:

⁵⁷ СОБР – специальный отряд быстрого реагирования – подразделения МВД, до 2003 года входившие в состав региональных управлений по борьбе с организованной преступностью.

«Аккуратней, начальники, кирпичами не прибеите!»

У фээсбэшника настроение веселиться отсутствовало, поэтому следователь поржал в одиночку.

Следователь Самандаров. Объективна.

Под знамёна прокурорского следствия Рафаил встал после того, как в территориальном надзорном органе сменилась власть. С мажором Трелем он был в контрах.

Согласие на переход в прокуратуру Самандаров дал не сразу. Для него, военной косточки, много значили звание и должность.

Попав под ельцинское сокращение армии, он вернулся в родной Острог к разбитому корыту. Ни работы, ни жилья. Ладно ещё, семьёй не обременён. По старым спортивным связям пристроился тренером юношеской футбольной команды. Получал копейки.

Газетное объявление надоумило его навестить отдел кадров милиции. В середине девяностых там тоже царили разброд и шатание. Наибольшие прорехи зияли в следствии. Квалифицированные сотрудники разбежались, выпускники ведомственных ВУЗов утрат не восполняли. От безысходности министр разрешил принимать на службу лиц, имеющих любое высшее образование. Так в следственные органы массово пришли военные, учителя и инженеры, потерявшие работу по специальности. Большинство их оказалось бабочками-однодневками.

В числе единиц, сумевших адаптироваться, был коман-

дир танкового взвода старший лейтенант Самандаров. Основным приёмам предварительного следствия он обучился с колёс. Доказал – не боги горшки обжигают. Работоспособность и энергетику имел выдающиеся. С подследственными и адвокатами сантиментов не разводил. В качестве меры пресечения предпочитал избирать арест. Выход дел в суд обеспечивал стахановский при минимальном браке. Совершив ошибку, второй раз на те же грабли не наступал.

Вскоре Рафа заслуженно ходил в передовиках. При формировании в структуре РУОПа следственного подразделения, длинное название которого укладывалось в неблагозвучную аббревиатуру УРОПД⁵⁸, его кандидатура подошла по всем параметрам.

Тогда он согласился без раздумий. Сажать бандитов представлялось ему занятием гораздо более престижным, чем расследовать бытовуху.

На новом месте Самандаров также зарекомендовал себя на ять. За пятилетку, отмантуленную в МВД, вырос до майора, начальника отделения. Среди криминалитета получил говорящую кличку «Людоед». Его ценили в областном УВД, предложили должность начальника отдела по расследованию экономических преступлений. Сроку на раздумье дали неделю. Параллельно Кораблёв настойчиво агитировал его перейти в прокуратуру. Зампрокурора стремился запол-

⁵⁸ УРОПД – управление по расследованию организованной преступной деятельности.

нить образовавшуюся вакансию не очередным навяленным сверху блатным сыном, косящим от армии, а выносливой рабочей лошадкой.

Рафа заёрзал. Он очень хотел быть начальником и старшим офицером. Но он умел считать деньги. В прокуратуре платили почти вдвое больше, чем в милиции. А Самандаров, будучи идейным, жил на зарплату. Скромная спонсорская помощь пары коммерсов, с которыми он сблизился, расследуя дела о вымогательствах, погоды не делала.

Рафаил происходил из малообеспеченной неполной семьи. На четвёртом десятке он устал скитаться по коммуналкам, казармам, офицерским общежитиям и съёмным хрущёвкам с чужой мебелью. В прокуратуре ему обещали жильё, в УВД – только общежитие. Квартирный аргумент стал решающим.

К тому же прокуратура была более солидным органом. Око государево!

Самандаров позвонил Кораблёву и, подавляя вздох сомнения, сказал прибито:

– Уговорили, Александр Михайлович. Какие документы мне нужно собрать и в какой срок?

В процессе трудоустройства всплыла непредвиденная заковыка. Для работы в прокуратуре требовалось высшее юридическое образование, коего Самандаров пока не имел.

Поздновато он озадачился данным вопросом в милиции. Сперва не до учёбы было, впахивал сутками, систематически ночевал в кабинете на раскладушке. Да и начальство не

требовало. После того, как кадровый кризис в МВД улёгся, уцелевшим доморощенным следователям спустили указание – поступайте в ведомственные институты на заочку. Рафа с учётом имевшегося диплома был принят сразу на третий курс, что дало ему право при заполнении анкеты в графе «образование» указать: высшее военное, незаконченное высшее юридическое.

Новоиспечённый следователь межрайонной прокуратуры Саман даров принял к производству наиболее сложные дела. Регион терзала вторая волна бандитских войн. Братки, приземлённые в девяностых, откинувшись звонком, воевали за место под солнцем. Рафа привычно ушёл с головой в работу. Методику расследования преступлений прокурорской подследственности – убийств и изнасилований – освоил в короткий срок.

Ближе к аттестации нарисовалась ещё одна проблема, гораздо более неприятная.

Когда Самандарова переманивали, обещали, что его «майор милиции» трансформируется в «младшего советника юстиции». То есть, погоны с двумя просветами и большой звездой на плечах останутся. По этой позиции Рафу не обманули умышленно, просто не углубились в кадровые нюансы.

Теперь же выяснилось, что сотрудники, не имеющие нужного образования, могут получить (и то в порядке исключения) лишь классный чин «младшего юриста», эквивалентный «младшему лейтенанту».

Новость ошарашила Рафаила. Возмущённый, он забегал по кабинетам областной прокуратуры. Путь назад ему был закрыт. МВД – структура мстительная. Вернуться в неё при отсутствии мохнатой лапы очень сложно, а на прежние позиции – невозможно.

Так и присвоили Самандарову «младшего юриста». Он бурно возмущался. Шум дошёл до прокурора области, и тот с барского плеча разрешил ценному кадру посещать официальные мероприятия в гражданке.

Уязвлённое самолюбие Рафы не успокоилось даже после того, как, победив два года кряду в конкурсе профессионального мастерства, он удостоивался досрочного производства в следующие чины. Погоны «юриста второго класса» его не устраивали категорически.

– Старлеем я был двенадцать лет назад! – сетовал он, – Не ушёл бы из милиции, ходил бы уже подполковником!

Кораблёв на брюзжание следователя давно перестал обращать внимание. Его интересовал результат, а он у подчинённого был в порядке. Когда градус негодования поднимался выше допустимого, заместитель прокурора говорил Самандарову волшебное слово: «квартира».

В начале нулевых ручеёк бесплатного жилья, выделяемого администрацией города, пересыхал на глазах. Тем не менее, Аркадыч с Кораблёвым за год сумели пробить Рафаилу приличную «однушку».

Услышав заклинание, Самандаров на время утихал. Вор-

чанье его обуславливалось не столько неудовлетворенностью малым чином, сколько усталостью от следственной работы. Восемь лет на следствии по нынешним меркам было пределом человеческих возможностей. При кажущемся многообразии криминальных сюжетов операции по уголовным делам выполнялись однообразные. Рафа чувствовал – как специалист он остановился в развитии. Всё сложнее удавалось выдавать на гора нужные показатели. Ещё год, и планки, поднятой им так высоко, не удержать. Проблем добавлял усложнивший жизнь новый УПК. Производственные авралы уже не казались молодецкой забавой. Стало подводить здоровье, казавшееся прежде железным. Сначала подскочило давление, потом начал барахлить желудок.

Спортивный опыт подсказывал – важно вовремя уйти. Раз пенсии пока не выслужил, путь был один – вверх по карьерной лестнице. Из исполнителей в руководители.

Непосредственным начальникам о своём замысле Самандаров поведал в ходе празднования Дня прокуратуры. Аркадьич, благостный после полкило коньяка, изрёк: «А почему бы и нет?». Его боевой зам Кораблёв, шедший в тот вечер по водочке, напротив, заерепенился. Напомнил Рафе, что при переходе тот гарантировал пять лет отработать следователем. Самандаров подобную кабальную договорённость отрицал. Оба перешли на повышенные тона, разгорячились, наговорили друг другу обидных слов. Потом помирились, но осадок остался.

Вскоре Самандаров подал рапорт о зачислении его в кадровый резерв по должности заместителя прокурора.

– Любую резолюцию поставьте, Сергей Аркадьевич! – с пылающими от волнения ушами выпалил он. – Отрицательная будет обжалована в прокуратуру области. Сколько можно мне на побегушках бегать?

– Горячий вы человек, Рафаил Ильич, – укорил его межрайпрокурор. – А кипятиться-то не из-за чего. Прозондировал я ваш вопрос в области. Дядя Коля Насущнов сказал дословно следующее: «Сделает ваш знаменитый Самандаров по первому полугодию норматив, поставим в резерв».

Негласная месячная норма для следователя составляла два уголовных дела, направленных в суд с обвинительным заключением. Их сложность не учитывалась, равно как и работа по другим направлениям.

Услышав такую позицию, Рафа сдулся. Получалось, что воевать не с кем. Нужно просто мобилизоваться и ударно вваливать на показатель.

Одного желания оказалось мало. Кораблёв (внешне сама корректность) наладил списывать Самандарову весь тухляк. Нагрузил бесперспективными глухарями, возбуждёнными по фактам безвестного исчезновения людей. Поручил расследовать скандальное дело об отключении электричества в военном городке. Завалил проверочными материалами по некриминальным трупам и отдельными поручениями из других регионов, отнимавшими уйму драгоценного вре-

мени.

Соответственно, выход оказался скромным, что аукнулось на кварталке. Впервые за три года Рафа получил её в пониженном размере.

В апреле его самолюбию был нанесен страшный удар, перед которым история с премией померкла. Новую должность следователя по ОВД⁵⁹ отдали не ему, а Кирюхе Февралёву, интеллигенту в маминой кофте. Молокососу!

Самандаров тотчас примчался за разъяснениями к прокурору. У Аркадьича как раз Кораблёв сидел, кофеи они распивали. Цвет лица Рафа имел коралловый, а интонацию в вопросе допустил рыдающую. Бугры иронично переглянулись.

– Вы уж определитесь, Рафаил Ильич, – поблямкал ложечкой в чашке прокурор, – кем вы себя видите? Заместителем или следователем?

Несомненная домашняя заготовка выглядела издевательством. Как будто вопрос с его замством решён! Как будто нельзя дожидаться повышения в должности «важняка»! Но по сути возразить было сложно. Короче, опустили его тогда ниже плинтуса.

При таком раскладе дело в отношении главного архитектора представлялось возможностью напомнить о себе. Коррупция всегда считалась рейтинговым показателем. Тем паче, фигурант подвернулся солидный, не какой-нибудь докторишка, торгующий больничными.

⁵⁹ Следователь по ОВД – следователь по особо важным делам.

Самандаров понимал, что промахнуться он не имеет права.

21 мая 2004 года. Пятница.

14.00–15.00

В общественном транспорте давка случается в час пик, а в ПВС⁶⁰ – целый день не протолкнуться. Редкая птица долетит до двери кабинета начальника, заманчиво желтеющей в конце коридора.

Конвекция воздуха здесь нулевая, оттого климат установился тропический. Удушающая жара, повышенная влажность. Острая вонь пота. Посетители раздражены до крайности. Гул стоит, как на пасеке. По любому поводу вспыхивает перебранка.

Очередь народ занимает ночью на улице. Всегда находится бойкий активист, который ведёт список. Очное присутствие соискателя является обязательным. Нельзя отметить-ся и уйти досыпать, чтобы объявиться к открытию учреждения. Допускаются лишь кратковременные отлучки по самым уважительным причинам.

Общественного туалета в округе нет. За малой нуждой граждане бегают в кусты парка экскаваторостроителей. Радуются, что на дворе тёплое время года. Зимой, когда вход в парк закрыт, наиболее предусмотрительные посетители, в основном женского пола, оснащаются памперсами.

⁶⁰ ПВС – паспортно-визовая служба.

Своей ничтожной пропускной способностью Острожский паспортный стол славится на всю область.

Притиснутого к стене Маштакова выручил случай. В дверях возник крупного сложения мордатый молодец в клетчатой рубашке.

Ледокольно выставив вперёд плечо, он начал пробиваться сквозь людскую массу, басовито возвещая:

– Прокурату-ура! Гра-аждане, пропусти-ите!

В качестве доказательства полномочий молодчик потрясал солидной кожаной папкой. Люди не расступались, но и не препятствовали маневрам государева человека.

Это действительно был прокурорский следователь Гена Каблуков. Балбес, выпивоха, собиратель и распространитель слухов.

Увлечённый процессом прорыва, он не обратил внимания на худошавого мужчину, пристроившегося к нему в кильватер. Верхнюю половину лица ловчили закрывал козырёк бейсболки.

Узнай Гена, сколь бездарно он проворонил Маштакова, слухи о явлении которого, разумеется, достигли его ушей, настроенных на постоянный приём, он бы искренне огорчился. Из личной встречи можно было извлечь ворох эксклюзивных подробностей.

Распихав граждан, блокировавших начальственную дверь, Каблуков с усилием приотворил её и боком втиснулся в щель.

Тут Миху засекала хабалистого вида тётка:

– А ты куда пролез?! Самый умный, что ли?!

Предотвращая скандал, Маштаков, вперившись в её вытаращенные глазищи, произнёс отчётливо:

– Я – к начальнику. Очередь не нарушаю.

И в подтверждение сказанного воткнул указательный палец в график приёма, из которого следовало, что в пятницу с 14.00 до 17.00 у подполковника милиции Саватеева Е.А. неприёмные часы.

Следователь находился в кабинете минут десять. Выбрался с ксерокопией паспортной формы в руке.

Не позволяя двери закрыться, Маштаков ввинтился в расщелину.

– Добрый день, Евгений Александрович, – уловил в своём голосе виноватые и даже угодливые нотки. – Вам Вадим Львович насчёт меня звонил. Маштаков моя фамилия.

– Я помню, – неприветливо буркнул Саватеев.

Пасмурность подполковника имела хронический характер. Её обуславливала работа в вечном цейтноте. Победить очереди он отчаялся, в связи с чем был одолеваем ходатаями всех мастей. Люди, занимавшие сколь-либо заметное положение в городе или просто предприимчивые, желали оформить документы в кратчайшие сроки, не тратя долгих часов на стояние под дверью.хлопоты предполагали благодарность в зависимости от профиля обратившегося. Просьба начальника КМ была из разряда корпоративных, выполняв-

шихся безвозмездно.

– Что у вас? – не прекращая быстро подписывать документы и перекладывать их из одной стопы в другую, Саватеев протянул руку.

– Советский паспорт обменять.

– Дотянули до последнего? Семи лет мало оказалось?

– Виноват.

Подполковник походил на бульдога – приземистый, плотный, глаза навывкате, короткий вздёрнутый нос, мощная нижняя челюсть, неправильный прикус.

Конечно, он не забыл Маштакова. В девяносто шестом году на День милиции тот поцапался с пэпээсниками⁶¹, гулявшими в кафе «Лада». Пэпсы, ребята тренированные, отбучали борзого Миху играючи. Саватеев был тогда командиром роты в звании старлея. Практически трезвый, он вовремя окоротил своих бойцов. А наутро подал рапорт, поставивший крест на карьере Маштакова в следственном отделе УВД. Не пристрой его тогда друзья-приятели в УР⁶², оказался бы на улице.

Последующие их контакты носили сугубо служебный характер. Об инциденте не вспоминали. К чести Саватеева, ни разу он не лягнул Миху, используя свою новую влиятельную должность. Всегда был корректен. Не изменил привычкам и

⁶¹ Пэпээсники, пэпсы – сотрудники батальона патрульно-постовой службы (проф. сленг).

⁶² УР – уголовный розыск.

сейчас.

Маштаков гадал, как же подполковник проведёт его сквозь толпу граждан в кабинет инспектора. Неужели лично? Или скажет: «Сам пробивайся, как хочешь». Тревоги оказались напрасными. Не зря Саватеев слыл хорошим организатором. В дальнем углу кабинета имелась дверь в смежное помещение. От стороннего глаза её укрывал двустворчатый металлический шкаф.

– Пойдёмте, – на ходу бросил начальник ПВС через погон. Миха поторопился за ним.

– Фаина Никандровна, примите документы на обмен, – без малейших эмоций распорядился Саватеев и, не дожидаясь реакции подчинённой, удалился к себе, закрыв потайной ход.

В подразделении Фаина Никандровна представляла когорту бессмертных. Возрастом за полтинник, выслугой хорошо за тридцатник, она была величава и надменна, будто римская матрона. Неохватная ни в одной части многоярусного мясного тулова, распиравшего форменное платье, она пережила на своём веку десяток начальников. Скромные капитанские погончики смотрелись на её могучих плечах инородно. Пухлое и мятое, как взбитая перьевая подушка, лицо инспектрисы имело багрово-синюшный колер, предательски выдавая многолетнее тайное увлечение. Увы, элитный алкоголь трансформирует внешность ничуть не хуже заурядных напитков. Исполненная фирменной косметикой боевая рас-

краска только подчёркивала изъяны. Пухлые пальцы напоминали говяжьи сардельки, унизанные перстнями и кольцами. Мочки ушей оттягивали массивные серьги жёлтого золота с изумрудами.

Царственным движением кисти мадам указала на свободный стул. Презрительное «здрасьте» означало, что она признала Маштакова и удовлетворена его закономерным падением. Выгнувшаяся коромыслом нарисованная бровь выражала недоумение тем, на каком основании столь ничтожный субъект допущен в святую святых.

При другом начальнике она бы восстала против указания, унижающего её человеческое достоинство, но Саватеву лучше было не перечить. Он обладал не только бульдожьей наружностью, но и хваткой, благодаря чему и держался на плаву дольше своих многочисленных предшественников.

Пока Миха заполнял бланк заявления, капитанша придирчиво изучила квитанцию об уплате госпошлины, фотографии, пролистала эсэс-эсэровский паспорт. Повода докопаться не нашла.

Скрипнула дверь. Робкий голос осведомился:

– К вам ещё нельзя?

– Закройте дверь, мужчина! – противным голосом отреагировала инспектор. – Вас вызовут!

Маштаков подумал: «Сообщающийся сосуд». Его приняли без очереди, значит, у томящихся в коридоре время ожидания автоматически увеличилось.

Новый скрип двери, теперь – длинный, хозяйский. Лошадиная дробь каблуков. Не поднимая головы, Миха зыркнул исподлобья на вошедшую.

Знакомые всё лица. Вторая родовитая боярыня нарисовалась. Ольга Борисовна, высоченная, худущая, ядовито-блондинистая. Тоже обвешанная золотыми цацками, как кремлёвская ёлка.

Не обращая внимания на посетителя, она с демонстративным стуком поставила под нос товарке флакон духов.

– Смотри, Фай, каким крохобором твой протяже оказался! За одну неделю ему заграник сделала, а он фанфуриком «Кензо» отдарился. Чё за байда?!

– Приличные духи. Сто уе такие стоят. Ты, мать, зажралась, – Фаина Никандровна сосредоточенно перебирала окольцованными сардельками картотеку. – Или ты предлагаешь мне доплатить?

– Я хочу, подруга, чтоб на будущее ты разъясняла людям цену вопроса! – сделала программное заявление Ольга Борисовна и гордо удалилась.

Очередным умозаключением, сформулированным Маштаковым, было – этим тёткам выгодны бесконечные очереди, чтобы к ним протапывали тропы, дарили презенты. И нормальный мужик Саватеев не переломит ситуацию, пока не выгонит их на пенсион. А это задача из области фантастики.

– Букетик у вас нарядный, товарищ прокурор! – не скры-

вала радости инспектриса, вскрывая прикуп из сторожевых листков. – Вы в розыске как потеряшка, за ОРО! Как алиментщик, за дознанием!

Сверху вниз замедленно повела острым ногтем по списку телефонных номеров под стеклом.

– Я был вчера и у Муратова и у Семёркиной, – понял её замысел Миха.

– Никаких сведений от них нет, – найдя нужного абонента, Фаина Никандровна пять раз старательно нажала на кнопки «Самсунга», издавшего мажорную гамму.

– Наверное, начальник криминальной не стал бы Евгению Алек сандровичу звонить, если бы я в бегах был, – Маштаков апеллировал к логике.

– Не знаю, не зна-аю, – капитанша упорно продолжала давать на музыкальные кнопки.

Ни один номер не отвечал. Фаина Никандровна сокрушенно качала пышной укладкой. Задержание лица, находящегося в розыске, пошло бы в её актив жирным плюсом.

– Пятница. После обеда все на учёбе в ленинской комнате, – объяснил молчание милицейских телефонов Миха.

Сотруднице старой формации не нужно было переводить, что ленкомната – это актовый зал. Сама просиживала там часами, пока паспортная служба входила в состав МОБ⁶³. Но капитан внутренней службы привыкла верить только материальным благам. Знала, что слова – пустое сотрясение воз-

⁶³ МОБ – милиция общественной безопасности.

духа.

С десятой попытки Фаина Никандровна дозвонилаь на мобильник начальнице дознания. Та была в курсе всех дел, подтвердила, что Семёркина розыск Маштакова прекратила и должна была направить необходимые бумаги через канцелярию в ПВС.

– Я в понедельник лично перепроверю, отдала ли она постановление! Вообще-то, Олеся у меня девочка добросовестная, обманывает только в крайних случаях, – словесный фонтан рванул из динамика так оглушительно, что инспектриса, тряхнув подбородками, поспешила отвести трубку от уха.

Миха сидел с индифферентным выражением лица.

В следующую минуту обнаружились новые проблемы.

– Документы я у вас, так и быть, приму, – милостиво объявила Фаина Никандровна. – Но! Есть решение федерального судьи Глазова о признании вас безвестно отсутствующим. Сами понимаете – его надо отменить.

Мне принесёте заверенную копию решения. Чем скорей, тем лучше. И ещё. С регистрационного учёта вы сняты в связи с продажей жилья собственником. Поэтому паспорт получите без штампа о прописке.

– Спасибо.

– На здоровье. Скажите там, чтобы следующий заходил.

21 мая 2004 года. Пятница.

15.15–16.00

В тамбуре ПВС на стене висел допотопный телефон-автомат советских времён. Монетоприёмник у него наличествовал, но работал таксофон бесплатно. После набора каждой цифры диск приходилось возвращать пальцем в исходное положение.

Номер на удивление легко всплыл в памяти.

– С-слушаю вас, – сквозь монотонный гул с запинкой откликнулся голос старшего убойщика Сутулова.

Говорить с ним не хотелось, но Маштаков сделал над собой усилие.

– Добрый день. Будьте любезны, Рязанцева.

Против ожиданий Сутулов, знаменитый своей дотошностью, не стал выпрашивать, кто звонит.

– А-андрей, т-тебя! – гаркнул.

И пока Рязанцев подходил, чтобы вхолостую не греть трубку, хохотнул развязно:

– С-с п-приехаловом, М-михал Николаич!

Сутулов являл собой редкий пример заики, которого дефект речи не сделал интровертом. Напротив, в общении его отличала коммуникабельность.

Маштаков почесал засвербевший кончик носа.

«Узнал, стервец. Двадцать лет оперработы даром не проходят».

– Благодарю, Владимир Борисович, – ответил как можно небрежнее.

А себе внушение сделал: «Перестань комплексовать. Таких дежурных приветствий ещё ого-го сколько придётся выслушать, пока другой информационный повод в ментуре не появится».

В трубке зашуршало и молодой голос радостно воскликнул:

– Привет, Николаич!

– Здорово, Андрейка. Удобно говорить?

– Почти.

– А на приём удобно?

– Да.

– Тогда слушай. Ты на рабочем месте гантели держишь?

– Набор.

– Одолжи мне на три кэгэ. Прямо сейчас, пожалуйста, вынеси. Я буду напротив УВД, за киоском «Роспечати».

– Нет проблем. Только... – Рязанцев замялся, предлагая собеседнику догадаться и продолжить фразу.

– Незаметно не получится?

– Вот именно.

– Ну и ладно. Нам нечего скрывать от товарищей. Жду.

Миха повесил на рычаг тяжеленную трубку, отмечая с усмешкой, что, срезав пару таких, можно было и не беспо-

коить Андрейку. Чем не гантели? Но такой вариант сгодился бы, если бы он действительно планировал заниматься гимнастикой.

Паспортный отдел находился в квартале от милиции. Что-бы не заставить приятеля ждать, следовало поторопиться. В кроссовках после сапожищ Маштакову казалось, будто он бабочкой порхает над асфальтом.

На пересечении Абельмана и Ворошилова открылся белый Христо-рождественский собор. Сияющий золотом центральный купол вознёсся в пятиглавии выше других, све-же-голубых.

Миха за козырёк сдёрнул бейсболку, замедлил ход, привычно перекрестился.

За киоском «Роспечати» – удобная позиция. Подходы контролируешь, а сам не отвечиваешь под окошками бывших коллег.

Но сначала Маштаков подрулил к фасаду. По дороге он прикончил последнюю сигарету, надо было купить курёхи.

Перед амбразурой обшарпанного ларька топталась занятая парочка.

Благообразная старушка в застиранном платке листала яркие страницы тоненького журнальчика, на которых бесстыдно растопырились голые девки. Изумляясь невиданному похабству, женщина с тихим возмущением спрашивала у своего спутника:

– Зачем тебе, Витя, это надо? Срам какой...

Пухлый парнище лет двадцати с младенческой физиономией идиота мурлыкал, застенчиво потупив голубые глазки. С мокрых губ тянулась блестящая нитка слюны.

У очкастой киоскёрши – внешность учительницы на пенсии. Её грошовая зарплата зависела от выручки, потому она активно предлагала весь ассортимент клубнички.

– Вот ещё посмотрите – какие красивые девочки! На этой неделе привезли. Вы таких не покупали.

– Ну, дава-айте этот и тот, – давя вздох сожаления по выбрасываемым на ветер деньгам, определилась старушка.

Через её утлое плечико Миха рассмотрел обложку. Средство массовой информации именовалось «Наши жены». У дерзко уставившейся в объектив блондинки была трогательно миниатюрная грудь. Слоган под фотографией призывал потенциального покупателя выяснить, нет ли тут его супруги.

Бабулька с внуком отошли. Идиот тянул за ветхий рукав, гундел, настаивал, чтобы журнал ему отдали прямо сейчас. Говорить он, похоже, не умел.

– Дома посмотришь, – женщина пыталась строжничать.

«Нехай болезный на порнуху мастурбирует, чем на бабку залазит», – из своей следственной практики Маштаков помнил случаи, когда псих-больные насиловали престарелых опекунов.

– Мужчина, вам что предложить? – киоскёр на всякий случай не убирала журнальчики на полку.

– Пачку «Примы», – Миха высыпал мелочь в пластиковую монетницу.

– Здесь пятидесяти копеек не хватает, – профессионально определила продавец.

– Да-а? – Маштаков смутился.

Провёл себе наружный досмотр. В нагрудном кармане рубахи – паспорт, визитка Птицына и повестка к дознавателю. В штанах – шаром покати.

– Извините, – просунул руку за своими капиталами.

Боковым зрением видел, как спортивной трусцой перебегает проезжую часть Рязанцев. Унизительное безденежье не хотелось выказывать даже перед ним. Как назло, одна монетка заупрямилась, не подцеплялась, выскальзывала. Оставлять гривенник было жаль. Когда Миха его выудил, Андрейка уже был рядом, протягивал пятерню, энергично встряхивая кистью.

Рязанцев поздоровался деликатно, силу не демонстрировал. Маштаков ещё раз подивился, как возмужал его выученик. Чёрная обтягивающая футболка с коротким рукавом подчёркивала мощь атлетической фигуры. Стальные шары мускулов рельефно перекатывались под гладкой кожей.

– Поворотись-ка, сынку!⁶⁴ – Миха не скрывал восхищения. – Тебя, здоровяк, на ВДНХ пора отправлять!

– Тренируюсь, когда время есть, – Андрейка засмутился. – На вот свой заказ.

⁶⁴ Близкая к тексту цитата из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

Передавая пакет, дно которого растягивал груз с округлыми очертаниями, Рязанцев спросил:

– А зачем они тебе, Николаич?

– Привык, понимаешь, по утрам гимнастику с гантельками делать, – прошли годы, а привычки балагурить Маштаков не утратил.

Видя, что Андрей в объяснение не поверил, успокоил:

– Ноль криминала. Прикинь сам – труп с таким плёвым грузом не притопить. Разве что кошака бродячего какого? Шучу. Спасибо, выручил. Через недельку верну. Курить не научился?

– Нет.

– Молодец. Тогда добавь на «Приму», а то я забыл дома свой толстый кошелёк⁶⁵, – никотиновая зависимость победила условности.

Через минуту Миха пыхтел сыроватой, горькой на вкус сигаретой.

– Значит, ты в МРО⁶⁶ трудишься? А чего туда нырнул?

– Теперь называется ОРЧ⁶⁷. Вадим Львович подсуропил. Он задумал эту, как её, ротацию, убойщикам сделать, чтоб они на один карман с криминальной милицией работали. Пока я там в гордом одиночестве. Сейчас ждут, когда Валера Петрушин на пенсию откинется, чтобы, значит, ещё челове-

⁶⁵ Фрагмент цитаты из сказки А.Н. Толстого «Приключения Буратино».

⁶⁶ МРО – межрегиональный отдел.

⁶⁷ ОРЧ – оперативно-розыскная часть.

ка с розыска запихать.

– Как Валера? Аптеку посещает?

– Тутуже амбулаторно не лечится, Николаич. Сдаёт Гербертович.

– Жаль, он из них самый нормальный. Ну и как тебе, брат, в управленческой структуре? Старший опер, небось?

– Просто опер.

– Ну, капитана хотя бы получил?

– В июне срок, если кафтан не прожгу. Сутулов щемит. Думает, я Львовичу обстановку подсвечиваю.

– Смотри, аккуратно с ним. Он жалит исподтишка. Я тебе рассказывал, как он в девяносто седьмом хотел меня подставить?

– Рассказывал, Николаич. Я всё помню.

Беседа на темы, составлявшие когда-то смысл существования, взволновала Маштакова. Душевно было с Андрейкой, непринуждённо. Не хотелось расставаться.

– Торопишься? – отреагировал Миха на взгляд, брошенный Рязанцевым на часы. – Давай вечером увидимся?

– Блин, сегодня никак. У сына день рождения.

– О-о, брателло, а я ведь ни ухом, ни рылом в твоей личной жизни! Неужели Юлька тебя осчастливила? И давно ль вы сочетались законным браком?

– В две тысяча первом, четырнадцатого сентября. Я тебя тогда, Николаич, обыскался, приглашение хотел вручить. В общагу раз пять ездил, в арtpолк...

– А сыну сколько стукнуло? – всё, что касалось его исчезновения, Миха упорно пропускал мимо ушей.

– Два годика.

– У-у, большой уже! Как назвали?

– Мишаней, – Андрейка потупился.

У Маштакова повлажнели глаза. Скрывая проявление сентиментальности, он заругал термоядерную сигарету, курить которую можно было только в противогазе.

– Живёте где? – лучший способ избежать вопросов – задавать их самому.

– Квартиру снимаем в «олимпийском» доме. Когда Мишаня не родился, у моих обитали. Сначала вроде ничего было, потом у свекрови с невесткой не заладилось. Две хозяйки на кухне! Снова стало, как в коммуналке! Переехали к Юлькиным родичам на Текстильщик. Там тестяга бухает на постоянку. Пару раз поговорил с ним по-хорошему, не понимает. Дал леща в профилактических целях, он за стамеску. Пришлось по бороде стукнуть слегонца, он с копыт. После того случая мы сразу съехали. Неохота садиться за этого хрона. Юлька на моей стороне, но какой-никакой отец он ей. Чего в занозу лезть, если можно краями разойтись? Правильно? Пускай живёт, как хочет. С деньгами напряг, конечно...

– Не подняли вам зарплату?

– Обещают всё. Я ж ещё, Николаич, учиться подписался. Помнишь, ты говорил – без диплома никуда? Второй курс

заканчиваю.

– Рад за тебя, – смотреть в глаза собеседнику Маштаков избегал.

Стыдился острого приступа зависти. Всё-то у простака Андрейки, не прочитавшего после восьмилетки ни одной умной книжки, складывалось хорошо. Любимая жена, ребёнок подрастает, работа, спорт, учёба на заочном. Квартирные неурядицы – не в счёт. Преодолимые издержки быта.

– Извини, Николаич, бежать надо. Там человека ко мне по «износу»⁶⁸ притащили. Сделает ноги, огребу пряников.

– Бегай, конечно.

– Мобильник у тебя есть?

– Пока не обзавёлся, – Миха уже знал, что за время его отсутствия сотовые телефоны перестали быть предметом роскоши.

– Черкни тогда мой номер.

– Ручки нет.

– У меня, как назло, тоже, – сожаление Рязанцева было искренним.

– Ничего, в следующий раз запишу. Рабочий твой знаю, дорогу в отдел не забыл.

– Не пропадай, Николаич. На следующей неделе повидаемся обязательно. Удачи!

Салютуя Маштакову, Рязанцев приставным шагом дружинисто двинул по «зебре» пешеходного перехода.

⁶⁸ «Износ» – изнашивание (проф. сленг).

Миха подкурил новую сигарету. После нескольких порывистых затяжек пошла кругом голова. Позавтракал он сегодня слабенько – чаёк, бутерброд с колбаской, полстакана сметаны. С утра шустрил по объявлениям в поисках работы, потом двинул в паспортный и в результате пролетел с обедом. Светка, конечно, на плите расход оставила, но существование без карманных денег удручало всё больше. Надо было срочно раздобыть хоть сколько-то.

21 мая 2004 года. Пятница.

14.30–16.00

В партии, дебют которой разыграл Яковлев, фигуры назад не гуляли. Следующий ход носил процедурный характер и назывался передачей по подследственности результатов ОРД⁶⁹. Сопроводительные документы в целях экономии времени были подписаны генералом накануне.

В прокуратуру с майором покатил и Самандаров. Они разбежались в фойе. Комитетчик пошагал в канцелярию, а следователь по длинному полутёмному коридору припустился к своему кабинету.

– Собирайся, лиса Алиса, на выезд! – с порога скомандовал девушке, бойко стучавшей по клавиатуре компьютера.

Выпускница юридического колледжа относилась к категории особо доверенных лиц. Большинство студентов посещало практику ради галочки, но каждый год один-два человека приживались в кабинетах следователей, добросовестно и бескорыстно исполняя обязанности курьеров, понятых, общественных помощников. И уж практика давно закончилась, и диплом защищён, а они продолжали ходить в прокуратуру, как на службу, по первому звонку срывались на место происшествия.

⁶⁹ ОРД – оперативно-розыскная деятельность.

Причины понятны. Во-первых, молодёжи любопытно. В реале видишь такое, чего не во всяком детективе покажут. Иногда не просто наблюдаешь, а участвуешь в расследовании. Во-вторых, круто. Мало кто из сверстников может похвалиться знакомством с настоящим следователем прокуратуры. Третья причина – интерес к предмету, желание работать в правоохранительных органах. Порой присутствовал интимный мотив. Дело-то молодое. А так как в Острожской прокуратуре все следователи – мужчины, их постоянными помощниками становились, как правило, лица противоположного пола.

У Алиски наличествовали все перечисленные поводы. Шустрая, смышлёная, начитанная, она видела в жизни цель. Идти по стопам родителей, успешно занимавшихся продажей оргтехники, желания не имела. Скукотища! Предки стремление дочери получить юридическое образование поддерживали всецело. То, что она много времени проводит в прокуратуре, одобряли. Контактировать с солидными людьми – не шлаться по улицам с банкой алкогольного коктейля в руке и сигаретой в зубах.

При общении с ровесниками на Алису нападала зевота. С Рафаилом же, который был почти вдвое её старше, интересно и прикольно. Секс у них случился ещё на первой практике, ей семнадцать лет было. Несмотря на романтические отношения, девушка не связывала своё будущее с Самандаровым. Мелкие, рано лысеющие дядечки азиатской наружно-

сти не отвечали её вкусам. Но авантюрная близость добавляла жизни драйва. Днём в тесном кабинетике разоблачали жестокого убийцу, а поздно вечером тут закипали страсти другого рода, испытывалась на прочность шаткая казённая мебель.

Кабинетный вариант, конечно, задевал женское самолюбие. Ни разу холостяк Самандаров, имея собственную квартиру, не пригласил Алису в гости. Боялся посягательств на свою независимость. Хитрый, не зря наполовину татарин! Ждёт, наверное, не дождётся июля месяца, когда она уедет в Саратов подавать документы в академию права.

Целевое поступление в престижный ВУЗ гарантировалось направлением прокуратуры области. За намёк, что «целевичкой» она стала через постель, Алиса любому бы плюнула в морду. Поишачьте-ка два года задаром на следствии! Потаскайте-ка из морга шмотки с гнилых покойников! Попляшите полночи на тридцатиградусном морозе понятой при осмотре застреленного на трассе дальнобойщика! Да мало ли какой черновой работой пришлось здесь заниматься...

Сейчас девушка печатала очередное постановление за подписью следователя. Отказники по трупам она щёлкала, как орехи белка в сказке Пушкина. Самостоятельно отбирала объяснения у граждан, выцарапывала у экспертов акты СМИ⁷⁰, клеила фототаблицы к протоколам осмотров, компоновала и нумеровала документы, составляла описи, сши-

⁷⁰ СМИ – судебно-медицинское исследование.

вала материалы, оформляла обложки.

Перед монитором парила кружка с кофе. Аромат растворимого «Nescafe Gold» мешался с горьким бледно-сиреневым дымом тонкой сигаретки, пристроенной на ободке пепельницы. Некурящий Самандаров смолить у себя не разрешал, всегда бурно возмущался бесцеремонной привычкой Кораблёва заваливаться в чужой кабинет с сигаретой, но для приближённой делал исключение. Условия ей были поставлены – не более трёх перекуров в день с последующим интенсивным проветриванием.

– Далеко едем? Мне в джинсы переодеться? – Алиса метнулась к встроенному шкафу.

Там она держала походный гардеробчик.

– Форма одежды номер раз! Каска, трусы, валенки! – выдал Рафа хохму из армейского юмора.

Алиса надула губы, фельдфебельские остроты её коробили.

– Ну сколько можно?

– Отставить переодевание! Работаем в комфортных условиях. Пусть в мэрии оценят стройность твоих ножек!

Любой комплимент – бальзам на нежное девичье сердце. Алиса благодарно улыбнулась. Зная достоинства своей фигуры, она отдавала предпочтение рискованно коротким юбкам. Благо, погода поощряла.

Не церемонясь, Самандаров шумно отхлебнул из кружки. Выудил из надорванного пакета пару сушек. Дробно захру-

стел. Сегодня он снова сэкономил на обеде и, соответственно, на здоровье.

Захлопнул фрамугу, подёргал ручку сейфа, проверяя – закрыт ли, одновременно выплеснул остатки кофе в пепельницу, схватил следственный чемодан, забрызганный барельефно засохшей грязью, и с высокого старта рванул на выход.

Стажёрка, привычная к темпоритму наставника, поспешала. Под окном ждал болотного цвета «Volkswagen Golf IV», Рафин первенец, приобретённый в прошлом году. Быстро и безвозвратно вжившись в шоферскую шкуру, Самандаров планировал осенью поменять «гольфик» на более комфортабельную «Nissan Almera».

По проспекту он мчался, будто на пожар. В салоне неистовствовал технопоп. Идентичные элементы электронной музыки повторялись бесчисленное количество раз. Алиса, сцепив зубы, пыталась не дать какофонии выклевывать ей мозг. Хорошо, что путь оказался близким.

Свернув под запрещающий знак, Рафаил вырулил к монументальному зданию горадминистрации. Не снижая скорости, воткнул «Golf» между «Соболем» с тонированными стёклами и чёрной «Волгой-3110», припаркованными на краю стоянки. Милл и метраж! Из авто пришлось буквально выкручиваться, дверцы едва приотворились.

Навёрстывая упущенные секунды, следователь ломанулся рысью. Стажерка боялась отстать. Пункт Б, в который они стремились, был ей неведом. Взяв по лестнице, обеими

руками рефлекторно прижала к бёдрам волнующуюся юбочку, предотвращая возможность апскирта.

Залетев в кабинет главного архитектора, являющийся теперь местом происшествия, Рафаил обнаружил там виновника торжества, посаженного в угол подальше от окна. Руки его лежали на коленях и были сцеплены наручниками. Вызывающе задрав острую бородку, чиновник вперил взор в новое действующее лицо.

Сидевший рядом с ним мужчина в строгом костюме перестал поигрывать очками со сложенными дужками и вопросительно вскинул бровь.

– Старший следователь прокуратуры Самандаров! – факирским жестом Рафа выхватил из кармана удостоверение.

Мужчина разрешающе кивнул. До оперативников областного УФСБ фамилия следователя, которому предстояло принимать решение по материалу, была доведена.

Самандаров огляделся. Возле окна громко перешёптывались две девицы, по логике – понятые, организованные чекистами. Под укоризненным взглядом прокурорского они умолкли.

Привалившийся к шкафу управделами Мяхлов отстранённым видом демонстрировал, будто он здесь человек случайный и происходящего не одобряет. С ним Рафаилу доводилось прежде контактировать. Скользящая устрица. Даже имя-отчество его не поддавались запоминанию.

«Смотри-ка, чтит контора УПК, – мысленно одобрил сле-

дователь. – Не забыли представителя организации задействовать».

Несолидного вида паренёк с хвостиком, елозившим по воротнику джинсовки, сидя за приставным столом, что-то писал. Щурясь, Рафа заглянул ему через плечо, увидел, что составляется протокол.

Озадаченно покрутил головой на неуставную причёску сотрудника и сказал ему:

– Закругляйтесь. Я сейчас дополнительный осмотр буду проводить.

Распахнул на коленке чемодан, выдернул желтоватый бланк, зафиксировал его зажимом на пластмассовом планшете и вручил практикантке. В силу суматошности характера у Самандарова не хватало терпения разборчиво выводить буквы, поэтому почерк он имел отвратный. Алиса в качестве секретаря здорово выручала.

– Где мой адвокат?! – напористо произнёс архитектор. – Почему до сих пор не вызван мой адвокат?!

Он ставил ударение на притяжательное местоимение. Рафаил возгласы проигнорировал. Молчали и фээсбэшники. После появления следователя главным процессуальным лицом на месте происшествия стал он.

Самандаров впервые видел пневмопочту, но, обладая инженерным складом ума, принцип действия ущучил сразу. Легковесные контейнеры перемещались по трубопроводам под действием сжатого воздуха. Конструкция не позволяла

установить адреса отправлений.

С видом человека, точно знающего, что делать, следователь позвонил начальнику ЭКО⁷¹ и потребовал прислать техника-криминалиста.

– Снимем пальчики и узнаем, кто последний отправлял корреспонденцию! – сообщил он, бросая многозначительный взгляд на архитектора.

Тот презрительно фыркнул. Пустопорожность угрозы была очевидна пятикласснику, а здесь собрались взрослые люди.

– Ослабьте наручники! Мне больно! – не попросил, потребовал Левандовский.

Оперативник наклонился к нему. Раздался негромкий скрежет фиксатора.

– Так нормально? – справился для верности чекист.

«Либеральничают! Сюда бы рубоповцев! Денис Владимирович Давыдов затянул бы козлобородому манжеты на максимум. Не спереди, а за спиной! И поставил бы рылом к стене. Нигде не написано, что подозреваемый обязан сидеть! Пусть он и белый воротничок!» – клокотал от праведного гнева Рафаил.

В ходе осмотра главное внимание он уделил тому, как работает пневматическая почта. Отправил во все шесть адресов по капсуле, внешне напоминающей увеличенную пластиковую облатку киндер-сюрприза, составленную из двух по-

⁷¹ ЭКО – экспертно-криминалистический отдел.

ловинок. При каждом отправлении устройство издавало глухой отрывистый хлопок. Переходивший из кабинета в кабинет сотрудник ФСБ шесть раз сообщил Самандарову по мобильному телефону: «Груз поступил».

– Не наигрались в детстве? – желчно поинтересовался архитектор.

– Ага, оно у меня трудное было, – поддакнул остряку Рафа.

В действительности, кроме удовлетворения любопытства, он экспериментальным путём установил, что система локальной доставки корреспонденции полностью исправна. Данный факт, подтверждавший возможность фигуранта избавиться от предмета взятки, нашёл отражение в протоколе.

К концу следственного действия приехал Яковлев, выглядевший напряжённым.

– Что от нас требуется, Рафаил Ильич? Говорите, всё делаем! – интонация обозначила самый решительный настрой.

– Тимур Эдуардович, гражданина архитектора увозите, – Самандаров торопился перенести игру на своё поле. – Хоть посвободнее в помещении будет. Он всё равно от подписания документов отказывается.

– Куда меня?! – заволновался Левандовский. – В КПЗ⁷²?! На каком основании?! Я ни в чём невиновен! И где, чёрт возьми, мой адвокат?!

– Проследуем к нам в отдел, – Яковлев отвечал по пунк-

⁷² КПЗ – камера предварительного заключения (устар).

там. – Адвокат Сизов находится в областном суде. Сотовый телефон у него отключен. Предположительно освободится к семнадцати часам. Плюс дорога из Андреевска.

– Может, вам дежурного адвоката предоставить? – подсказал следователь.

– Подставного? Увольте, – лексика главного архитектора казалась нарочито архаичной, – Владилен Вадимович, окажите любезность, присмотрите тут за ними. Как бы не подкинули какую дрянь.

Окаменевший управделами ожил, почтительно изрёк: «непременно». Для полного ощущения театральности диалога второстепенному персонажу не хватило свистящего словоёрса⁷³.

Впрочем, ни у деловитого следователя прокуратуры, ни у молчаливых сотрудников ФСБ, ни у криминалиста, перемазавшего все пригодные следовоспринимающие поверхности графитовым порошком, ни у подружек-понятых, измаявшихся от вынужденного молчания, подобной художественной ассоциации не возникло.

⁷³ Словоёрс – название частицы – с, прибавляемой до революции в русском языке к концу слов в знак почтения к собеседнику.

21 мая 2004 года. Пятница.

16.20–17.00

В кабинете Кораблёва начинался мозговой штурм. Чтобы не мешали, заместитель прокурора закрыл дверь изнутри, отключил городской телефон. На столе его царил идеальный порядок, материал в отношении архитектора был сложен аккуратной стопочкой. Записи, сделанные в процессе изучения, состояли из одиннадцати позиций.

– Первый вопрос. Дело возбуждаем? – Кораблёв вопросительно глянул на Самандарова.

– Возбудить не проблема. Перспектива какая? – потёр лысину следователь.

Расхлёбывать кашу в случае неудачи предстояло ему.

– О перспективах сейчас не говорим. Говорим об основаниях для возбуждения уголовного дела, – зампрокурора таранил защиту. – Достаточные основания имеются?

– Формально имеются, – с заминкой согласился Самандаров.

– И повод и законные основания в наличии, Рафаил Ильич! – Кораблёв изрёк с профессорской назидательностью.

При этих словах Яковлев приободрился. В рамках расследования уголовного дела его шансы вернуть утраченное воз-

растали. Кроме того, появлялся лишний оправдательный довод перед начальством.

«Прокуратура не считает ситуацию безнадёжной, товарищ полковник!»

– По какой статье возбуждаемся, Александр Михайлович? – воодушевления в голосе Самандарова не наблюдалось.

– Двести девяностая, часть вторая⁷⁴.

– В отношении конкретного лица?

– А по другому как? В отношении неустановленного – глупо. Чего голову в песок прятать?

– Обыски во всех кабинетах будем проводить? – комитетчик напомнил следователю о его решительных намерениях.

– Погоди, Тимур Эдуардович, шашкой махать, – Кораблёв поморщился, как от кислого. – Это исполнительная власть, а не колхоз «40 лет без урожая». Глава уже звонил Аркадьичу, возмущался, что вы там тридцать седьмой год устроили, людей свободы передвижения лишили. Определяйте приоритеты. Сколько всего кабинетов соединяет эта шайтан-труба?

– Шесть кабинетов, в них одиннадцать работников. В одном кабинете один человек сидит, а в пяти – по двое. Одна сотрудница в декретном отпуске. Живых имеем десять душ.

– Нарисуй схему с номерами кабинетов и фамилиями со-

⁷⁴ Часть 2 статьи 290 УК РФ в ред. от 08.12.2003 предусматривала ответственность за получение должностным лицом взятки за незаконные действия. Санкция – лишение свободы на срок от 3 до 7 лет.

трудников, – заместитель прокурора подвинул майору лист бумаги и фломастер.

Яковлев набросал шахматку, ориентируясь на штатное расписание.

– Скорее всего, Левандовский скинул деньги в кабинет, где сидит один человек, – резонно предположил Самандаров. – Кто его близкие связи?

– Его зам Темляк и главный специалист Шаталова. Собутыльник и любовница.

– Ага, как раз они-то поодиночке и сидят! У Темляка – отдельный кабинет, а у Шаталовой – соседка в декрете, – оживился следователь. – Их надо трясти в первую очередь.

– Триста второй кабинет из списка сообщников можно исключить, – сообщил Яковлев.

– Кто там у нас квартирует? – Кораблёв обратился к схеме. – Круминыш и Баранова?

– Баканова.

– Писать надо понятно, товарищ майор, – зампрокурора жирно обвёл букву «ка». – Почему исключаем триста второй?

– Есть причина, Александр Михайлович.

– Поня-атно, кто-то из двоих – ваш агент. Или оба? Хорошо, этих минусую. Остаётся проверить восемь человек.

Обыски решили провести в кабинетах Темляка и Шаталовой, в остальных (в том числе, и в триста втором, чтобы не подставить доверенное лицо) ограничиться осмотрами.

– Я правильно понимаю: в ходе обысков помещений проводим личные обыска работников, в них находящиеся? – Яковлев не собирался ограничиваться полумерами.

Масштабы затеваемого мероприятия при отсутствии гарантий их результативности тревожили Кораблёва. Дело предвещало скандал.

– Учитывая предмет поиска, личные обыски нужны, – очень серьёзно сказал он. – Финт с деньгами явно был заранее продуман, значит, соучастник сто раз мог от них избавиться. Но искать надо по полной, а то потом не оправдаемся, почему халявили.

– Для личного обыска Шаталовой нужна женщина, – напомнил Самандаров.

– Наша секретарь подойдёт? – прищурился фээсбэшник. – Она прапорщик.

– Как сотрудник органа дознания, почему бы и нет? – обсуждаемая деталь не носила для Кораблёва принципиального характера.

– Только её надо заинструктировать насчёт процедуры обыска и как протокол составлять.

– Мою стажёрку дадим в понятияе, она всё продиктует, – следователь моментально нашёл решение.

При других обстоятельствах заместитель прокурора непременно подколот бы подчинённого насчёт универсальной стажёрки, но сейчас обстановка к шуткам не располагала.

Давая Самандарову руководящие указания, Кораблёв обеспечил его бумагой и ручкой для конспектирования. Рафаил знал, что отмазка: «Я и так всё запомню» не прокатит, и потому на клочке, косо оторванном от стандартного листа, молча черкал одному ему понятные каракули.

Через пять минут, загруженный вводными по ватерлинию, листая на бегу материал, он метеором унёсся к себе.

Оставшись с зампрокурора наедине, Яковлев произнёс с чувством:

– Александр Михалыч, спасибо тебе большое за поддержку. За мной не заржавеет.

Кораблёв это знал. В последнее время ФСБ, восстановив былую мощь, на участке борьбы с оргпреступностью и коррупцией постепенно занимала нишу слабеющего РУБОПа. Прокурорское следствие нуждалось в качественном оперативном сопровождении. Иногда – в неформальном.

Закурили каждый свои. Майор поёжился:

– На дворе теплынь, а у тебя зябко.

В окно кабинета, выходявшее на северо-восток, солнце заглядывало лишь на пару утренних часов. Остальное время в помещении было сумрачно и промозгло, как в погребе.

– Через неделю лето, а с обогревателем сижу. После обеда вот выключил. Кислород сжирает, собака, недуром. Башка от него трещит, а вырубись – сразу колотун, – пожаловался Кораблёв.

Его предшественник в этом каменном мешке заработал

хронический бронхит.

К слову, выглядел Саша неважно. Под глазами не просто тени лежали, мешки набрякли от хронической усталости. Кожа имела землистый оттенок. Ранние залысины на лбу теснили русые кудри. Модельная стрижка, чисто выбритые щёки и подбородок, белоснежная рубашка, идеально завязанный шёлковый галстук, костюм не из дешёвых придавали ему вид ухоженный и презентабельный, но, увы, не омолаживали. Заместитель прокурора казался значительно старше своих тридцати с хвостиком.

– Пора кабинет менять на комфортабельный, с кондиционером, – комитетчик подбодрил дежурной фишкой.

Кораблёв также дежурно отшутился:

– Лучше маленький, да свой!

Сильно затягиваясь «Винстоном», добавил с минорной усмешкой:

– Как бы вскоре и такой каморки не лишиться!

– Думаешь, у Левандовского есть поддержка там? – Яковлев ткнул дымящейся сигаретой в потолок.

– Да ваш Левандовский – тьфу по сравнению с мировой революцией! – прокурорский пихнул окурочок в пепельницу. – Я, Тимур, в первой половине дня должен был возбудить дела на начальника милиции и всех его замов!

Майор краем уха слышал про объявленный Генпрокурором крестовый поход на МВД под флагом борьбы с укрывательством преступлений. Думал, что это рядовая кампаней-

щина, энергия которой уйдёт в свисток.

– Всё так серьёзно? – не проявить участия к проблемам человека, от решений которого напрямую зависела его карьера, Яковлев не мог.

Хотя своя беда затмевала сейчас белый свет.

«Пять тыщ американских рублей просрал! Генерал с ливером меня сожрёт!»

– Ла-адно, прорвёмся! – бодрость Кораблёва казалась натужной.

Фээсбэшник ловчился пристроить дотлевший до фильтра бычок в переполненной пепельнице. Как в архаичной игре в бирюльки, здесь требовалось не потревожить сложную конструкцию окурков, ранее упокоенных в массивном хрустальном изделии.

Хозяин кабинета дымил, как паровоз. В сутки едва укладывался в две пачки!

– С твоего разрешения, Александр Михалыч, двину к себе. Доложу начальнику и в область, какую кучу обысков с осмотрами контора должна проводить. Их всех кондратий хватит. Старое поколение... Чихнуть боятся. На всякий пожарный не прощаюсь. Я на звонке!

– Звони в любое время, – заместитель прокурора приподнялся со стула, подал руку.

Не успела закрыться за майором дверь, в щель просунулась заискивающая физиономия милицейской следачки Поляковой.

– Александр Михайлович, разрешите? Я дело по подследственности принесла. Всё исправила, как вы велели. Ваши закладки не вынимала...

– Минуту! – Кораблёв вспомнил важное.

Дверь, контролируемая мощной пружиной, едва не прибила капитана юстиции.

Саша воткнул в телефонную розетку штепсель, набрал номер Самандарова. Тот, как обычно, схватил трубку на первом звонке.

– Слушаю! – дыхание было сбившимся.

– Рафаил Ильич, не забудьте также спецдонесение в область подготовить.

О возбуждении уголовных дел коррупционной окраски наверх надлежало сообщать в течение суток. С учётом того, что впереди маячили выходные дни, информацию нужно было отправить факсом сегодня. За нарушение приказа при старом прокуроре области журили, при действующем привлекали к дисциплинарной ответственности.

– Ёлки-палки, Александр Михайлович, мне разорваться, что ли?! – у следователя начинался психоз.

– Спецдонесение ровно две минуты написать, – Кораблёв гнул своё.

– У вас всё две минуты! – вспыхнул Рафа и тут же перегорел. – Ладно, сейчас напишу.

В трубке зачастили короткие гудки. Прежде чем вернуть её на место, заместитель прокурора, не спеша, распутал пе-

рекрутившийся провод. Писать он не разучился, и накатать спецдонос мог без проблем, но Самандарову, с зимы начавшему своеенравничать, требовалось преподать урок субординации. Он должен усвоить, что каждый баран висит за свою ногу.

21 мая 2004 года. Пятница.

17.00–17.30

– Пацан! Сопляк! – бешено выкрикивал Самандаров, швыряя телефонную трубку.

Практикантка пришипилась испуганно. В такие минуты она боялась навлечь гнев на себя.

– Кыш с моего стола! – Рафаил отвернулся к окну, кусал губы.

Лицо его пошло пунцовыми пятнами.

Алиса со всеми бумагами торопилась перебраться за второй стол, временно пустовавший. Его хозяин повышал квалификацию в Питере. Когда решался вопрос, кого из следователей послать на учёбу, рассматривались все кандидатуры, кроме самандаровской. Собственная незаменимость Рафе прежде тешила самолюбие, теперь удручала. Кто везёт, на том и едут!

Знакомясь с материалом, он отвлёкся, поуспокоился и начал систематизировать ходы по их приоритетам. Объём работы вечером предстоял без преувеличения гигантский.

Напечатать постановление о возбуждении уголовного дела, согласовать его с Кораблёвым, который обязательно внесёт в фабулу исправления. Если не по сути, то переставит слова на свой лад. Как будто перемена мест слагаемых вли-

жет на результат!

После правки постановление нужно будет распечатать в трёх экземплярах.

Заполнить статистическую карточку формы № 21 на выявленное преступление. Завизировать её у Кораблёва. Тот непременно ткнёт носом в какую-нибудь хрень.

– Рафаил Ильич, почему не заполнен пункт «порядковый номер преступления в уголовном деле»?

А зачем, спрашивается, его заполнять, если преступление в деле единственное? Маразм!

Копию постановления и статкарточку закинуть в отдел учёта. Причём оперативно, потому как в УВД сегодня крайний день, короткая смена. Хорошо, есть обученная Алиска, она унесёт бумажки куда надо, получит номер дела.

Пока стажёрка бегает, он нашлёпает постановления на производство обысков в кабинетах № 305 и № 307. Напечатает поручение о проведении следственных действий.

Без бумажки фэйсы пальцем не пошевелят...

Может, эти документы господин цензор не будет вычитывать? Санкции прокурора на обыск в помещении, вообще-то, не требуется. Но показать ему надо, а то потом писков-визгов не оберёшься. И не забыть в конце поручения написать «с уважением», как он любит. Хотя, разве уместны реверансы в официальных бумагах?!

Алиску, как вернётся из милиции, отправить на фээсбэшной машине в администрацию. Постановления с поручением

дать ей. А ещё – чистые бланки протоколов обыска и ОМП⁷⁵, копирку, скотч, пакеты для упаковки изъятого. Хм, найдут ли, что упаковывать-то...

Стоп! На постановления надо поставить гербовые печати. Не забыть предупредить нашу канцелярию, чтоб не сбежали. А то без колотушки останемся. Законом печать на таких документах не предусмотрена, но чиновдралы в администрации могут заерепениться. Лишние загвоздки ни к чему.

Допросить главного свидетеля Мунтяна и для массовости – посредника, который его с архитектором свёл.

Решить вопрос о допуске адвоката. Скорее всего, придётся Сизова дожидаться. Если жулик так настойчиво требует Ростика, значит, у них заключено соглашение. «Кожаная Голова» от такого клиента разве откажется? Тут бабок, как грязи!

Ознакомить Левандовского и его защитника с постановлением о возбуждении дела. Вручить копию под роспись. Допросить Левандовского в качестве подозреваемого. Если он сообразоволен давать показания, провести очную ставку с Мунтяном.

Задержать подозреваемого в порядке девяносто первой⁷⁶. Раз ввязались в драку, закрывать клиента надо обязательно. Отпустить – значит расписаться в собственном бессилии. Архитектор тотчас ляжет в стационар с каким-нибудь

⁷⁵ ОМП – осмотр места происшествия.

⁷⁶ Статья 91 УПК РФ предусматривает основания задержания подозреваемого.

страшным диагнозом. Хрен его оттуда выцарапаешь. В это время тёмные силы начнут Мунтяна обрабатывать, подбивать к изменению показаний.

Гришку под видео нужно допрашивать, чтоб потом не перевернулся. Кто у нас последний видеокамеру эксплуатировал? Утром, вроде, Максимов на показ собирался, чистую кассету искал. Вернулся ли он?

Самандаров стукнул кулаком в стену, вызывая на связь соседей. Не дождавшись ответа, выскочил в коридор.

Полчаса спустя, упыхавшийся от челночного бега между своим кабинетом, замовским и канцелярией, он дал отмашку практикантке: «В боевую линию!».

– Босс, у нас кофе кончился, – обрадовала Алиса.

– На обратной дороге купи, и пожевать чего-нибудь, – Рафа сунул ей мятую банкноту.

– Какой кофе на полтинник? – задала резонный вопрос девушка.

– В маленьких пакетиках возьми. Ну, слушай, нет у меня при себе больше денег! Утром полный бак заправил.

Алиса знала, что Самандаров прижимист. Девиз его был: «Ни копейки на военные расходы».

– Ла-адно, добавлю.

– Другой разговор, – воспользовавшись тем, что практикантка налегла грудью на стол, цепляя пластиковый файл с документами, Рафаил потрепал её по оттопырившейся попке. – Ты сегодня снова в леопардовых стрингах?

– Пошляк! – это слово в лексиконе девушки фигурировало часто.

Сейчас оно прозвучало с нейтральной интонацией. На заигрывания не было ни минуты.

Неафишируемые страницы биографии народного избранника

Трудно поверить, но в начале девяностых Катаев имел имидж типичного нового русского. Шестисотый «мерин», малиновый пиджак, чёрные джинсы, остроносые туфли, голда⁷⁷ на шее, увесистая «гайка» на отогнутом мизинце, «котлета» баксов в барсетке.

В середине десятилетия он косил уже под Дона Корлеоне. Пересел на «джип» с тонированными стёклами, стал носить итальянские костюмы и рубашки цветом темнее галстуков, в любую погоду прятал глаза под солнцезащитными очками-хамелеонами. Его сопровождала бритоголовая пристяжь с тэтэхами⁷⁸ за поясом и «пампушками»⁷⁹ под полами кожаных регланов.

Братанский прикид и гангстерский антураж остались в прошлом. Ныне Сергей Альбертович не только легальный бизнесмен, занимающийся деревопереработкой, капитальным строительством и розничной торговлей нефтепродуктами, но и состоявшийся политик областного масштаба.

Он вторично прошёл в депутаты Законодательного Собра-

⁷⁷ Голда – массивная золотая цепь (жарг).

⁷⁸ Тэтэха – пистолет ТТ (жарг).

⁷⁹ «Пампушка» – помповое ружьё (жарг).

ния. Новая избирательная кампания далась Катаеву несказанно легче дебютной. Его не полоскали по заказу конкурентов в прессе и на ТВ, вспоминая давнюю судимость и прочие грехи, действительные и мнимые. Силовики не бряцали доспехами, грозя привлечением к уголовной ответственности. Сам факт регистрации кандидатом в депутаты не пришлось отстаивать в суде.

Недавняя победа на выборах объяснялась вовсе не тем, что электорат воспылал доверием к Сергею Альбертовичу. Просто на этом поле, как и в бизнесе, необходимо чётко усвоить правила и, соблюдая их, занять своё место под солнцем. Красные директора, серьёзно бодавшиеся с Катаевым в прошлом забеге, присмотрелись к новому игроку и поняли, что он вполне вменяем.

Город имел в ЗС два мандата. Один вновь достался Катаеву, по второму округу прошёл главный инженер механического завода Варшавский. Люди дела одержали верх, а оппозиционная шелупонь и так называемые независимые кандидаты остались за бортом.

Стремясь четыре года назад в депутатское кресло, Сергей Альбертович в первую очередь хотел приобрести иммунитет. В ту пору велики были риски сесть. Теперь конфигурация иная. Методы борьбы за выживание изменились кардинально. Не нужно добиваться от партнёров лояльности путём криминальных разборок, отпала надобность физического устранения наиболее зубастых конкурентов.

На этом фоне подзабылась тяжеловесная кличка Каток, которой не так давно стращали коммерсов. Те, кто её помнил, обращаться на прежний манер к Сергею Альбертовичу избегали.

До минимума снизилась роль воровской крыши. По старой памяти Катаев отстёгивал процент в Москву Севе Гашёному, но ценник уже был гораздо скромнее, как и сам Сева. Некогда гремевший на полстраны славянский вор стал задумываться о душе, возможности его обмельчали.

В то же время сменились ориентиры у руководства правоохранительных структур. Через них решать вопросы стало проще, выгоднее и чище.

Органы умнели с головы. В столице деньги открывали двери большинства кабинетов, на областном уровне – половину, на районном – некоторые. Патриархальный уклад, косность мышления не позволяли на местах сразу отказаться от устаревших принципов.

Сергей Альбертович был уверен, что это явление временное, и очень скоро серьёзные бизнесмены и начальники силовых органов достигнут паритета повсеместно. Залог успеха виделся в том, что у каждой стороны имелся продукт, необходимый партнёру. Материальные блага выставлялись против властных полномочий.

Старые грехи Катаева поросли быльём, новые проделки были гораздо более изощрёнными и потому практически недоказуемыми. От тюрьмы на Руси зарекаться не стоило, но

на современном этапе вероятность сесть находилась в прямой зависимости от благосостояния индивидуума.

Поэтому участие в законотворчестве рассматривалось Сергеем Альбертовичем как инструмент для умножения капитала. Науку лоббирования личных выгод и интересов аффилированных структур он освоил на высший балл.

В новом созыве заксобрания Катаев нацелился на пост заместителя председателя комитета по промышленной политике, инвестициям, инновациям, малому и среднему бизнесу и стратегическому планированию. Должность, пусть и неосвобождённая, сулила большие возможности.

Продуманным штрихом нового облика стала защита кандидатской диссертации. Встала она в копеечку и реальной отдачи не обещала, однако букровки «к.э.н.»⁸⁰ на визитке с шелкографией свидетельствовали, что её обладатель идёт в ногу с научным прогрессом. Кто станет выяснять, что убелённый благородными сединами солидняк получил высшее образование лишь к сорока годам, а в молодости трижды отчислялся из провинциального ВУЗа за академическую неуспеваемость?

Для того, чтобы подогнать к авантажному знаменателю все детали ареала, Сергей Альбертович пожертвовал раскрученной вывеской фирмы.

«Наяда ЛТД» придумывалась на хмельную голову. Помнится, отжигали с компаньоном в сауне, стебались напере-

⁸⁰ Кандидат экономических наук.

бой: «Ну какие, нафиг, в «совке» могут быть частные предприятия? Оклемается со дня на день власть, прихлопнет всех нас, как мух».

Стартовый бизнес-план маркитанили весело – с шампанским и девками. Те без конца хохотали, визжали – гладкие, жопастые. Прыгали с бортика в бассейн, кверху подлетали титьки и брызги. В процессе любования розовыми прелестями в башке мелькнуло словцо из античной мифологии.

– Спирька, будет наша фирма называться «Наяда»! – возвестил Катаев, перекрикивая модную группу «Комбинация».

А брательник, наблатыкавшийся в своём инязы, добавил: – Limited.

Так и зарегистрировали на следующий день. Потом, когда подгоняли под новые стандарты, спереди приставили три «О». Много позже головастик Рипке просветил, что название содержит тавтологию. ООО это тоже, что ЛТД, ограниченная ответственность.

Теперь компания называется «Монолит». В тему, лаконично, благозвучно, солидно, надёжно.

На пороге своего пятидесятилетнего юбилея Сергей Альбертович стоял на ногах, как монумент. Незыблемо. Пару вскочивших каверзных вопросов рассчитывал вскоре уладить. Один гемор прилетел из прошлого, другой грозил снизить доходность строительного сектора. Объединяло проблемы сомнение – решаемы ли они интеллигентным путём.

Та, что шла первым номером, по сути, была организационной издержкой. Пять лет назад Катаев задумал реформировать ситуацию в регионе. Избавившись от криминала в его первобытном виде, хотел создать для себя благоприятный инвестиционный климат. Одним ходом надеялся покончить с местным уголовным авторитетом Клычом и остановить экспансию столичных пиковых воров⁸¹.

План удался на три четверти. Чужими руками Сергей Альбертович убрал парочку местных гангстеров, собиравших бабло для москвича Дато Боржомского. Стрелки перевёл на Клыча, якобы осерчавшего за отлучение от кормушки. Попытка Клыча оправдаться потерпела фиаско. Москвичи приговорили его. Дато, зная о позициях Севы Гашёного в Остроге, ожидаемо обратился к нему за содействием. Законник в свою очередь — напярят Катаева. Тот подписался, но во избежание лишнего шума попросил организовать акцию так, чтобы Клыч просто исчез. Нет тела, нет дела. Сгинет Вова, а слух пойдёт, будто сбежал беспредельщик за бугор, устранившись справедливого возмездия.

Прибывшим столичным спецам Сергей Альбертович поднёс Клыча на блюдечке с голубой каемочкой. В последний момент вмешалась непреодолимая сила в лице ФСБ. Похищение сорвалось. Клыч, уже спеленатый москвичами, уцелел. Правда, спасители тут же упаковали его за хищение оружия из воинской части. Срок Вова огрѐб недетский, семерик

⁸¹ Пиковый вор — из кавказцев (жарг).

строгача.

Но не все срока кончаются звонком. Существует лазейка в виде УДО⁸². Знающий человек шепнул Сергею Альбертовичу, что таковая реально замаячила перед Клычом. Его преждевременное возвращение неминуемо нарушит расстановку сил, снова в городе начнутся разборки. То, что горбатого исправит могила, Катаев знал. Но не хотелось снова пачкать руки. Опять эти могильщики, чистильщики, газонокосильщики... Снова поднимется волна, свои менты на уши встанут, слетится туча областной нечисти в погонах. Прокуратура взбеленится. Времена такие, что теперь и ФСБ в каждую дырку нос суёт. Шпионов, видно, всех переловили.

Ждать у моря погоды нельзя. Работать следовало на упреждение. Насчёт Клыча имелась путная идейка без мокрухи. Дело за грамотной реализацией.

А вот гражданского решения второй проблемы на ум не приходило, хотя создал её человек, далёкий от уголовщины. Свой брат коммерсант Савельев Леонид Юрьевич. Гулливер Савелий!

Город маленький, но раньше им удавалось ходить разными тропами. Бизнес пересекался в части деревяшек, но тут Катаев не претендовал на первенство. Мощности его Терентьевского леспромхоза в подмётки не годились лесокombинату «Дубрава», которым владел Савелий. Слава Богу, обитали не в пустыне, леса на корню в районе хватит на сто лет

⁸² УДО – условно-досрочное освобождение.

верных.

Когда Савелий занялся строительно-монтажными работами, Сергей Альбертович пробил тему безотлагательно.

– На пятки наступаешь, Юрьич?

– Я в порядке хобби, Серёж, – отшутился Савельев.

Почти год после этого разговора казалось, что дылда не обманул. Шарага его пробавлялась отделкой офисов.

Но неделю назад Савелий нацелил клюв на местный ДСК, выставленный собственником на продажу. Катаев к комбинату долго клинья подбивал. Контролируя подготовку документов, вычитывал каждый скрупулёзно – акт инвентаризации, аудиторское заключение, реестр обязательств, бухгалтерский баланс имущественного комплекса. Когда подошёл срок выходить на сделку, встрял Савельев. Внагляк начал перебивать цену.

Сергей Альбертович схватился за телефон, вывалил претензии и услышал в ответ клоунаду:

– Ничего личного, герр депутат, только бизнес. Свободная конкуренция, понимаешь!

Гордость не позволила Катаеву продолжать разговор. Последующие выходы на Савелия через общих знакомых результата не дали. Каланча уверовал в собственную вседозволенность, зиждившуюся, в том числе, на дружбе с ментами.

Особенно близко он якшался с начальником криминальной милиции Птицыным. Поговаривали, будто полковник по символической цене приобрёл у Савельева лесопилку.

Оформил её, разумеется, на подставное лицо. Управлял также дистанционно. Данный факт прагматик Катаев не осуждал. Надёжная крыша обязана достойно оплачиваться, а погоны не должны мешать мужику зарабатывать.

Сергей Альбертович и сам был не прочь заполучить в союзники главного сыщика города. Но тот не относился к породе всеядных, предпочитал иметь одного проверенного спонсора.

Итак, резкие движения в сторону распоясавшегося Савельева недопустимы. Вадим Львович Птицын – человек опасный. В свою бытность начальником «шестого» отдела сумел приземлить почти всю Острожскую братву. Катку он тоже кровушки попил. Упрятать на зону силёнок не хватило, но условный срок за хранение огнестрельного оружия повесил. Подпортил стервец биографию.

Сергей Альбертович тоже кадрил силовиков. У него удачно складывались отношения с руководством органа, созданного на месте ликвидированной налоговой полиции. Госкомдурь⁸³, как метко окрестил новорожденного народ, представлялась весьма перспективным вложением. Параллельно крепилось взаимовыгодное сотрудничество с начальником МОБ Коробовым.

Но в карман Савелию не подбросишь наркотики и участкового с проверкой на его офис не натравишь. У гендирек-

⁸³ Госкомдурь – государственный комитет РФ по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ (жарг).

тора «Дубравы» крупный калибр.

Чтобы понудить его отступить от ДСК, нужен или креатив, который, увы, в продажу пока не поступил, или хорошо забытое старое, но в новом флаконе и не такое концентрированное.

Поиск оптимального решения держал Сергея Альбертовича в тонусе. Он знал – умный человек выход найдёт всегда.

22 мая 2004 года. Суббота.

09.00–11.30

По субботам с утра Катаев посещал салон красоты. Огромная яркая вывеска на фронтоне всякий раз вызывала у него вопрос. Чем руководствовалась хозяйка заведения, называя его «Дездемоной»? Крылся ли в этом прозрачный намёк тем клиенткам, что не хранят верность своим мужьям? Или же доморощенная бизнесвумен подхватила первое пришедшее на ум звучное имя без задней мысли об ассоциации, которую оно вызовет?

«Скорее, второе, как я со своей «Наядой», – отступив на шаг от джипа, Сергей Альбертович нажал на кнопку брелока автосигнализации.

Отрывистое кряканье и вспышка габаритов подтвердили включение режима охраны.

Сотворивший грандиозную вывеску живописец изобразил знаменитую венецианскую красавицу платиновой блондинкой с капризно надутыми силиконовыми губами.

«Глубинка», – Катаев усмехнулся снисходительно, но без раздражения.

Искушенному клиенту, посещавшему сетевые салоны европейского уровня, провинциальность бросалась в глаза с порога.

«Дездемона» забралась на верхний этаж здания бывшего ОКСа⁸⁴ экскаваторного завода. Предприятие обанкротилось, имущество пошло с молотка. Новый собственник строения запустил в него стаю ушлых арендаторов.

Лифт, разумеется, проектом предусмотрен не был. Узкие лестничные марши позволяли расходиться при встрече исключительно боком.

На своём этаже хозяйка салона провела перепланировку, но коридорная система осталась. Пол в середине прохода имел уступ на более высокий уровень. Загадку ненужной ступеньки Сергей Альбертович разгадал давно.

Ранее этаж разделяла перегородка. В одной половине пол был поднят на высоту кирпича. Стенку снесли, коридор стал сквозным, однако выровнять поверхность реконструкторы не потрудились.

«Чисто русский подход, – каждый раз отмечал Катаев. – А на претензию, что посетитель может споткнуться, умелец заявит с вызовом: «Под ноги смотреть нужно, а не ворон ловить».

Устремлённый вниз взгляд выявлял недоделки ремонта. Жёлтый линолеум остался старым – зашарканным, кое-где вытертым до дыр.

Начинка салона была гораздо лучше облатки. Мастера, обслуживавшие Сергея Альбертовича, знали его вкусы и умели им потрафить.

⁸⁴ ОКС – отдел капитального строительства.

Короткая строгая стрижка подчеркнула респектабельность VIP-клиента. Элегантно серебрящиеся баки добавляли его облику академизма.

Из парикмахерского зала Катаев перешёл в соседнюю комнату. Там разулся и удобно устроился в педикюрном кресле, наклон спинки которого регулировался гидравликой. Час спустя наступил черёд маникюра.

В подчинении Сергея Альбертовича находилось немало ослов, тайно осуждающих увлечение шефа косметическими процедурами. Фраера ушастые не понимали, что для бизнесмена ухоженные руки – вторая визитная карточка, а педикюр – это, прежде всего, лечебно-гигиеническая процедура.

Расплачиваясь, Катаев приветливо поблагодарил мастеров и, как всегда, оставил хорошие чаевые. Деловой человек не жалеет денег на себя.

Выехав со стоянки, не удержался, чтобы не полюбоваться работой искусницы маникюруши. Контролируя руль ладонями, растопырил пальцы. Покрытые прозрачным матовым лаком ногти выглядели идеально.

На перекрёстке встал под красный свет светофора. Здесь с приходом тепла наладили промысел убогие. Вдоль замершей вереницы автомобилей с костылём под мышкой ползла каракатица, искорёженная ДЦП⁸⁵. Навяливала водителям флажки с триколомом.

«Удачное прикрытие для киллера», – кольнула Сергея

⁸⁵ ДЦП – детский церебральный паралич.

Альбертовича неприятная мыслишка.

От постоянной охраны он отказался после посадки Клыча. Других угроз извне не видел. По городу, особенно в выходные дни, крутил баранку сам, давал возможность водителю побыть с семьёй.

Фаталистом Катаев не стал, жизнь ценил даже выше, чем прежде. Каждый прожитый год увеличивал её стоимость, как выгодный банковский процент. Но, вместе с тем, Сергей Альбертович не видел смысла перестраховываться.

Колченогая бесцеремонно стукнула грязным согнутым пальцем в водительское стекло, махнула растопыренным букетом флажков. Катаев сделал прогоняющий жест, сопровождаемый гадливой гримасой.

«Надо сказать Коробову. ГИБДД в его подчинении, пусть разгонят этих попрошаек! Лезут прямо под колёса!»

Наконец впереди тронулись. Сергей Альбертович проехал прямо. С улицы Социалистической заезд в офис был удобней.

Тягостное впечатление, оставленное назойливой немощью, Катаев заглаживал, любясь молодыми тёлками. Они разгуливали по тротуарам в изобилии. Вспархивающие мини юбки, обтягивающие тонкие брючки, шустрые ножницы стройных ног, плавные вензеля, выписываемые аппетитными задницами, тешили глаз.

Красотки вкупе с бодрой, не успевшей припылиться зеленью, декорировали городские изъяны. Кроме дорожного по-

крытия, разумеется. В центре асфальт был ещё ничего, на троечку, а чуть в сторону свернёшь – воронки, как после бомбёжки. На многие улицы из опасений угробить подвеску, отказывались ездить таксисты.

Причина бардака коренилась в импотенции власти. Мэрствовал в Остроге бывший второй секретарь горкома бывшей правящей партии. При нём управление городским хозяйством свелось к бесконечным совещаниям. Чиновники свято верили – чем обширнее повестка дня, чем больше штанов они протрут в президиумах, чем больше ленточек разрежут на презентациях, тем эффективней их труд на благо малой родины.

«Если переезд мой в губернию отложится на год, надо, пожалуй, заняться городом, – в этой мысли Сергей Альбертович утверждался всё сильнее. – Подобрать в мэры толкового менеджера – энергичного мужика лет сорока. Производственника! Команду ему сколотить живую. И взбаламутить это стоячее болото! Сколько можно тухнуть?!»

Главный офис компании «Монолит» располагался на тихой улочке. При советской власти здесь был ведомственный детский сад. Победившая демократия обнаружила в стране избыток ДДУ⁸⁶ и в рекордные сроки от ненужного избавилась. Катаев держал нос по ветру и своего не упустил. Цена по его тогдашним доходам была кусачей, но он поднатужился. Строение купил с прилегающей территорией. На про-

⁸⁶ ДДУ – детское дошкольное учреждение.

сторном участке произрастали не только банальные акации и американские клёны, мачтовые сосны тут красовались в количестве полутора десятков.

За прошедшие годы двухэтажное здание превратилось в ухоженный особняк под нарядной крышей из металлочерепицы. Территорию ограждал высокий забор жёлтого декоративного кирпича с чёткой расшивкой швов. Прежде по всему периметру над забором щетинилась колючая проволока в три ряда. Не так давно Сергей Альбертович понял её неэстетичность и приказал демонтировать. Современные средства наблюдения и сигнализации обеспечивали гораздо большую безопасность, чем ржавая лагерная колючка.

К слову, давнее мотовство аукнулось муниципалитету. Вдруг обнаружился острый дефицит мест в ясли и садики. Очередь в них граждане стали занимать тотчас после получения свидетельства о рождении ребёнка. Власти затеяли тягомотный процесс возвращения тех ДДУ, что были перепрофилированы на условиях аренды. Законные приобретатели, такие, как Катаев, не тревожились. Право собственности – свято.

Подъезжая к воротам, Сергей Альбертович требовательно посигналил. Металлические створки вздрогнули, словно от испуга, затем поползли внутрь. Раскрывались мешкотно, пришлось остановиться.

Когда офис охранял нижегородский ЧОП «Мангуст», его бойцы всегда были на стрёме, хозяйский джип срисовывали

издалека. Не приходилось гробить время на ожидание. От иногородней охраны Катаев отказался по уже упоминавшейся причине – криминальная обстановка в городе стабилизировалась. Стало возможным уменьшить расходы на оборону. Драли, помнится, «мангусты» круто.

Сейчас договор заключён с местными. Время не стоит на месте, охранная деятельность в Остроге поднялась на приличный уровень. Днём службу нёс один сотрудник. Если что, по сигналу тревожной кнопки к нему примчится группа быстрого реагирования.

У нижегородцев дежурила смена из трёх чоповцев. Один постоянно караулил на вахте, оттого и отворял проворно.

«Парень – не швейцар, чтоб парадную распахивать», – Сергей Альбертович не заметил, как вступил в диалог с собой. – «Он не торчит в будке, как попка, территорию обходит регулярно. Да и ждать-то пришлось всего ничего. Капризы твои необоснованны».

За воротами находился оазис благоденствия. Ровнёхонький асфальт тщательно выметен, аккуратные бордюрчики свежепобелены. Выложенные тротуарной плиткой пешеходные дорожки обрамлены густой изгородью подстриженных кустов. По обе стороны прохода выстроился почётный караул фонарей с круглыми матовыми светильниками. Изумрудно зеленел упругий английский газончик, богатой палитрой тюльпанов, нарциссов, пионов хвастались клумбы.

На фоне этого великолепия чужеродно смотрелся ста-

ренький помятый «Ford Mondeo», ютившийся на стоянке. А после того, как по соседству с ним припарковался сияющий крейсер «Jeep Grand Cherokee WG», убогость «фордика» стала ещё очевидней. В будние дни битому «корыту» запрядалось отсвечивать у главного входа, шхерилось оно на задах, возле хозблока.

«Приказать, что ли, вовсе не пускать его на территорию? – для выходного количество раздражающих факторов превысило норму. – Может, тогда скряга поменяет тачку? Или хотя бы помоеет?»

Сотрудник ЧОПа подбежал, дождавшись полного закрытия ворот. Выправка, лексикон, манера доклада выдавали в нём бывшего военного.

– Утром, в соответствии с заявкой, приходили дворник и цветочница. Занимались исполнением служебных обязанностей. Убыли вместе в десять тридцать пять. В распоряжении находится начальник службы безопасности.

Катаеву всегда хотелось сказать служаке «вольно» или «благодарю за службу». Что там у сапогов полагается говорить нижним чинам, когда они тянутся во фрунт? Армейских примочек Сергей Альбертович не знал. От призыва на срочку он откосил по медицинской линии. В лохматые семидесятые это удавалось лишь самым башковитым.

– По-онял, – отвесил он барственный кивок и степенно пошёл к зданию, наслаждаясь благоуханьем цветов и птичьим щебетом.

Про безопасника служивый мог и не говорить. Раз тарантас Пшеничного тут, значит, и сам он в наличии. Тем более, что указание имел прибыть на личную аудиенцию.

22 мая 2004 года. Суббота.

11.30–12.30

Катаев любил устраивать импровизационные тесты. Реакция подчинённых на неожиданные вводные открывала потаённые черты характеров. Диагностика начальника СБ имела целью выявить, изгнал ли он из себя мента.

Приветственно махнув Пшеничному в коридоре рукой, Сергей Альбертович попросил его сделать кофе. В отсутствии секретаря подобные обращения звучали регулярно, и со временем безопасник перестал корчить в ответ недовольную мину. Добиться от его лица приятного выражения пока не удавалось. Тем не менее, Катаев оценивал динамику положительно.

Сейчас подвернулся случай нажать на другую кнопку. В кабинете Сергей Альбертович удивился причине молчания своего сотового. Оказалось, сел аккумулятор. Не успел Пшеничный поставить перед шефом исходящую ароматным паром чашку, а тот уже протягивал ему мобильник.

– Иван Николаич, зарядник в правом верхнем ящике!

Пшеничный насупил брови, замешкался. Телефон принял с озадаченным хмыканьем. К столу двинулся вразвалочку, демонстрируя оказываемое одолжение.

Катаев внимательно следил за ним. Начальника СБ бук-

важно распирало уязвлённое самолюбие.

«А всего лишь невинная просьба старшего по возрасту, — удивлялся Сергей Альбертович. — Чего же ожидать от более деликатного поручения? Интересно, это в нём офицерский гонор играет, или хохляцкая закваска?»

Безопасник опустился в кресло напротив босса.

— Себе кофейку тоже сообразите, — Катаев играл в демократа. — Что вы, как в гостях?

— Не хочу.

Отклоняя предложение начальства, Пшеничный пренебрег правилами хорошего тона, не поблагодарил. Результат теста подтверждал прошлые наблюдения. Невзирая на все старания, безопасник трудно поддаётся дрессуре, может взбрыкнуть.

Пшеничный имел в активе Афган, Нагорный Карабах, осколочное ранение, медаль «За отвагу», семь лет службы в УР, троих детей от двух браков, судимость за серию квалифицированных мошенничеств и две кодировки от пьянства. После освобождения из «красной» зоны, никому не нужный, он мантулил на стройке подсобником.

Судя по надутому виду, парень забыл, из какой ямы его вытащили.

«Если видишь, как вода течёт вверх по холму, значит, кто-то оплатил добром за добро», — в сотый раз убеждался Сергей Альбертович в мудрости древних.

Впрочем, может он сгущал краски. Конкретных претен-

зий к Пшеничному не было. Раздражало, что тот трудился без огонька. Как бы отбивая номер. Айкью его оказался невысок. Типичный середнячок. Вращаясь в милицеских кругах, Пшеничный регулярно добывал информацию тактического разлива. Стратегическая была ему не по зубам. В других правоохранительных органах безопасник общался с пешками. Никак ему не удавалось в той же прокуратуре завязать контакты с серьёзными кадрами, типа Кораблёва или Самандарова.

Чисто по-человечески Катаеву претила скарелность бывшего опера. С каждой копеекой он расставался драматично. Много усилий ушло, чтобы привить ему дресс-код уважающей себя организации – деловой костюм и галстук. При появлении в офисе в нерабочее время допускались послабления – рубашка, классические брюки, оба предмета гардероба – приличные и глаженные.

Реорганизуя год назад свой малочисленный управленческий аппарат, Катаев долго колебался прежде, чем назначить Пшеничного начальником службы безопасности. Сомнения насчёт его компетенции одолевали, но лучшей кандидатуры на горизонте не было.

Время таких башибузуков, как Олег Рожнов, на должностях секьюрити прошло. Олелка со своим криминальной биографией даже газульку⁸⁷ не мог приобрести на законных основаниях, Пшеничный же без проблем выправил разре-

⁸⁷ Газовый пистолет (жарг).

шение на огнестрельное оружие. Юридически он не судим. Лично Президент его помиловал за выполнение интернационального долга.

«Работать надо с теми людьми, которые в наличии», – всплыла в памяти избитая формула.

Аналитика закончилась с последним глотком кофе.

– Доложите ситуацию по Калачёву, – Сергей Альбертович вернулся в образ авторитарного руководителя.

Пшеничный озвучил свои достижения, памятуя о требованиях босса – не дублировать прежнюю информацию и не лить воду. Оттого уложился в минуту.

– Установлено точное место отсидки. Учреждение ЖХ-395/7. Адрес, – безопасник заглянул в блокнот, заложенный пальцем на нужной странице, – Мордовия, станция Потьма, посёлок Сосновый. Третий отряд. Трудоустроен в цеху по производству спецодежды. Документы на УДО подписаны отрядником, режимником, изучаются замнач по БОР.

– Переведите на человеческий язык, – Катаев проявил раздражение, наморщил нос.

Менты, действующие и бывшие, страдали любовью к табарским аббревиатурам.

– Заместитель начальника колонии по безопасности и оперативной работе.

– Раньше это зам по опер называлось? – не проводший ни дня в местах лишения свободы коммерсант щегольнул осве-

домлённостью.

– Так точно.

– Объясните мне, Иван Николаевич, на каком основании господин Калачёв претендует на досрочное освобождение? Он судим за особо тяжкое преступление, следовательно, должен отбыть две трети срока, – вникая в проблематику, Катаев получил консультацию у адвоката. – Две трети от семи лет будет в ноябре. Почему вопрос решается преждевременно?! Или в Потье медведь – прокурор?!

На лице Пшеничного промелькнуло довольное выражение. Такой вопрос усач предвидел, подготовился к нему.

– Так кассация же изменила ему статью. С особой тяжкой на тяжкую ушли. Было соучастие в хищении оружия, стало незаконное приобретение и хранение. Одновременно срок скостили до пяти лет.

Сергей Альбертович подпрыгнул, словно в сиденье кресла сработал рычаг:

– Что за хохлома?!

– Вот копия кассационного решения, – начальник СБ выудил из нагрудного кармана сложенные вчетверо листы.

Катаев схватил бумаги, с поспешным хрустом развернул, вперился взглядом. Серая ксерокопия была полуслепой, глаза сломаешь.

– Почему я об этом только сейчас узнаю?!

– Мне не ставилась задача отслеживать приговор по Клычу, – Пшеничный запустил пятерню в буйные русые кудри,

привычно их взъерошил.

Оснований виниться он не видел. Собственно, их и не было. Тем не менее, Катаев для порядка пробурчал:

– А инициатива на что? В голове не укладывается! Целый арсенал оружия у Вовы изъяли, и всего пять лет?!

– Сергей Альбертович, арсенал тогда у прапора нашли. А Клычу доказали только один ТТ и патроны. Это хорошо ещё, военный суд судил, наш бы меньше дал. Ему по двести двадцать второй⁸⁸ почти максимум нарезали. Там шестерик – потолок во второй части.

Гендиректор переваривал крутую новость. С нею рухнули надежды решить вопрос с Калачёвым путём обращения в прокуратуру или к руководству УИН⁸⁹ Мордовии.

Нацепив очки, Катаев принялся разбирать иероглифы ксерокопии. Вид он имел настолько глубокомысленный, будто всерьёз надеялся найти грубое нарушение закона, которое дезавуирует документ, смягчивший наказание рецидивисту.

– Мышкин кто такой? Прапор?

– У прапорщика фамилия – Костогрыз. Не перепутаешь. А Мышкин – работяжка какой-то, Калачёвский друг детства. Он хранил тэтэш-ник в своём гараже, по звонку подвозил в нужное место. Через него группа лиц получилась, а то бы у Клыча вообще не больше трояка вышло.

⁸⁸ Статья 222 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное приобретение, сбыт, хранение, ношение оружия и боеприпасов.

⁸⁹ УИН – управление исполнения наказаний.

«Наглядный пример дела, пущенного на самотёк, – Сергей Альбертович, не улавливая смысла, по инерции вгрызался в громоздкую конструкцию судебного решения. – Но я физически не в состоянии уследить за всем лично! Весной двухтысячного в городе бедлам творился! Одна избирательная кампания стоила мне центнера нервов. С московскими ворами параллельно разруливал. И разрулил! Вова, сучок, под ногами вертелся, его закрыли. Очень кстати это вышло. Настоящий бонус выпал. Трещали все тогда, как сороки, наперебой: «Склад оружия, склад оружия! Оружейный барон!» Как тут не расслабиться?! Про приговор в газетах писали, по ящику сюжет был – семь лет строгого режима. Я на большее надеялся, но и семь недурно, когда они впереди. Какой следующий-то звонок был? Олежка Рожнов обрадовал – угнали Вову на дальняк, чуть ли не на Урал. Вот и ладушки! Четыре года пролетело, оглянуться не успел. Только хотел планово вопросом заняться, хватъ, за спиной произошли процессы, о которых я ни ухом, ни рылом... Ладно, волосы драть не буду, причёску дорогостоящую жалко. Следует успокоиться и найти оптимальное решение».

Выглядело оно предельно просто.

– Условно-досрочное Клычу нужно зарубить.

– Так он в марте следующего года всё равно по сроку откинётся, – Пшеничный брякнул первое, что пришло на ум.

– До марта дожить надо, – отмазку подчинённого Катаев парировал выкладкой банальной, но резонной.

– Мои действия?

– Через кого установил? – вместо ответа Сергей Альбертович тряхнул серыми листами.

– Человек один помог. Сотрудник «шестой» колонии.

– Значит, канал связи налажен? Хорошо. Выясни, какой конкретно чин в мордовской зоне решает вопросы. Как узнаешь, дуй в командировку. На месте убедишь мордву не принимать скоропалительных решений по осуждённому Калачёву. Деньги на представительские нужды получишь, готовь смету. Не наблюдаю воодушевления, Иван Николаевич! Чего приумолк? Я непонятно объяснил?

Безопасник действительно посмурнел, озадаченный наполеоновским размахом шефа.

Информацию он надыбал через начальника оперчасти учреждения ОТ-1\6, расположенного на территории Острожского района. Иван Иванович Кафтанов оттрубил «кумом» почти двадцать лет, установив рекорд, достойный книги Гиннеса. Пшеничный с ним познакомился, когда работал в убойном. В ту пору колонии ещё не передали из МВД в Минюст, взаимодействие было теснее, чем у сиамских близнецов.

Если уж Иван Иванович штамповал явку с повинной, она была в цвет. Одна такая явочка обернулась громким делом. Сидевший за бытовую мокруху крендель признался в серии убийств проституток. Девчонки числились в розыске как без вести пропавшие. В гнилом виде двоих откопали на фе-

деральной автодороге М7 «Волга». Место захоронения третьей плечевой⁹⁰ злодей указать не смог. Неделю катались с ним по трассе, прошерстили все лесопосадки вдоль обочины. Ноль по фазе!

Работа на один карман сделала отношения приятельскими. Когда в девяносто четвёртом Пшеничного арестовали, в «шестёрку» он не заезжал. После вступления приговора в законную силу из СИЗО ушёл этапом на Нижний Тагил. Но оперская смычка – не только душевный трёп за стаканом водки. Иван Иванович помог тёзке без малейшей выгоды для себя, причём инициативно. Замолвил веское слово перед уральскими коллегами, и ментовская зона приняла очередного пассажира, как родного.

Сейчас Кафтанов, разумеется, знал, у кого состоит на службе экс-убойщик. Вслух «кум» Иван чужое ремесло не осуждал, но мерил жизнь допотопным деревянным аршином. Жуковатого⁹¹ коммерса Катаева со всей его челядью числил потенциальной клиентурой МЛС⁹².

Поэтому информация по Клычу далась Пшеничному не просто. Долго ему пришлось убеждать старого, что слив не навредит системе. Вчерашняя просьба выглядела пустяком в сравнении с вопросом, который предстояло накинуть.

– Иваныч, а к кому там в Потье адреснуться, чтоб за

⁹⁰ Плечевая – проститутка, работающая на автомобильной дороге (жарг.).

⁹¹ Жуковатый – знакомый с преступным миром (жарг.)

⁹² МЛС – места лишения свободы.

взятку решить одно шкурное дельце?

Фактически начальник оперчасти «шестой» колонии должен выступить поручителем перед тамошним «кумом». Тот, возможно, и обрадуется шансу подзаработать, только вот Кафтанов ходатаем не подпишется.

У него принципы. Не искусишь его ни длинным рублём, ни зелёным долларом. Семьёй он не обременён, на прожить ему хватает жалованья. Об угрозах или шантаже нечего и думать, экстримом только себе навредишь.

Но при всём многообразии выбора Иваныч – единственный реальный выход на мордву. Как построить с ним диалог?

– Чего ты загрузился? Скажи чего-нибудь, обнадёжь начальство, – Катаев не любил долгих пауз.

– Сергей Альбертович, разрешите, я обмозгую ситуацию и доложу вам, – в надтреснутом голосе Пшеничного добавилось хрипотцы.

– Срок – до утра понедельника.

– Я за выходные с человеком не пересекусь. Он на Волге рыбачит. По телефону, сами понимаете, нельзя. Тру-удную задачу ставите, Сергей Альбертович.

– Для таких тебя и держу, Иван Николаич, – польстил Катаев, – Хорошо, пусть будет вторник. Жду не общие рассуждения, а чёткий пошаговый план, в котором пункт «выезд в Мордовию» должен стоять не позднее четверга. Узнай, какое туда оптимальное сообщение.

Начальник СБ раздумчиво кивнул, убегая мыслями в

своё.

«Босс теряет чувство реальности. Всё-то у него просто. О последствиях совершенно не думает. Чужая земля, незнакомые люди в погонах. Из такой командировки можно вернуться года через три. Скрутят ласты, сунут в камеру за дачу взятки должностному лицу. Будет он меня вытаскивать? Форс-мажоры надо детально проговорить во вторник».

– Опять завис. Иван Николаич, да что с тобой?! Отомри! Слушай дальше. Вчера фээсбэшники повязали Левандовского. На нём у нас много чего завязано. Выясни, насколько там серьёзная ситуация. А я по своему каналу пробью. Потом скомпоную результат.

– Он задержан или арестован?

– Ума не приложу.

– Кто расследует дело?

– Брали областные фээсбэшники, чьё следствие – не знаю.

Всё что знал, сказал.

Пшеничный приободрился, второе задание было выполнимым. А ещё порадовался, что не якшался с главным архитектором. За строительную линию отвечал Рог, он передавал заказы и бабло. Причём орудовал топорно, прямо в рабочий кабинет заносил. Край непуганых идиотов! Нехай теперь молится, чтобы козлобородый его не вломил. Колоть-то архитектора будут на всю преступную деятельность. А он не похож на бойца. Хлюпик.

– До понедельника терпит или сразу отзвониться, как чего

нарою? – деловой настрой безопасника должен был компенсировать его шатания пять минут назад.

«М-да, типичная заурядность. Шаблонные операции выполняет уверенно, получив нестандартную вводную, теряет-ся», – Катаев сделал очередную зарубочку в виртуальном до-сье подчинённого.

Вслух произнёс дружелюбно:

– Сочтёшь информацию заслуживающей внимания, Иван Николаич, звони в выходные. Только не поздно. Вопрос важный, но не горящий.

Про грязный автомобиль говорить не стал. Решил – в преддверии серьёзного задания дразнить гусей не стоит.

22 мая 2004 года. Суббота.

14.00. – 16.00

Чтобы механизм не заржавел, его периодически смазывают. Помня об этом, Пшеничный вывез своих «подсобников» на природу. Благо погода шептала: «Займи, но выпей». Одалживаться ему, разумеется, не пришлось, суммы на оперрасходы в «Монолите» отпускались достаточные.

«Бугорки» забраковали, по субботам там было многолюдно, а действующим сотрудникам светиться с бухлом ни к чему. Поехали на озеро Старка, в народе именуемое Кривым или Кривухой. Неблагозвучное название водоём получил за вытянутую серпом форму. Располагался он по дороге на Шую. Миновали мост через Клязьму, цыганское поселенье Прудки, за автодромом свернули налево на ухабистый просёлок.

Купальный сезон ещё не наступил, и нашествию горожан Кривуха не подверглась. На пологом берегу несколько весёлых компаний варганили шашлыки. Поодаль тихарилась серебристая «матрёшка»⁹³ с парочкой, выбравшейся на пленэр за походным сексом.

– Л-лепота! – покинув прокуренный салон, Сутулов запружинил на носках, вскинул вверх руки, с наслаждением

⁹³ «Матрёшка» – автомобиль ВАЗ-2112.

потянулся.

Солнышко щедро брызгалось теплом, щебетали наперебой беспечные птицы. Изумрудного колера лужайка испятнана ярко-жёлтыми корзинками одуванчиков. Поверхность воды ёжилась от мелкой бликующей ряби. Свежесть ветерка была эксклюзивно весенней, реанимировала после казённости кабинетов.

Гена Каблуков сунул любопытный нос в багажник «форда» и фыркнул:

– Это всё, что ли?

Разочарованно извлёк три полторашки пива, несколько пакетов сухариков и вяленых кальмаров.

– Тебе бы только бухать! – Пшеничный с кислым видом слушал надсадное рычание электрозамка багажника.

Корпус автомобиля усиливал неприятный звук.

– Я в отпуске, имею право! – Каблуков бережно, как запеленатых младенцев, уложил бутылки в тенёк и дал бесплатный совет. – Привод, Вань, надо менять. У меня у шурина такая же хрень была. Сто баксов отлистал за новый.

– В о-отпуске?! А ч...чего н-на ра-аботе каждый д-день т-тор...торчишь? Жена д-домой не п-п...пускает? – Сутулов цепкой рукой обвил Генкину шею, повис на нём.

– Материалы сдаю. Отвянь, Борисыч! – Каблуков крутнулся, освобождаясь от ярма. – Ты ОПД по «глухарю» в ящик сунул, и вали на все четыре стороны, а у нас с долгами не отпустят... Да отцепись ты, клещ!

Не работай Гена следователем прокуратуры, в занозистой оперской компании его бы заклевали. Впрочем, в таком случае он в неё бы и не попал.

– Чего говоришь? Энцефалитные клещи появились? – вылезший с водительского места Юра Ковальчук ухватил обрывок фразы. – Давай тогда подальше от кустов встанем.

– П-появились? – усмехнулся снисходительно Сутулов. – Они в а-а-преле в-вы... в-вылазят. Сейча-ас у них с-самая а-а... активность.

Знания о фауне старший убойщик черпал не из телепередачи «В мире животных». Заядлый грибник, ягодник и рыбак, с недавних пор он заделался ещё и охотником.

– А че... чего тебе к-кусты? Они и п-по т-траве п... п-ползают...

Ковальчук опасливо заозирался – на кой ляд, спрашивается, сюда притащились.

– Во-во, п-погля-адывай внима-ательно. К-клещ, он н-не... не сразу к-кусит, с-сначала п-п... по-олзает...

Пшеничный решил сегодня оскоромиться, и потому Юрца посадил за руль. После одной скандальной истории ездить подшофе начальник СБ зарёкся.

Ковальчук недоволен, что его припахали в законный выходной. Он вообще брюзга по жизни. Везде плохо, где он есть.

Работал оперативником в МРО, куksился по поводу маленькой зарплаты, переработок, суточных дежурств, ночных

выездов на места происшествий. Долго ныл, всё собирался на гражданку. Наладил со своей язвой чуть ли не каждый месяц больничные брать. Хитрожопость его достала начальство. В отделении всего три штыка. Одного нет, сразу аврал. Преступлений по их линии – криминальных смертей и изнасилований – всегда выше крыши.

Наконец, уволился, рассчитывая под крыло Ваньке Пшеничному прибиться. Затея обломилась. Катаев не пожелал множить популяцию ментов в своём ареале. Тем более, по принципу землячества.

Юра устроился охранником в Торговый центр. Вот где работёнка – не бей лежачего. По скользящему графику, в тепле. Но опять ему не глянулось. Зарплата – мизерная даже по сравнению с милицейской. Обязанности (то ли сторож, то ли вышибала) унижали достоинство недавнего офицера уголовного розыска. Целого старлея! Одно в «торгушнике» было хорошо – табун молодых продавщиц. Юрка падок на баб, и они отвечали ему взаимностью.

Невысокий, худощавый, темноволосый, смазливый, он производил приятное впечатление. Шустрые карие глаза, в разговоре проблёскивала золотая фикса. Давненько проживая в средней полосе, Ковальчук так и не избавился от южного говорка – быстрого, акающего, со сглаженным «гэ». Если не знать о желудочной хвори, морковный глянец на его щеках можно принять за проявление богатырского здоровья. Зимой и летом Юра – одним цветом, не вылезает из джинсы.

И сейчас – на нём фирменный «Wrangler» – потёртые синие «трубы», курточка с хи-пово поднятым воротником.

Год понадобился Пшеничному, чтобы отстоять кандидатуру Ковальчука. Как ни странно, увенчал его усилия шуточный довод: «Какой же я начальник, Сергей Альбертович, если у меня ни одного бойца в подчинении?».

Три месяца испытательного срока Юра ходил по одной половине, приказы босса по губам читал.

– Исполнительный парень. И масло в голове есть, – сказал Катаев, подписывая приказ о зачислении на постоянку.

Должность Юркина называлась скромно (таков был тренд современного «Монолита») – сотрудник службы безопасности. Оклад равнялся трём оперским. Трудовой договор предусматривал бонусы за особые достижения.

Сначала Ковальчук радовался, но зимой снова скис. Премии давались за выполнение рискованных поручений, граничащих с криминалом. Испытывать судьбу Ковальчук не хотел. Хотел в приёмной распивать халявные кофеи с референтом Еленой Станиславовной, в декольте ей заглядывать и получать пятнадцать «штук» чистыми. А ещё два законных выходных иметь.

Раз он вступил в пререкания насчёт сверхурочной работы. Пришлось объяснить, что здесь не государственная лавочка, здесь начальство с тобой цацкаться не будет. Предупреждают в «Монолите» единожды, повторный косяк – и ты на улице без выходного пособия.

Воспитательные меры возымели действие. Больше Юрец не вякал. И спортзал стал посещать с чоповцами каждый вторник и четверг.

Сейчас он молча расстилал на капоте газетку, готовя плацдарм для непритязательного угощения.

Гена Каблуков отработанным движением свинтил крышку пластиковому бутылку «Ярпива», разлил по одноразовым стаканчикам. Беззвучно чокнулись за хорошую погоду, Юрец – яркой жестянкой «колы».

– П-пиво п-по сро-оку с-службы не па-аложено? – Сутулов не упустил случая, чтоб подколоть.

Гена, мучимый похмельем, как на раскалённую каменку плеснул. Всю неделю он поддавал, оправдываясь отпуском. Потому и не мог разделаться с долгами. Потчевал Кораблёва завтраками, только сосед по кабинету – за порог, укладывал изнурённое градусами тело на составленных в рядок стульях. Утешался лентяйским заклинанием: «Отпуск длинный, успею».

Не делая паузы, повторил, объясняя уважительность поступка:

– Одна пена у меня!

Пшеничный отхлёбывал осторожно, чутко прислушивался к организму. Он начал причащаться, не дожидаясь конца срока кодировки. На День Победы выпил в гостях стакан сухого винца, теперь вот вспоминал горьковатый вкус пива. Трезвым быть хорошо, но угнетал постоянный напряг. Резь-

бу, чтобы не сорвало, нужно периодически ослаблять. Пока реакция была непонятной. Расслабляющей лёгкости, приносимой первыми глотками, не чувствовалось.

Мужики собрались курящие. Промочив горло, задымили. Сутулов с Пшеничным раскулачили Каблукова, неосмотрительно выложившего на капот синий «LM».

– В п-п-п... п-прокурату-уре за...зарплата б-большая! – убойщик дурашливо отталкивал Гену в грудь, мешая вернуть право собственности на сигареты.

Разговор носил характер грубоватой трепотни. Пшеничный направлял её в нужное русло.

Многоопытный оперативник Сутулов, конечно, видел интерес бывшего напарника. Понимал, что сливает служебную информацию налево. Знал, что Катаев стоит на рубоповском учёте, как лидер ОПГ⁹⁴. Оправдывал себя большой политикой: «Если он – бандит, почему тогда депутатствует? С губернатором за ручку здороваются. То и дело его по телеку кажут. Каток давно в коммерсанты перекрасился. А с коммерсов полментуры живые бабки стрижёт».

Убойщик работал на ближнюю перспективу. Перед уходом на пенсию искал трубу, к которой присосаться.

Утром ему позвонил Пшеничный, попросил узнать про архитектора Левандовского. Сутулов, не откладывая в долгий ящик, добежал до милиции. Визит в ИВС замотивировал встречей с одним кляузным злодеем. Разрешение про-

⁹⁴ ОПГ – организованная преступная группировка.

курорского следака имелось. Пока заполнял бумажку на вывод, подглядел в журнал, лежавший открытым на столе дежурного.

Левандовский В.Ю. значился в камере «один-два»⁹⁵ за Самандаровым. Там же сидел некий Брыкин Л.П., статья 159 УК РФ⁹⁶, числившийся за судом.

Дежурившего прапорщика Сутулов знал шапочно. Спросить напрямую остерёгся. Пришлось распылять дымовую завесу из отвлекающих вопросов. Язык утруждал не зря, выудил – была команда в первой половине дня везти архитектора в суд на арест, но перед обедом следователь неожиданно дал отбой. А ещё – ночью у архитектора случился приступ астмы, к нему вызывали «скорую».

Под исцарапанным оргстеклом белел отпечатанный на принтере сторожок: «Подозреваемого Левандовского не выдавать НИКОМУ! В т. ч., руководству УВД. Ст. следователь Самандаров».

Пока Сутулов, запинаясь, выкладывал результаты самостоятельной установки, Каблуков пританцовывал от нетерпения. У него собственная информашка имелась, нарытая инициативно.

– Там чёй-то не срослось! – выпалил он, едва дождавшись своей очереди. – Вечером Самандаров взад-вперёд носился

⁹⁵ «Один-два» – принятое в ИВС и СИЗО разговорное обозначение нумерации камер, в данном случае – 12.

⁹⁶ Статья 159 УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество.

по этажу. Зенки выпученные, морда красная. По ходу архитектор не взял деньги! Облажались фейсы!

И эту живую детальку намотал на ус Пшеничный.

«Есть, что в клюве боссу принести».

Каблуков от души потешался над заморочками коллеги не потому, что хороводился с Левандовским. Просто знал – ему такое серьёзное дело не доверят никогда. Его удел – криво-косо клепать бытовые убийства да примитивные триста восемнадцатые⁹⁷. Гнать валовку.

Профессиональному болтуну только дай волю. Завладев вниманием, Гена, захлёбываясь от возбуждения, начал живописать, что творится у них в прокуратуре в связи с заданием Генеральной по борьбе с укрывательством преступлений. Следователи, помощники, замы, канцелярия, все поголовно собирают материалы на руководителей УВД, утверждавших «отказники», из которых впоследствии родились уголовные дела.

– Своими глазами факс читал – к понедельнику возбудить дела на начальника и всех его замов! – реготал Каблуков. – Во умора! Геннадий Викторович знает, когда свалить в отпуск! Как в лужу глядел!

Пшеничный услышал эту новость впервые. Подумал – тема будет интересна боссу, у которого давно разладились отношения с полковником Сомовым. В кресле начмила Ката-

⁹⁷ Статья 318 УК РФ предусматривает ответственность за применение насилия в отношении представителя власти.

ев хотел видеть своего человека. В последнее время он корешился с начальником МОБ Коробовым.

Безопасник попытал Каблукова насчёт подробностей, спросил, на сколько процентов тот преувеличивает. Следователь мамой поклялся, что говорит чистейшую правду. Якобы кампания против милиции развернулась по всей стране.

На полуслове Гена осёкся, выразительно зашевелил ноздрями:

– У-у, как шашлычком наносит! Когда уже мы по-людски выедем? С мангальчиком, с мяском, с водочкой?

– Н-не знаю, ч... ч-чего ты п-п-п... пра-аставу за отпуск з-зажал?! – зубасто оскалился Сутулов.

– А ты день рождения зажал! – огрызнулся Каблуков, выливая из бутылки остатки пива.

Опьянение, исподволь накрывавшее Пшеничного, выглядело чудным. Мозг недоумевал, на каком основании хозяин пичкает себя запрещённым продуктом. Следом желудок расстроился, забурлил на два возмущённых голоса. Безопасник незаметно огляделся, намечая пути отхода в кусты на случай приступа диареи. Чёртова поездка в Мордовию не выходила у него из головы.

Сутулов, как все люди холерического темперамента, подвыпив, сделался суетливым. Задирал Каблукова, обидно докапывался до Ковальчука, предлагал обоим бороться.

Потом в башку ему втемяшилось искупаться. Компаньо-

нов себе он не нашёл. Скинул ветровку, разулся, залихватски стащил линялую футболку и камуфляжные штаны. Цепляясь за кусты, спустился к воде. Сперва ногой проверил температуру, потом с воплем «Открываю, бляха, сезон» забежал в озеро, вздыбив фонтан брызг.

– За буйки не заплывай, дельфин! – Пшеничный осторожными приставными шажками сошёл к водоёму.

По роду бывлой деятельности он знал, сколь опасна невинная забава на хмельном кураже. Не раз и не два выезжал на утопленников.

Сутулов, впрочем, контроля над собой не потерял. Окунулся и, подсмывая отяжелевшие от воды полосатые семейники, посеменял на бережок. Едва не загремел на глинистом откосе. Раздетый, убойщик походил на подростка-акселерата. Плоская грудь без растительности, выступающие ключицы, острые лопатки, тонкие голенастые ноги. Несмотря на слабо выраженную мускулатуру, в потасовках и задержаниях он не сбоил. Был жилист, вязок и резок. Как былинный богатырь Алёша Попович – не силой силён, а напуском смел.

Укрывшись за «фордом», Сутулов наскоро отжал трусы. Закурил с жадностью, словно надеялся согреться дымом. Купанье ненадолго умерило его активность.

Запас пива иссяк. У Каблукова разъело нос, он вкрадчиво допытывался у Пшеничного, на месте ли в бардачке заветная бутылочка «Путинки».

Безопасник, не отрицая наличия НЗ, лениво отговаривался:

– Какая водка без закуси?

– Закуска градус убивает! – Гена козырнул фирменной остротой острожских бухариков.

Тут Сутулов звонко шлёпнул себя ладонью по мокрому лбу и рассказал новость, которую чуть не забыл. На минувшей неделе в городе объявился Маштаков. В четверг перед обедом он тусил на КПП, а в пятницу позвонил им в ОРЧ, спросил Рязанцева. Молодой быстро с ним перебазарил и выскочил на улицу, прихватив с собой гантели. Через пять минут вернулся пустой.

– П-по в-виду н-на... н-настоящий б-бомж! С-стрижка п-под ноль, п-пропитой, чё-орный, н-н...небритый. В о-обноско-ках, ч-чучело о...о-о-городное! – Сутулов верил, что именно в таком облике он видел Маштакова через тонированное стекло служебной «шестёрки».

У Гены рот распахнулся экскаваторно, сигаретка от нижней губы отлипла, еле-еле успел он её подхватить. В прокуратуре такой чумовой новости никто не знал...

Напрягся и Пшеничный, но он умел маскировать эмоции. Опустил глаза, чтобы их блеском не выдать возбуждения. Нежданно-негаданно объявился упырь, поломавший ему жизнь и не ответивший за своё паскудство.

– Гантели-то ему зачем?! Ты спросил у Рязанцева? – Каблуков держал убойщика за рукав, словно тот задумал рва-

нуть наутёк.

– С-спросил. Г-г...говорит – фи... ф-физкультурой заниматься. Шняга к-какая-то. В-в цветмете с-сколько да-а... дадут за-а ч-чугунину? Ш-шняга...

Помалкивающий Ковальчук вставил свои пять копеек. Юрец не переваривал Маштакова с того дальнего дня, когда он ввалился к ним в МРО с обыском. В чёрной форме с серебряными погонами, как эсэсовец. Новую обмундировку надзорного ведомства младший лейтенант Ковальчук узрел тогда впервые. Упиваясь властью над сыщиками, зампрокурора рьяно лазил по столам, по сейфам. Юрина память сохранила именно множественное число, хотя в реале обыск производился только на рабочем месте подозреваемого Пшеничного.

Допрашивал Маштаков всех самолично, следуку не доверил. Мало ему, собаке, было одного Ваньки, под остальных копал. Силился доказать, что они крышуют ларёчников на привокзальной площади. Атам темка варёного яйца не стояла.

Биография прокурорского подтверждала истину, что Бог – не фраер. Прогневив Всевышнего, Маштаков катился по наклонной. И достукался вот до вонючего бомжары.

Десять лет назад «мрошников» потрянуло жёстко. Сутулов с перспективных начальников отделения слетел обратно в опера. По первости он радовался, что отделался малой кровью, но потом закручинился. Понижение лишило его шанса

получить «подполковника». На этой почве он дулся на спалившегося Пшеничного. Когда тот освободился, они долго не контактировали.

Очередное звание Сутулов всё-таки урвал путём кадровой комбинашки, втихую практиковавшейся в МВД. На месяц его формально поменяли должностями с замначем областного убойного отдела Сапегой. Представили к «подполу», а через неделю после приказа обоих вернули на прежние места. Временная потеря зарплаты традиционно компенсировалась проставой. Привередливый Сапега выбрал центральной кабак. Именинник не возражал, сколько можно в майорах тухнуть!

После этого знаменательного события лёд между Сутуловым и Пшеничным растаял. Однако прежние отношения, когда нараспашку была душа, не восстановились.

...Гена Каблуков, расчехлив мобильник, поднялся к дороге, где лучше проходил сигнал, и вызванивал попутчиков и попутниц на вторую серию субботнего отдыха.

Ковальчук, выглядывая затаившихся в траве коварных клещей, как по минному полю, пробирался к кустам за естественной надобностью.

Пшеничный угощал Сутулова сигаретой и говорил по-свойски, но с требовательной интонацией:

– Володь, ты разведай там про Маштакова. Гдедохнет, чемпромышляет?

– Р-ря...Ря-азанцев х-хрен ска-ажет...

– Напрямую не скажет, но ты же знаешь, как инфу выудить. В одном кабинете сидите. Реально буду должен.

Не забывая о правиле – хочешь достичь результата, используй любой удобный повод – Сутулов напомнил о собственном бубновом интересе.

Пшеничный успокоил приятеля, веско выбрасывая между затылками слова, перемешанные с клубками дыма:

– Володя, всё делается. Пока путной вакансии нема. Ты ж не хочешь вратарём стоять? Несolidно подполковнику на побегушках...

В действительности, начальник СБ даже пробного шара не прокатывал насчёт Сутулова. Прикормленный оперативник был востребован на родной должности в качестве информатора и решателя вопросов. Спрос на гражданских коллег-собутыльников в «Монолите» отсутствовал.

Пока они шептались, Каблуков укрылся за машиной и, хихикая, вывел пальцем на пыльном борту: «Танки грязи не боятся!»

23 мая 2004 года. Воскресенье.

24 мая 2004 года. Понедельник.

07.00–09.40

У возвратившегося из командировки Евгения возник единственный вопрос к шурину:

– Ты надолго?

Ответ «до первых холодов» вполне его устроил.

В сложившейся ситуации компания молчуна Женьки была Маштакову комфортной. Хотя обычно он остерегался замкнутых людей. Часто их поступки оказывались непредсказуемыми.

Воскресный день свойственники посвятили укреплению границ приусадебного участка. Реанимировали упавший на задах забор. Корчевали сгнившие столбы, взамен ставили новые из штабеля, складированного у сарая. Сортировали чёрные покоробленные доски, гнильё крушили и кидали в трескучий костёр, что покрепче – чередовали со свежим, пахнущим смолой тёсом. Не парадную сторону мужики гордились, но делали на совесть, верх равняли по шнуру.

Рукастый Женька шёл за мастера, Миха сноровисто подсобничал. Работа спорилась.

Свежий ветерок Маштакова не пугал, вновь он трудился по пояс голым. К вечеру солнце подретушировало его су-

хопарый торс. Общий фон из мучнисто бледного стал медным. Тёмные кисти рук и шея выделялись не так заметно, как прежде.

Измаявшись от молчанки, Миха вслух рассуждал про майский загар. То ли он самый полезный – укрепляет иммунитет и ликвидирует авитаминоз. То ли наоборот, вредоносен за счёт повышенного излучения ультрафиолета.

Зять участия в предложенной дискуссии не принял. Монотонно пришивал к лагам доски. Три смачных удара, и выпрямленный на верстаке ржавый гвоздь-сотка по шляпку входил в рыхлую древесину.

За неделю гражданской жизни Маштаков отоспался, отъелся, отмылся и перестал дичиться постельного белья.

Гантели, одолженные у Рязанцева, он выкатил на видное место, развеивая сестрины сомнения насчёт чрезмерного веса его малогабаритного багажа. Проверить сохранность тайника на чердаке не мог – кто-то постоянно находился дома.

Овчарка Нимфа к чужому человеку привыкла, и, тем не менее, реагировала формальным тявканьем, отрабатывая хозяйские харчи.

Понедельник у Михи был распланирован под важные встречи. Спозаранку он тщательно побрился, подравнял маникюрными ножницами усы и даже обрызгался одеколоном «Русский лес» из раритетного пульверизатора.

Света подобрала брату наряд из мужниного гардероба, нагладила. Вещи пришлись Маштакову практически впору.

Рубашка лимонного цвета теснила в плечах самую малость. Чуть хуже обстояло дело с брюками, низ которых болтался на уровне щиколоток. Зять уступал шурина в росте сантиметров пять.

Критически оглядев себя в трюмо, Миха засеменял по комнате утиной чаплинской походочкой, рассмешив сестру до слёз.

– Ключку я в сарае видел. Сойдёт за трость. Котелок ещё и порядок, – прикидывал он с дурашливой серьёзностью.

Сначала Маштаков порысачил в присутственное место. Разумеется, он помнил, что приёмные часы у товарищей судей назначены хитро – с 16.00 до 18.00. В это время трудолюбивый судья заседает в процессе, а вольнолюбивый переступает порог родного дома. Соответственно, законопослушный посетитель уходит, не солоно хлебавши. Без подвязок добиться аудиенции с первого раза нереально. Поэтому Миха решил руководствоваться правилом: «Лови Петра сутра».

Он продолжал перемещаться пешком, несмотря на хрустевшую в кармане новенькую стоху, одолженную зятем. На то, чтобы добраться с окраины в центр затратил ровно полчаса. Со временем он теперь дружил. Меценат Жентос не только денег подкинул, но и старую «Электронику 53» презентовал.

– Командир должен быть с «котлами»⁹⁸! – провозгласил

⁹⁸ «Котлы» – часы (жарг).

Маштаков, застёгивая исцарапанный пластмассовый браслет.

По снулому выражению Женькиных глаз непонятно было, оценил он шутку юмора или нет. Чтобы разглядеть на тусклом экране геометрию серых цифр, зрение приходилось на-прягать по максимуму.

В здании горсуда на улице Чапаева раньше обитали также нотариусы и судебные приставы. Официальная пресса именовала трёхэтажное строение «Дворцом правосудия», а народ – «Утюгом» или «Клювом». Архитектор, пытаясь отойти от скучных стандартов конструктивизма, обтесал с боков фасад, закруглил его на входе, чем и породил упомянутые ассоциации. Нотариат давно вышел из ведения государства, а приставы отпочковались отдельной службой. Прежние соседи, став квартирантами, съехали, но служители Фемиды продолжали работать в тесноте и обиде. Причина проста – количество составов суда росло в демократической России, как на дрожжах. Четыре года назад их насчитывалось десять, тогда как залов для заседаний было вдвое меньше. Каждое утро секретари состязались за помещения для отправления правосудия.

По ступеням высокого крыльца Миха поднимался неуверенно. А ведь когда-то здесь он чувствовал себя щукой, не дававшей дремать карасям. Гордился репутацией прокурора по занозистым делам. Пользовался авторитетом у бывалых судей, молодые старались его не злить. Адвокаты счита-

ли крайне неудобным процессуальным противником.

Всё в прошлом. Теперь он бесправный проситель, конфузливо открывающий тяжеленную металлическую дверь на входе.

В сумрачном фойе обнаружилось нововведение. Слева высился барьер, за которым сидел крепкий мэн в чёрной форме и кепи с квадратным козырьком. Второй, обмундированный аналогично, стоял рядом, опираясь на стойку локтем. Он шустро среагировал на стон несмазанных петель.

Маштаков приготовился объяснять цель посещения. Двумя пальцами потащил из нагрудного кармана паспорт.

Один из людей в чёрном (тот, что стоял) вдруг по-деревенски разинул рот:

– Никола-аич! Зачётно выглядишь в усах! А сказали – ты ласты склеил!

– Не дождётесь, – положено говорить в таких случаях.

Миха так и сказал, не понимая пока, кому обязан комплиментом. В следующие полминуты глаза привыкли к скудному освещению, и он идентифицировал балагура.

Круглое лицо, хитрые глазки, суженные мясистыми щеками, острый нос, два подбородка. Это был почётный залётчик органов МВД Вениамин Кирсанов. Жёлтая пластиковая наклейка на груди извещала, что ныне он «судебный пристав». Зная Венькины таланты, Маштаков метаморфозе не удивился.

– Здравия желаю. Я к судье Глазову по срочному во-

прошу, – Маштаков продемонстрировал концентрированную деловитость, предотвращая псевдодружеские объятия, ахи, «бляхи» и расспросы за жизнь.

– К Стасику? – Кирсанов говорил так, словно был с федеральным судьей запанибрата. – У себя он, только с планёрки прискакал, надрю-чённый. Загляни к нему, Николаич, загляни, а то запрётся! Сам знаешь, какой он сачок!

Язык многократно приносил Веньке проблемы. Похоже, правильных выводов для себя он не сделал и по новому месту службы.

– Разрешите, Станислав Владиславович?! – комбинация имени-отчества бывшего одноклассника была трудно выговариваемой.

– Опа! – мужчина в двубортном синем костюме прервал процесс поливки цветов, поправил очки и спросил недоверчиво. – Ми-ишка?

– Так точно. Разрешите?! – Маштакову хотелось скорей закрыть дверь изнутри.

Оставленный в тылу Венька превратился в одно большое ухо.

– Заходи. Ты откуда?! – Глазов с любопытством разглядывал нечаянного посетителя.

– Долго рассказывать. Я по делу к вам, Станислав Владиславович, – Миха был подчёркнуто церемонен.

– Да? Ну, тогда присядь. Со временем у меня, правда, на-пряг.

– Пять минут, – Маштаков опустился на стул, втиснутый между книжным шкафом и шифоньером.

Кабинет Глазова, расположенный в «клюве» здания, имел форму разностороннего треугольника. Возможность рационально расставить в нём мебель отсутствовала.

Миха тезисно изложил цель визита. Суд признал его неизвестно отсутствующим. Он вернулся в город и хочет подать заявление об отмене указанного решения.

– Ничего себе! – Глазов продолжал простодушно изумляться. – А почему ко мне-то, Мишк?

– Вы решение выносили.

– Я?! Точно?! – Станислав Владиславович не притворялся, он имел полезную привычку не хранить в голове лишнюю информацию.

– Да. Я же на Эстакаде жил, на вашем участке. Вы и брак наш расторгали в две тысячи первом году. В этом вот кабинете.

– Ты, знаешь, совершенно не отложилось. Ну, ты даёшь, чертяка! Пропал куда-то! Теперь вот нашёлся. Загорелый, усатый, зага-адочный такой... Тебе, кстати, не говорили, что ты на артиста одного похож? По НТВ сериал недавно шёл про ментов... Как он, блин, назывался? Ну, неважно. Рад тебя видеть. Надо будет как-нибудь собраться узким кругом. Ты, я, Санька Веткин. Посидим, универ вспомним. Ты не волнуйся, Миш. Я скажу секретарю, она поднимет дело в архиве. Если и правда я рассматривал, заглянешь после моего

отпуска, всё сделаю в лучшем виде...

– Рассматривали вы. Вот копия решения, – Маштаков растянул пластиковую папку, которую держал в руках, достал бумагу.

Он выцыганил её в паспортном столе. Наглядные доказательства всегда работают лучше вербальных.

Пробежав глазами по ксерокопированному тексту, Глазов без энтузиазма признал авторство документа.

– Сейчас я прикину, когда тебе придти, – он подвинул к себе календарь на подставке.

Толщина стопки листков, которую он перекинул пальцем справа налево, навела на мысль, что дата будет озвучена не ближайшая.

– Без отмены решения мне не выдают российский паспорт, – Маштаков сменил уважительную интонацию на просительную.

– Извини, Мишк, я, хе-хе, к отпуску готовлюсь, в связи с чем на приём заявлений наложил мораторий. Сам понимаешь, сейчас приму, а когда выйду, оно уже с нарушенным сроком будет.

– А когда вы уходите в отпуск, Станислав Владиславович?

– С первого июля...

– Июня? – Миха подумал, что ослышался.

– Ля! Ля! Июля! В июне чего в Крыму ловить? Не сезон ещё. Сам-то чего думаешь летом делать? Куда поедешь отдыхать? – бодрячок Стас жил жизнью, в которой не было за-

гогулин.

Достойная работа, заботливая жена, любимая дочка, живые родители, «трёшка» улучшенной планировки, комфортный корейский «минивэнчик», а по субботам – русская банька с веником в компании бати и брата...

Мелодично-требовательным переливом зазвонил телефон на столе. Глазов снял трубку.

– О, привет, Александр Михалыч! Как чувствую себя? Нормально. А чего такое? Ничего я вчера не замудрился. Закон предусматривает продление срока задержания на семьдесят два часа...

Маштаков поймал взгляд судьи, показал на дверь: «мне выйти?». Не прерывая разговора, Глазов отрицательно мотнул головой.

– Для чего продлил? Я всё в постановлении расписал. Для представления следователем медицинского документа, подтверждающего возможность содержания подозреваемого Левандовского под стражей. У него, к твоему сведению, куча хронических заболеваний. Кто даст такую справку? Ну, я не зна-аю, подумайте. Или нужно было тупо отказать в аресте? Доказательств-то – ноль. Александр Михалыч, не заводись. Имеет право суд на данной стадии входить в наличие доказательств причастности лица к совершению преступления. Нет, я не оцениваю доказательства, а желаю убедиться, что они существуют...

Миха в суть разговора не вникал, судейско-прокурорские

заморочки давно были ему по барабану. Он кубатурил, какие доводы убедят стража правосудия не откладывать его вопрос в долгий ящик.

Закруглив неприятный разговор, Глазов посетовал:

– Учениктвой Александр Михалыч обидчивый какой стал! Чуть против шерсти, сразу бесится, будто я у него жёну, хе-хе, увёл. Ты, кстати, с ним уже виделся?

– С Кораблёвым? Да, конечно, – Маштаков соврал по инерции.

Не захотел признаваться, что избегает встреч со старыми знакомыми.

– Вот заявление в двух экземплярах об отмене решения о признании меня безвестно отсутствующим. Гляньте, пожалуйста, Станислав Владиславович, всё я тут правильно написал?

Судья приоткрыл угол рта и, демонстрируя недовольство, с громким шипением втянул сквозь зубы воздух.

– Да, что за день такой сегодня?! Все достают с утра. Я, вообще, после дежурства на диване дома валяться должен.

Миха не опускал протянутой руки с бумагами.

– Ты мёртвого, блин, достанешь, – Глазов выдернул у него листы. – Где квитанция об уплате госпошлины?

– Метнусь в сберкасса, оплачу. Ну, так как, Станислав Владиславович? Дельце-то плёвое.

– Как, как? Каком кверху, – судья сделал в календаре запись. – Тридцать первое мая устроит? В восемь пятнадцать.

Стас имел пунктик назначать процессы в некруглое время. С понтом каждая минута в его рабочем графике была на вес золота.

– Огромное спасибо. Загадывай желание, – Маштаков подумал, что логично вернуться к обращению на «ты».

– Поедешь со мной в Иваново на встречу курса! – указующий перст судьи упёрся Михе в грудь. – Отмазки не принимаются.

– Так, вроде, дата некруглая? Четырнадцать лет...

– А я говорю – не принимаются.

– Ладушки. Когда едем?

– Ориентировочно – третья суббота июня. Диктуй свой мобильник.

– Я пока не обзавёлся. Напомни лучше свой рабочий.

– Не обзавё-олся... Счастливый ты, Мишка, человек! Забот у тебя по жизни мало, раз без мобильного обходишься, – Глазов сделал попытку застегнуть пиджак, полы не сошлись на тугом животе.

– Так я побежал госпошину платить? – Маштаков боялся спугнуть удачу.

– Что с тобой сделаешь? Но в твоём распоряжении двадцать минут. В десять у меня – судебное!

Миха рванул с высокого старта, моля Бога, чтобы в сберкассе не оказалось большой очереди. Если в суде всё срастётся, он с гарантией успевал в супермаркет «Грошик», где срочно требовался мерчендайзер.

25 мая 2004 года. Вторник.

11.00–11.30

Жидких, скручивая тулово в поясе, грузно проворачивался на водительском сиденье. С учётом его габаритов и тесноты салона маневр давался с трудом. Свирепым взглядом Валера буравил забившегося в угол щуплого Молоткова.

– Какого хера ты обдолбился?!

– Я в порядке! Стимульнулся децл⁹⁹! И чё?! – гнилозубо окрысился Костян.

Жидких жадно рассматривал его. Зрачки крохотные, красные глаза лихорадочно блестят, дыхание прерывистое.

По уму следовало выкинуть наркота из машины и перебить делюгу на другое число. Но завтра истекал срок отдачи долга. Невозврат врубал счётчик с астрономическими процентами.

– Облажаешься – урою! – кулачищем Валера стукнул себя по колену, упиравшемуся в поднятый «ручник».

– Урыл один такой, – масть не позволила Молоткову смолчать, однако реплику он пробубнил под нос.

Валера сделал вид, что не расслышал.

– Маску сгоношил? – перевёл разговор в рабочее русло.

Костян вытянул из пакета угол эластичной ярко-зелёной

⁹⁹ Децл – немного (жарг).

тряпки в рубчик. Там же в кульке вытянутой зловещей формой выдавал себя двуствольный обрез.

– А я из чулка бабского замастырил, – на чугунной физии Пандуса треснул скупой горизонтальный шов.

Это он, типа, улыбнулся.

Вот кто кремень. Собран, молчалив, одет в неприметные бэуш-ные шмотки. После дела они улетят в мусорный бак. Обувка на ногах тоже одноразовая, но удобная и лёгкая – китайские полукеды. Чётки Пандус заныкал подальше, не время понтоваться. Самодельный малокалиберный револьвер заткнут у него под курткой за поясом. Не спереди, где он запросто провалится в штаны и попутно яйца отстрелит, а с левого бока рукояткой вперёд, чтоб без задёва выдернуть в нужный миг правой клешнёй.

– Ништяк, братуха! – Жидких одобрил Славкину боеготовность.

Вся надежда на него. Молоткова задача – ассистировать.

«Не должен напортачить, не банк шарашим, в целом-то он в адеквате».

Валера прикатил из Ярославля накануне вечером. Ни к старикам своим, ни, тем более, к Врублёвской не сунулся. Ночевал в родовом поместье – в фанерном скворечнике, затерянном среди сотни подобных халабуд в коллективном саду механического завода.

Три сотки земли, двухкомнатную «брежневку», да «Москвич-2140» нажили отец с матерью к пенсии. Стоило ради

этого пять лет зубрить в Бауманке¹⁰⁰ всякие там сопроматы, а потом тридцать «пасок»¹⁰¹ горбатить в КБ¹⁰² «почтового ящика»¹⁰³?

Критически оценивая благосостояние родителей, Валера не задумывался над тем, сколько денег те угробили на них с брательником. Адвокаты, возмещение ущерба потерпевшим, грев¹⁰⁴. Антохе, раскрутившемуся в зоне на очередной срок, старики до сих пор возили передачи.

На въезде в сад полагалось отдать пропуск дежурному. Жидких проехал мимо вахты без остановки. Сидевший на лавочке дедан возмущённо подпрыгнул, но в погоню не кинулся. Валера чётко подгадал время – смеркается, но ворота ещё открыты. Распорядок он помнил с детства.

Окинув взглядом участок, отметил, что трудолюбивые предки всё перекопали и посадили. Старался не оставить следов своего пребывания, окурки пихал в пустую пачку.

Спал крепко, несмотря на короткий диванчик. Тишина и свежайший воздух усыпили лучше всякой водки. Разбудила звонкая стрекотня птиц. Жидких по пояс умылся дождевой водой из бочки, накоротке размялся. Потягиваясь, задрал

¹⁰⁰ Бауманка – Московский государственный технический университет имени Н.Э.Баумана.

¹⁰¹ «Пасок» – лет (жарг).

¹⁰² КБ – конструкторское бюро.

¹⁰³ «Почтовый ящик» – наименование оборонного предприятия.

¹⁰⁴ Грев – передача заключённому (жарг).

бритую голову в прозрачное небо. Обожгла дурная мысль: «Может, последний раз на воле проснулся». Прогнал её куражливым матерком. Взбодрился горячим густым кофе из термоса, схомячил пару увесистых бутербродов с ветчиной. На аппетит он никогда не жаловался.

Потом заменил на «бэхе» госномера на местные. Острожские «гиббоны»¹⁰⁵, как и всё их сучье племя по стране, имели моду тупо тормозить иногородние тачки. «Левые» номера были чистыми. Выйти на него через них проблемно – третьи руки, притом случайные.

В Ярославле Валерке делали алиби подруга и кент. Весь вторник с ними расписали по часам – где тусили, чего творили. Один из ходов имел сюрприз, на котором, чуть чего, менты уши сломают.

Свой мобильник Жидких оставил в Ярике, телефону отводилась важная роль в механизме страховки «на всякий пожарный».

В бардачке лежал одноразовый дешёвенький «Siemens» с симкой, купленной на паспорт покойника. Он предназначался для отвлечухи.

...Валера набрал «02». Дозвониться оказалось непросто, вхолостую шли долгие басовитые гудки.

– Спит мусарня! – нервно хохотнул Жидких, в третий раз набирая номер.

Подельники на заднем сиденье молчали. Знали, куда и за-

¹⁰⁵ «Гиббоны» – сотрудники ГИБДД (жарг).

чем трубит Лерыч.

Наконец, на другом конце провода откликнулся бодренький бари-тончик:

– Помощник дежурного Лапин слушает!

– Заминирована четвёртая школа на улице Абельмана, – Валера говорил гнусаво, как сопливый, потому что зажал пальцами ноздри.

– Назовите свои данные, гражданин, – интонация милиционера стала озабоченной.

Валера нажал «отбой» и нормальным голосом сказал:

– Может тебе ещё чистуху¹⁰⁶ написать, козлина?

Полуобернулся, закинув локоть за спинку кресла:

– Аллее, парни! Понеслась душа в рай! Всё помним?

– Угу, – коротко отозвался Пандус.

– Не первый раз замужем, – развязный тон Молоткова вновь зародил у Жидких сомнения, стоит ли идти на дело с ширевым¹⁰⁷.

Спецом для Костяна повторил инструктаж:

– Идёте спокойно. Зашли в предбанник, надели маски и перчатки. Вынули стволы. Дверь изнутри закрыли на защёлку. Тёток – мордами в пол. Не шуметь, не шмалять. Взяли бабло, тёток связали скотчем. Маски-перчатки сняли, убрали. Вышли, дверь – на ключ и почапали к торцу дома. Там я вас...

¹⁰⁶ Чистуха – чистосердечное признание, явка с повинной (жарг).

¹⁰⁷ Ширевой – наркоман (жарг).

– Харе базарить! – Молотков распахнул дверь, кубарем вывалился наружу.

Угрюмый Пандус выбрался со своей стороны.

25 мая 2004 года. Вторник.

10.00–12.00 Областной центр Андреевск.

Зал для совещаний прокуратуры области набит до отказа. На правой половине плотно, погон к погону, расположились синие мундиры, через проход – мундиры мышиного цвета.

Команды рассаживаться по ведомствам не поступало. Водораздел провела атмосфера тревоги, владевшая аудиторией. На расширенную коллегию созваны все территориальные прокуроры и начальники органов внутренних дел. Собственно, первые во исполнение грозной указивки из Москвы уже должны были начать повальное уголовное преследование вторых. В данной связи совместное совещание выглядело странным. Какой конструктив могут выработать люди, чьи интересы вдруг стали диаметрально противоположными?

Но все присутствующие находились на государственной службе и потому, получив приказ о явке, дисциплинированно прибыли в указанное место к назначенному часу.

Инициатором экстренного мероприятия выступил новый областной прокурор Бочкарёв, варяг с Урала. Его назначение на должность фатально совпало с широкомасштабной кампанией Генпрокуратуры по борьбе с укрывательством преступлений. За неполный месяц правления Бочкарёв за-

рекомендовал себя безжалостной бюрократической машиной. Число подчинённых, привлечённых им к дисциплинарной ответственности, превысило годовую норму. Наказания за малейшие упущения сыпались налево и направо. Он заявил облаппарату, что до его прихода прокуратура находилась в коматозном состоянии, вывести из которого может лишь энергичная встряска. Статистический показатель был его фетишем, по каждому звонку из Генеральной он делал вертикальный взлёт. Величали Бочкарёва Виктором Арнольдовичем, в связи с чем к нему моментально приклеилась грозная кличка Терминатор.

Прокурорам велено было явиться на коллегию с заместителями, надзирающими за милицией. Аркадьич, проявив рискованное своеволие, взял с собой не Хоробрых, а Кораблёва. Саша пытался отбояриться от поездки, мотивируя завалом на своём участке и нежеланием грузиться чужими проблемами.

– Поедешь, как миленький! – сердито раздул ноздри Аркадьич. – Забыл, что я с понедельника в отпуск ухожу? Кто будет обязанности исполнять? Ты! Значит, ты и должен всю эту байду из первых уст услышать. За неделю она стопудово не рассосётся! А Органчику в областной не хрен делать. Наслушается речей, за ним потом всемером не расхлебаешь!

Резон в словах прокурора имелся, и Кораблёв, поворчав для порядку, признал его правоту.

В зале Саше досталось неудобное место возле прохода.

Визуально оно простреливалось не только с трибуны, но и с подиума, вдоль которого вытянулся президиум. Большинство стульев в нём пустовало, на возвышение поднялось лишь по два старших руководителя от каждого ведомства.

Погоны с зигзагами украшали плечи одного человека – начальника областного УВД Малышева. Сегодня генерал-майор горбился под их тяжестью. Привычная маска сановной вальяжности плохо держалась на грубом лице. Глубокие морщины выдавали возраст, стремительно приближавшийся к предельному для службы в органах МВД. Нелепым казался поперечный зачёс жидких пегих волос, сквозь которые проглядывала просторная бледная плешь.

Справа от Малышева сидел его зам, начальник КМ Федорович. Болезненно худой брюнетистый полковник был сумрачен, без дела вертел в руках солидную ручку в чёрном корпусе.

По неписанному протоколу с начальником УВД соседствовал глава принимавшей стороны, прокурор области. Большинство присутствующих видело его в форменном обмундировании впервые. Обведя немигающим взглядом зал, он повернул голову к своему первому заместителю Насущнову, что-то отрывисто бросил.

Седоголовый, широкий в кости Насущнов поднялся и, опираясь мосластыми руками о стол, произнёс с заметным волнением:

– Совместная коллегия объявляется открытой... откры-

той. Слово для доклада... для доклада предоставляется прокурору области Бочкарёву Виктору Арнольдовичу.

Насущнов имел распространённую среди старых служак привычку дублировать отдельные слова и короткие фразы.

Докладчик уверенно оседлал трибуну, украшенную барельефом хищной двуглавой птицы. Кораблёву показалось, что прокурор области воззрился конкретно на него. Понадобилось усилие, чтобы не опустить глаза.

Бочкарёв выглядел моложаво для своих пятидесяти лет. Довольно высокого роста, худощавый, узкоплечий. Продолговатое лицо его не имело особых примет, зато имело здоровый цвет. Областники уже выznали привычки нового шефа. Из напитков он предпочитал зелёный чай. Не курил, чурался спиртного. Якобы занимался йогой. Весь он был какой-то блёклый, нерезкий. Прозрачные глаза, слабо заметные жидкие бровки, стёсанный подбородок.

Тонкие губы Бочкарёва извилисто артикулировали. Саша включил звук.

– ... значительная часть преступлений не регистрируется в угоду ложного благополучия! Генеральным прокурором объявлен решительный бой этому уродливому явлению! Персональную ответственность за укрывательство будут нести руководители органов МВД. На сей раз – уголовную ответственность! Только так мы сможем...

Ничего нового. Бочкарёв вещал по циркуляру, полученному из столицы.

Саша покосился в сторону серых мундиров. Им словно скомандовали «Смирно, равнение на середину». Недружелюбная тишина зависла на половине гостей. Народ там собрался тёртый. Все в погонах с двумя просветами. Пожалуй, ни одного не было младше сорока. Среднестатистический начмил районного уровня возрастом, как правило, превосходил надзирающего прокурора. Объяснялось это просто – карьерная лестница в МВД имеет больше ступеней, восхождение по ней – процесс длительный.

С каждым словом невзрачного чужака, оккупировавшего высокую трибуну, у милицейских майоров, подполковников и полковников зрела неприязнь. Формула в их умах рисовалась следующая – новый прокурор, прогибаясь перед высоким начальством, в погоне за генеральским чином объявил на них беспощадный гон.

Ни один из них не был ангелом. За многие годы службы каждый различными способами систематически «жал»¹⁰⁸ преступления, потому что иначе невозможно было выдавать процент раскрываемости, требуемый Москвой. Каждый доподлинно знал, что подобные манипуляции наказуемы, но надеялся избежать кары либо смягчить её, соблюдая негласно установленные правила игры.

Они были просты. Прежде всего, не регистрировался наименее опасный криминал. Преимущественно кражи, где потерпевший занимал пассивную позицию из-за незначитель-

¹⁰⁸ «Жать» – укрывать (проф. сленг).

ности ущерба. Дела о тяжких преступлениях возбуждались без вариантов. К примеру, похерить убийство считалось беспределом.

Укрывая преступления, менты проявляли изобретательность, а порой и небесталанное творчество. Прокуроры в меру старания и способностей разоблачали их козни. Возбуждали уголовные дела из «отказников», писали гневные представления, в которых требовали привлечь к ответственности должностных лиц, нарушивших закон. Эпизодически (когда вскрывалась грубая фальсификация) начинали уголовное преследование рядовых исполнителей – оперуполномоченных, участковых, дознавателей.

В этой бесконечной лукавой игре для милицейского начальства выгода всегда превышала риск. Если из десяти укрытых краж прокурор ставил на учёт пять, динамика раскрываемости получалась положительной.

Курочка с красным гребешком неустанно клевала по зернышку. Страна большая, на круг цифры выходили обнадеживающими. Вооружившись ими, министр докладывал первому лицу, что преступность в державе неуклонно снижается, а неотвратимость наказания растёт. Следовательно, он занимает своё кресло заслуженно, а вся система МВД работает продуктивно. Такое положение дел устраивало и прокуратуру. В противном случае, она не имитировала бы десятилетиями борьбу за законность, стреляя из пушки по воробьям, а давно бы навела порядок на государственном уровне.

Делая вид, что не знает, откуда гниёт рыба, Генпрокурор решил отыгаться на пахарях. Вероломно, без предварительного упреждения, руками рьяных подчинённых вздумал поломать судьбы сотням и тысячам заслуженных офицеров милиции! Будто они только тем и занимались, что марафетили преступления. А кто тогда реально раскрывал убийства, разбои, кто задерживал бандитов, насильников? Кто за копейки шёл на нож, на ствол, рискуя жизнью? Прокурорские щелкоперы разве? Да они только в тёплых кабинетах горазды лютовать!

Кораблёв эпидермисом чувствовал, как электризуется атмосфера в правом секторе.

Абсурдность ситуации крепчала. Прокурор области не призывал ментов прекратить порочную практику нарушения закона и даже не угрожал посадить их в тюрьму, он констатировал данный факт, как свершившийся.

– Каждый начальник горрайоргана, утвердивший хоть одно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, впоследствии отменённое с возбуждением дела, будет привлечён к уголовной ответственности!

В процессе выступления Бочкарёв распалил себя, демонстрируя непреклонность в принятом решении. Закончил с заалевшими щёчками. Дежурно предложил задать вопросы, если кому-то что-то осталось непонятным.

Обычно к начальству вопросов не возникает. Но тут ситуация была слишком острой, чтобы проглотить не жевавши.

Ряды, заполненные людьми в тёмно-серой форме, зашевелились, загудели.

– Разрешите?! – во втором ряду решительно поднялся плотного сложения полковник. – Начальник УВД по городу Острогу и Острожскому району Сомов.

Аркадьич моментально напрягся, заёрзал:

– Куда он лезет?!

Реален был риск пострадать за настырность поднадзорного начмила. Недолго рулил товарищ Бочкарёв, но прокурорский люд уже уразумел его обычай бить своих, чтоб чужие боялись.

Полковник Сомов со всех ракурсов походил на откормленного заботливой хозяйкой котяру. Загривок с двумя поперечными складками и объёмные щёки туго шевелились, когда он разговаривал. Впечатление, что это зверь домашний, обманывало. За тридцать годков службы он в совершенстве освоил все существовавшие в природе приёмы обороны и нападения.

На простом примере Сомов попытался доказать, что не всякий случай возбуждения дела из «отказного» крамолен.

– Попал избитый гражданин в больницу с ЧМТ¹⁰⁹. Медэксперт тяжесть повреждений не даст, покамест он не вылетится. Двадцать один день нужно ждать. Больше пролежит – средний вред здоровью будет. Меньше – лёгкий вред, частное обвинение. А нам-то на доследственную проверку всего

¹⁰⁹ ЧМТ – черепно-мозговая травма.

десять суток законом отведено. И мы вынуждены такой материал отказывать, дожидаться акта СМО¹¹⁰, и, если медэксперт написал средний вред, ходатайствуем перед прокурором, чтобы «отказник» отменил, и возбуждаем дело по сто двенадцатой статье.

Судя по деревянной реакции, Бочкарёв не понял, что такое ЧМТ, СМО и какое преступление предусматривает статья 112 УК РФ. Но признаваться в этом он не подумал.

– Гарантирую, что о-очень скоро! – в этом месте голос прокурора сорвался на взвизг. – Я наведу порядок и в бюро судебных экспертиз! Эксперты будут в первый же день давать окончательное заключение!

– Дилетант! – презрительно хмыкнул моложавый крепыш-подполковник, сидевший от Кораблёва через проход.

Саша мысленно развил его тезис: «Откуда у Терминатора возьмутся навыки по части предварительного расследования, коли он – замшелый аппаратчик?! Пять лет отбарабанил начальником отдела кадров! Из прокуратуры в своё время свалил на повышение в обком КПСС. Прибежал обратно в девяносто первом, когда партия приказала долго жить».

Эти вехи трудовой биографии Бочкарёв скромно умалчивал, когда вещал массам о своём гигантском надзорном опыте. Их раскопала в интернете продвинутая следственная молодёжь.

Начальник областного УВД Малышев решил вставить

¹¹⁰ СМО – судебно-медицинское освидетельствование.

слово, интонационно стараясь сделать его веским:

– Товарищ прокурор, проверки в отношении сотрудников не должны дезорганизовать нашу деятельность по охране правопорядка.

На разочарованных лицах его подчинённых явственно читался вопрос: «И это всё, на что способен генерал?»

А что мог предпринять в сложившейся ситуации человек в погонах? Призвать к силовому противостоянию с прокуратурой? Обнажить наградное оружие и заставить Терминатора прилюдно сожрать приказ Генпрокурора, а заодно казённый галстук?

Кораблёв видел, как сквозь растерянность на лице генерала проступает выражение озлобленного упрямства. Вероятно, указания им будут даваться за плотно закрытыми дверями в родной вотчине. С учётом мощного административного потенциала милиции, вариантов помериться приборами имелаась масса. Можно, к примеру, ГИБДД дать команду на отлов прокурорских, частенько управляющих автотранспортом в состоянии алкогольного опьянения...

Следующий контрудар Саша смоделировать не успел, начался второй акт Марлезонского балета. Ещё более нелепый, чем первый. Бочкарёв начал стругать подначальных в присутствии ментов. Вооружившись толстым синим карандашом, открыжил первую строчку подготовленной ему справочной таблицы.

– Острог!

Аркадьич вскочил, бурый, как варёная свекла. Оправдывая таким образом свою фамилию.

– Застегнитесь! – повелел Бочкарёв.

Аркадьич засуетился и не с первого раза сумел протолкнуть золочёную пуговицу в петельку кителька.

– Буров, у вас двести семь дел возбуждено из отказных за три последних года и первый квартал текущего. Больше всех в области! А сколько процессуальных проверок в отношении работников милиции проведено?

– Сто десять.

– Почему так мало?! Приказ был к сегодняшнему дню проверить все факты укрывательства!

– Объём очень большой. Не успели.

– Что вы там бубните, Буров? Говорите членораздельно!

– Не успели.

– Когда начали?

– В четверг, как только факс от вас пришёл.

– В четве-ерг?! Вы три года назад должны были озаботиться данной проблематикой!

– Дык, не поступало раньше таких указаний! – Аркадьич развёл в стороны руки, открыл широкие вспотевшие ладони.

Вылитый трудяга-землепашец, распекаемый злым баринном. Для полного сходства межрайпрокурору оставалось только с хрустом почесать в затылке.

– А уголовных дел сколько возбуждено?

– Дык, ни одного пока...

– Бездельники! – взбеленился Бочкарёв.

Личина безнадёжного простака, с которого нечего взять, в очередной раз спасала Аркадьича.

– Сади-итесь уже! – брезгливо дал отмашку облпрокурор.

Аркадьич опустился на сиденье мокрый. Сунул руку за борт мундира, помассировал левую сторону груди, тяжело выдохнул.

Бочкарёв поднимал подчинённых по списку. Процедура публичной порки выглядела унизительно. Прокурорский авторитет игнорировался напрочь.

Особенно фарсовым вышел диалог с Евдокией Фадеевой Токаревой, прокурором маленького райцентра Клеверово, граничившего с Нижегородской областью.

– Что вы не сделали?

– Не проверили проверки в порядке статей 144–145 УПК РФ, Виктор Арнольдович! – Токарева, пышка предпенсионного возраста в нелепо сидевшей на ней форме сильно напирала на «о».

– А что нужно сделать?

– Провести проверки в порядке статей 144–145 УПК РФ, Виктор Арнольдович!

– А по результатам проверок что нужно сделать? – Бочкарёв, словно с умственно отсталым ребёнком говорил.

– Возбудить уголовные дела, Виктор Арнольдович!

Саша опустил голову, прикрыл глаза ладонью. Стыдно было за коллег перед милиционерами.

Избиение младенцев дало осечку на прокуроре Григорьевска, второго по величине города области. Он сидел слева от Аркадьича и поднялся стремительно, но без колготы. Это был поджарый, спортивного толка брюнет с умным и смелым взглядом. Непокорный расчёске вихор, нависший над высоким лбом, придавал старшему советнику юстиции Белкину хулиганистый вид.

Григорьевск соседствовал с Подмосковьем и потому криминальная обстановка в нём зашкаливала. Город сотрясали настоящие гангстерские войны. Милиция была никудышной. Столица переманивала сотрудников большими зарплатами. Областному УВД то и дело приходилось командировать в Григорьевск личный состав из других районов. Вахтовым методом затыкали кадровую прореху. Понятно, что КПД временщиков стремился к нулю. Раскрываемость была фантастически низка. Правоохранительные органы грызлись меж собой, обвиняя друг друга в смертных грехах. Прокуроры менялись, как перчатки, пока в двухтысячном году не назначили Белкина. Методом кнута и пряника тот сумел установить баланс среди силовиков, направить их энергию в общее русло. Начали раскрываться резонансные убийства. Бандосы пошли за решётку, воздух в районе стал почище. Ситуация более-менее стабилизировалась. До настоящего времени она оставалась сложной, однако контролируемой.

Руководство ценило Белкина. Он не зазнался, но цену себе знал. Его отличала самостоятельность во взглядах, порой

отдающая вольнодумством.

Низкий процент раскрываемости вносил в работу Григорьевской милиции свою специфику. Укрывали там относительно немного. Какой смысл «жать» заявки, если, один пёс, не выбратся из аутсайдеров? Соответственно, количество преступлений, поставленных на учёт из укрытых, было небольшим.

Этот показатель вызвал сомнение у прокурора области. Потеребив верхнюю губу, он заявил, что разницы нет – пять преступлений сокрыто или сто пять, виновные должностные лица обязаны понести наказание.

– Почему ни один из руководителей ОВД не привлечён к уголовной ответственности? Мне кажется, вы срослись с милицией! – такой упрёк он адресовал Белкину.

Разумеется, Бочкарёв понимал, что перед ним не трепещущая лань Токарева и не покладистый Аркадьич. Потому интонацию избрал индифферентную. Но ему важно было показать, что неприкасаемых для него не существует.

В эту минуту Саше Кораблёву больше всего хотелось, чтобы Белкин опроверг несправедливое обвинение в панибратстве с ментами. Рассказал бы пришельцу с Урала, как, заступив на должность, лично расследовал уголовное дело в отношении тогдашнего начмила Григорьевска, заказавшего убийство банкира. Как в прошлом году посадил отмороженного опера РУБОПа за вымогательство.

Но Белкин и не подумал оправдываться. Уверенным, чуть

ироничным тоном круглого отличника, назубок знающего предмет, он выдал складную тираду:

– Предлагаю разобрать конструкцию статьи 285 УК РФ, по которой предлагается квалифицировать действия начальников органов дознания, утверждавших незаконные решения. Самое уязвимое место – доказывание субъективной стороны. Второй скользкий момент – последствия. Признает ли суд существенным нарушение прав граждан либо интересов государства, если возбужденное прокурором дело останется «глухарём»?

Саша слушал очень внимательно. О невозможности доказать умысел они с Аркадьичем говорили. А вот толковая мысль о последствиях им в головы не пришла, её следовало взять на вооружение.

Прокурор области, не ожидавший подобного демарша, опешил и поэтому прервал Белкина не сразу.

– Это всё теория! – губы его змеились. – Если вам нечего ответить по сути, не транжирьте драгоценное время!

– Это судебно-следственная практика. А то, что предлагается, иначе, как подрывом правоохранительной системы, я назвать не могу. Кто-то наверху задумал столкнуть нас лбами с милицией и развязать, таким образом, руки криминалу.

– Воровской ход! – громко поддакнул дерзкий подполковник, отделённый от Кораблёва проходом. Такое выражение было популярно два года назад, когда принимался новый процессуальный кодекс, наделивший преступников небыва-

лыми правами.

– Довольно демагогии! Алла Тарасовна! – по щелчку пальцев в первом ряду сделала стойку кадровичка. – Подготовьте внеочередную аттестацию на этого... м-м-м...

То ли Бочкарёв действительно запомнил фамилию полемиста, то ли своим «м-м-м» хотел продемонстрировать степень пренебрежения к нему.

– Члена коллегии прокуратуры области, почётного работника прокуратуры, старшего советника юстиции Белкина, – блистая взором, чётко подсказал григорьевский прокурор.

Сохраняя спину прямой, а плечи развёрнутыми, он с достоинством присел.

Прокурор области покинул трибуну. Выполнявший роль конференсье его первый зам предложил «перейти, перейти к обсуждению проекта решения коллегии».

Участие в процедуре принял узкий круг. Картина разительно отличалась от обычной, когда раздавался единодушный «одобрямс».

Генерал Малышев заявил, что проработает решение со всеми заинтересованными службами УВД и представит предложения в письменном виде.

Григорьевский прокурор Белкин, словно и не ему прописали внеочередную аттестацию, заведомо не сулившую ничего хорошего, бодро объявил, что он уже накидал поправки. Так как ему несподручно было выбирать из середины ряда, он с приязненной улыбкой попросил сидевшего с краю

Кораблёва передать записку в президиум.

Саша, пока шёл, отсканировал первый пункт: «Проверки проводить исключительно по фактам, сопряжённым с фальсификациями и обманом заявителей».

Когда он положил листок перед Насушновым, тот метнул из-под клочковатых сивых бровей взгляд, полный укоризны. Вспомнив, как в древности гонца карали за плохую весть, Кораблёв пожалел, что не пустил крамольный листок по рядам.

25 мая 2004 года. Вторник.

12.00–12.30

На скорости резко крутанув налево, Жидких едва успел среагировать на бабку, ковылявшую по пешеходной «зебре». Истерично завизжали тормоза. «BMW» дёрнулся и встал намертво. Выручили сухой асфальт и гидравлика экстренного торможения. А то бы к случившейся параше добавилось ДТП с трупом.

– Лезет под колёса, слепошарая! – как путный, за спиной возбуж Молотков.

– Заткнись, сука! – швырнул через плечо Жидких.

Чувствовал – ещё слово под руку и у него сорвёт крышу. Тогда он бросит руль и урочет грёбаного наркота, втавившего их в блудняк. У Костяна хватило мозгов расчихать, что Валеру колбасит. Больше он не вякал.

Путь отхода был продуманным – в сторону от оживлённых улиц, автопатрулей ГИБДД и ППС, вниз на Малеевку. В гараже-отстойнике намеревались поделить добычу, вернуть тачке родные номера и разбежаться.

Угнав ментов на другой конец города к «заминированной» школе, Жидких рассчитывал на фору в полчаса. Связанных тёток в офисе обнаружить должны были не раньше. Пока мусора рюхнутя, пока объявят свой долбаный «Пе-

рехват» и заткнут выезд из города, он должен был выскочить на трассу. Уходить на Ярославль хотел кружным путём через Суздаль и Иваново.

Кудрявый план лопнул. «Разгон»¹¹¹ обернулся кровавой мяснёй¹¹².

...Скромно припарковавшись возле торца пятиэтажки, Валера сёк за обстановкой в зеркало заднего вида. Ногу держал на педали акселератора. Движок ровно урчал. Задние двери были прикрыты, но не захлопнуты, чтобы парням не терять драгоценных секунд, запрыгивая в тачку.

Первым из-за угла дома боком высигнул Молотков. Голова обтянута броско-зелёным, на макушке из прорехи торчал хохол волос, как у Чиполлино в старом мультике. Забыл маску снять, клоун!

Бежавший следом Пандус отчего-то хромал. Кособочась, он волок объёмистый мешок. Его содержимое было непонятно массивным и угловатым. С каждой секундой ком дурных новостей рос. В салон налётчики принесли резкую пороховую вонь и дикую ошарашенность.

Не транжиря время на расспросы, Жидких плавно тронулся. Подмывало газануть, но он сдержался. Устраивать ралли – только умножать поднятый кипеж. Вести себя нужно было смирно, с понтом – добропорядочный. Выбравшись из путаницы жилмассива на длинную узкую улицу Циолков-

¹¹¹ «Разгон» – налёт (жарг).

¹¹² Мясня – бойня (жарг).

ского, пристроился за маршруткой. Встречное движение не позволяло её обогнать.

Процедил сквозь зубы:

– На х...я шмаляли?!

– Лерыч, она газом в меня пырснула! – не расставшийся с дебильной маской Молотков косноязычил.

Глазницы маски были прорезаны криво, и оттого тарачилась только правая фара. Вторая дыра пришлась на левую щёку и хрящеватое поломанное ухо без мочки.

– Разуй калган¹¹³! – Жидких трясло от злости.

Посунувшись к осевой, он чуть не зацепил кативший навстречу морковного цвета уродливый «пирожок»¹¹⁴.

Молотков безбожно матерился. Выворачивая наизнанку, стаскивал с головы узкий рукав от кофты-«лапши». Избавился и сразу кинул гнилую отмазку:

– Чё ты меня крайним делаешь?! Я раз шмальнул, а Славын твой – три!

Подробности парни вывалили в отстойнике.

...За газовый баллончик схватилась рыжая бухгалтерша.

– Реакция у неё, лахудры, как у Майка Тайсона! Малёха я без шнифтов¹¹⁵ не остался! – горячился Молотков, собственную реакцию пропивший и проторчавший.

Валера крутящим жестом показал ему убавить громкость.

¹¹³ Калган – голова (жарг).

¹¹⁴ «Пирожок» – автомобиль ИЖ-2715 (сленг).

¹¹⁵ Шнифты – глаза (жарг).

Костян засандалил бухгалтерше в брюхо. По ходу, наглухо заделал, хоть и с одного ствола. Патрон-то полукартечью был снаряжен!

Вторая сучка, которая главная, заорала, как пожарная сирена. Её стрельнул Пандус. Но самоделка есть самоделка. Да и патроны старые, отсырели, видать. Оттого несколько осечек кряду вышло. Коза драная развизжалась так, что стёкла в окошках ходуном тряслись. Не заткнулась и схлопотав пулю. Пришлось ещё жать на курок. Когда они сваливали, директриса тихонько стонала под столом, сучила ногами, шпильками стену корябала. Подыхала.

Деньги из сейфа выгребли до последней мятой бумажки.

– Ключ был там, где ты сказал, Лерыч, – впервые за время корефан-ства Жидких уловил в голосе Пандуса подхалимаж. «Догоняет бычара, что накосорезили».

Попутно парни прихватили у баб мобилы и лопатники¹¹⁶. А Пандус запихал в мешок системник от компьютера, принтер и маленький ксерокс. Хотел до кучи монитор зацепить, но, когда провода отсоединял, уронил и разбил экран.

– Ништяково, Лерыч, – Славян был уверен в своей правоте. – Я знаю, где за хорошие бабки толкнуть можно.

Молотков, затирая пальцем извилистую царапину на чёрной бошине системного блока, с умным видом кивал, соглашаясь.

«Дебилы конченные. Сидели ведь оба, хорошо сидели, зна-

¹¹⁶ Лопатник – кошелёк (жарг).

ют, на чём палятся», – подумал Жидких, но рта не раскрыл.

Начал тасовать деньги. Подсчёт обескуражил – сто шесть «кусков»¹¹⁷ с копейками. То есть, его навар – полста кусков. Слезы! Если сминусовать расходы на подготовку, останется на пару-тройку раз зачётно пожрать с подругой в центровом кабаке. Овчинка не стоила выделки.

– Ты говорил – полтора ляма хапнем! – Молотков вроде как предъявил¹¹⁸ ему.

Говорил, а сквозь шуршащий пакет обрез наглаживал. Разумеется, Валера помнил – второй ствол заряжен, а с мозгами у Костяна – напряжёнка.

По понятиям выходило, что предъява справедливая. Агитируя на делюгу, Жидких не сказал ведь: «Можем взять от ста кусков и выше». Конкретно обещал полтора ляма. Но виниться нельзя было, лицо потеряешь.

– И сто кусков на дороге не валяются. Работать надо не под кайфом! Ты, падла, ноги делал в маске! Запалил нас на районе!

Тут, похоже, до Пандуса дошло, что групповой разбой с двумя мертвяками тянет на пожизненное.

Глухим эхом поддакнул он Валере:

– Конкретно запалил!

Молотков опустил взъерошенную башку. На темени

¹¹⁷ «Кусок» – тысяча (жарг).

¹¹⁸ Предъявить – выдвинуть обвинение в нарушении правил, бытующих в среде профессионального криминалитета (жарг).

сквозь слипшиеся волосы ослепительно белел страшный шрам в форме буквы «V». Поднимал голову медленно – глаза налиты мутной кровью. Вылитый вампир перед тем, как прокусить жертве сонную артерию.

Не хватало ещё перегрызться на радость ментам. Жидких срочно развёл рамсы¹¹⁹, признавая за собой нечаянный промах.

– И на старуху бывает проруха!

Бабки разделил поровну, уменьшив свой процент. Ему было фиолетово – полтос или тридцать пять кусков. Проблему такие деньги не решали.

Телефоны и оргтехнику, сгруженную на верстаке, искурочили кувалдой и свалили в мешок. Когда у парней остыл адреналин, они, кривя морды, согласились, что номерное барахло – палево. Славка взялся утопить мешок в Клязьме, благо отсюда до неё пять минут ходу, а гаситься он собирался на мызе у Лешего. То есть, вполне по дороге ему было.

Наглючий Молотков спросил, можно ли на время заныкать в гараже кочерыжку. Расставаться с железом они с Пандусом не собирались. У Валеры не хватило авторитета, чтобы их разубедить. Хотя, ежу понятно – найдут мусора стволы, проведут экспертизу и намертво привяжут к нападению! Превращать отстойник в арсенал Жидких не позволил. Через дядю Серёжу, покойного отцовского брата, мостик от гаража легко перекидывался к нему.

¹¹⁹ Развести рамсы – уладить спорную ситуацию (жарг).

Отказав Костяну, задумался: «У него ведь не заржавеет с обрезом по городу блондиться».

– Прикопай в кустах на берегу. Волна уляжется, заберёшь, – посоветовал.

Молотков, как шёлковый, кивнул: «лады», а в глазах его читалось: «нашёл лоха». Посулил надёжно залечь на грунт. Но и тут, по ходу, фазана заряжал¹²⁰. На какой, бляха, грунт он упадёт, когда карман ему прожигают башли¹²¹, по его меркам – несусветные? Наверняка уже скалькулировал проби-той черепушкой, сколько доз герыча закупит у барыги.

Пятнадцать лет назад в сходной по накалу ситуации Валера не менжевался¹²². Достал нож и искромсал в лоскуты двух урок с Текстиля, объявивших войну их бригаде. Ценою пары жизней, таких же никчёмных, как и Костянова, сберёг себя и правильных пацанов. Миллион раз всплывал в памяти тот яростный миг и миллион раз Жидких повторял себе, что был прав.

Следуя проверенной логике, сейчас надлежало убрать неуправляемого торчка. Если этого не сделать, Молотков очень скоро угодит в мусарню, где его расколют до просака.

Потом на суде адвокат задвинет про эксцесс исполнителя, скажет, что подзащитный Жидких ни сном, ни духом не знал о намерениях других подсудимых. И благодаря высокой ква-

¹²⁰ Фазана заряжать – врать (жарг).

¹²¹ Башли – деньги (жарг).

¹²² Менжеваться – колебаться, сомневаться (жарг).

лификации и крутому гонорару «доктора»¹²³ огребёт Валера не пожизненное, а пятнашку. Разница для него будет так же непринципиальна, как в случае с полюсом и тридцатью пятью тысячами. По любому – не выйти из зоны своими ногами. Значит, попадать туда нельзя.

Но кручёного Костяна голой рукой не вальнёшь. Он на стрёме, спину не кажет, обреза из рук не выпускает. И со Славкой не проговорили они варианта, чтоб гуртом накинуться по условному знаку. Вдвоём бы наркошу уделали легко, тем более, Славян при стволе.

Однако и тут не просто. У Пандуса в мозгу одна извилина – пацанская. А чисто по понятиям Молотков не накосячил настолько, чтоб его грохнуть. Идти на дело при железе благословил Валера. Да, он говорил: «Не шмаляйте там». Ну и чё? Расклад вышел другой, мокрый. Ну, завалили терпил, на то они и терпилы. Судьба у них такая – горемычная.

Нет, не поддержит Славка затею избавиться от поделенька.

Меняя номера на машине, Жидких лихорадочно кубатурил. Правильный ход никак не нащупывался.

Гнать на своей тачке в Ярославль, как и планировал? Номенты, возможно, дали уже ориентировку на автомобиль. Сто пудов кто-нибудь из жильцов видел в окошко, как двое отморозков, не обратить внимания на которых было невозможно (один – в маске, другой – с тяжеленным мешком), че-

¹²³ «Доктор» – адвокат (жарг).

сали вдоль пятиэтажки, а потом прыгнули в ожидавшую их иномарку неброского цвета «зелёный металлик»...

Или сказать Пандусу: «Повесь снаружи замок», да загаться в гараже дня на три? Хавчика немного есть, в багажнике – две резервные полторашки воды. Курева – початая пачка и полная, ноль-семь водки. В бардачке – книжка обожаемых с детства Стругацких. На улице теплынь. Перекаптоваться можно.

Но нельзя завтра не дать ответа по долгу. В таком разе не счётчик включится, а вилы нарисуются тройные.

Из носу – кровь, надо двигать в Ярик. Но как? Оставить здесь тачку, и на попутках? Или тихариться до темноты и рискнуть-таки своим ходом? Дороги две, на обоих – стационарные посты ГИБДД, в Соломинских Двориках и в Прудках.

Первый вариант как будто вернее. Не надо через весь Острог переться. В город вообще соваться нехрен. Ночью улицы пустые, «гиббоны» по-любому тормознут. Но в Двориках постоянный пост, а в Прудках мусора не всегда пасутся.

«Стопэ! А пересменка? Они ж не роботы-полицейские! Меняются ночью в три или в четыре часа. Причём, на сдачу дежурства в город шпиляют. Забыл, что ли, как раньше с пацанами проскакивали через Дворики с трассы? Но то в молодости было, в другом измерении».

– Я пошёл? – Пандус закинул на просторное плечо мешок,

громыхнувший изувеченной оргтехникой.

На фейсе его – ноль эмоций. Будто к соседу по гаражу сигаретку стрельнуть заглядывал.

Костян свалил пятью минутами раньше.

– Погодь, брат. Возьми до кучи, утопишь, – Жидких протянул согнутые вдвое номера, засветившиеся на разгоне.

– Угу.

Оставшись один, Валера вдруг остро испытал забытое чувство детской обиды. Словно взрослые бросили его, и не в чужом городе даже, а в страшном лесу на съедение волкам.

25 мая 2004 года. Вторник.

12.15–13.00

Областной центр Андреевск.

В перерыве пришлось бежать с четвёртого этажа на улицу. Курение в здании облпрокуратуры с приходом новой метлы попало под запрет. Напольные пепельницы из сияющей нержавеющей стали, зимой установленные на лестничных площадках, несли теперь декоративную функцию.

Изголодавшийся по никотину Кораблёв в несколько жадных затяжек убил сигарету и от «бычка» прижёл вторую. Её потягивал с расстановкой, смаковал.

Аркадьич дымил машинально, не понимая элитного вкуса дорогостоящего «Ротманса», которым его угостил зам. Мысли межрайпрокурора были объаты тревогой. Накануне отпуска он стал уязвим донельзя. Перемирие на семейном фронте зиждилось на предстоящем двухнедельном туре в Анталию. Последствия крушения планов рисовались страшные.

– Мама сразу на развод подаст, Михалыч. Она с Нового года отель выбирала, наряды покупала, весь мозг мне вынесла, – причитал Буров. – Одна с детьми побоится лететь... Первый раз за границу собрались... Если паскуда Терминатор меня из отпуска отзовёт...

Кораблёв не отвлекался от процесса табакокурения. По-приятельски он сочувствовал хорошему мужику Аркадьичу, при котором ему работалось комфортно. Но жальче было Саше себя, любимого. Он представлял, какая свистопляска случится в ближайшие недели. Полагал справедливым, если каждый будет исполнять коренные обязанности.

Крыльцо заполнили офицеры милиции, кучно покидавшие негостеприимное здание.

Впереди шествовал начальник областного УВД. Он вернул себе ту особенную значительность, что присуща большим руководителям. Фуражка-аэродром с высоко задранной тульей делала его, и без того немаленького, великаном. Искключительность подчёркивалась также особым покроем формы. На воротнике кителя поблёскивало золочёное шитьё. Красные лампасы шириною в ладонь украшали отутюженные брюки.

Генерал отвесил общий прощальный кивок прокурорским. В скупом движении головы внимательный глаз мог уловить презрительное снисхождение. В его хозяйстве аналогичный бардак у центрального входа в контору был невозможен. Сигареты в зубах, руки в карманах, кителя нараспашку, головных уборов нет и в помине, старшего по званию подобающим образом не приветствуют...

Замыкавший свиту полковник Сомов тормознул подле Аркадьича с Кораблёвым:

– Как дальше жить будем, земляки?

Вероятно, он ждал простого обнадеживающего ответа, типа: «Как и раньше – дружно». Не дождался.

Межрайпрокурор объявил свою уважительную причину: – Николаич, я со следующего понедельника в отпуске!

И засмеялся дурашливо: «хе-хе-хе».

Кораблёв растёр окурок о край урны. Неуместное паясничанье Аркадьича покорило его.

Десять минут, отведённые на перерыв, истекали. Сотрудники прокуратуры заторопились вернуться в актовЫй зал. Там, несмотря на распахнутые настежь форточки, воздух оставался тяжёлым, пропитанным отрицательными эмоциями.

Аркадьич за рукав потянул Сашу на освободившуюся правую сторону. – У окошка-то посвежее.

Кораблёв не возражал. Усаживаясь, он огляделся и понял действительную причину маневра. Пространство вокруг григорьевского прокурора Белкина опустело. Никто не решился сидеть рядом со смутьяном. Подобное соседство могло быть расценено начальством как неблагонадёжность.

Саша досадливо съёжил рот, но на прежнее место не вернулся. Подумал, что шараханья будут выглядеть совсем поидиотски.

Второй вопрос коллегии был рутинным. С нудным докладом о состоянии надзора за исполнением жилищных прав несовершеннолетних выступил старпом по «малолеткам».

У бубнилы нашёлся один внимательный слушатель – Боч-

карёв. Терпеливо дождавшись итоговой фразы, он задал выступающему ряд каверзных вопросов, на которые тот промямлил маловразумительное, заслужив оценку: «Проблематикой не владеете».

Затем облпрокурор принялся экзаменовать районное звено. Поднимал на выбор, интересовался одним и тем же показателем.

– Сколько неблагополучных семей состоит у вас на учёте?

Ответ проверял по лежавшей перед ним справке. Правильных цифр не слышал.

– Статистика должна от зубов отскакивать, даже если вас ночью разбудят! – шаманил Бочкарёв, вытягивая шею и тыча в потолок указательным пальцем.

Кораблёва в этот момент осенило. Прокурор области вообще не глумился над людьми, вверенными ему в безраздельное пользование, он веровал в абсолютность изрекаемых им бюрократических истин.

Сидевший в одиночестве Белкин взметнул вверх руку, намереваясь то ли дать ответы на вопросы руководства, то ли свой вопросик подкинуть. Бочкарёв упорно делал вид, будто не замечает его активности.

Кораблёв сделал ещё одно открытие: «Терминатор не всемогущ. Не желает публично связываться с тем, кто огрызается».

Благодаря могильной тишине, царившей в зале, скрип входной двери показался ушераздирающим. Три десятка го-

лов, как по команде, повернулись и узрели начальника отдела криминалистики Пасечника. Он всунулся в помещение плечом вперёд.

– Извините, Виктор Арнольдович. Разрешите острожского зама забрать. У них там двойное убийство, огнестрел. Мы через пять минут выезжаем на «пэкээлке»¹²⁴, захватили бы его с собой.

Бесцеремонность криминалиста обескуражила Бочкарёва настолько, что он не сразу подобрал нужные слова для ответа.

– Убийство подождёт, – в итоге вымолвил он с вкрадчивой интонацией злодея из старого кинофильма. – Назовите лучше причину, по которой вы игнорируете заседание коллегии?

– Так вопрос не наш, – Пасечник тряхнул богатой причёской цвета воронова крыла.

– Что вы говорите? – притворно удивившись, прокурор из разложенного перед ним пасьянса бумаг, выбрал нужную. – А в плане коллегии чёрным по белому написано: «Присутствие руководителей подразделений аппарата обязательно». Займите место в зале. По поводу отсутствия на коллегии представите письменное объяснение. Я дам оценку вашему проступку.

Пасечник, в жилах которого текла закарпатская кровь, не

¹²⁴ «Пэкээлка», ПКЛ – передвижная криминалистическая лаборатория (проф. сленг).

смог обуздать эмоций. Выпучил чёрные глазищи, изумлённую гримасу соорил.

– Так, а с убийством как быть, Виктор Арнольдович?! Двойной огнестрел, сопряжённый с разбоем! По приказу Генерального мы должны немедленно выехать!

– У вас есть подчинённые, пусть едут. А в Остроге не один заместитель прокурора. Буров! – властным жестом Бочкарёв активировал Аркадьича, драматично внимавшего диалогу. – Другой ваш заместитель обеспечит надлежащее руководство следственно-оперативной группой?

– Д-да, – сипло выдавил подскочивший чёртом Аркадьич. Ноги у него качались, пришлось обеими руками опереться на спинку кресла предшествующего ряда.

Говорильня про жилищные права «малолеток» возобновилась, но Кораблёв уже ничего не слышал. У него вдруг нестерпимо засвербело меж лопаток. Сиденье сделалось жёстким и неудобным.

Только квалифицированного убийства не хватало в разгар бессмысленной кампании против МВД! Какими силами, господа начальники, прикажете раскрывать и расследовать новое резонансное преступление? Лучшими? Так вы сообщите завтра областным СМИ, привычно запудривая мозги обывателю?!

Снова всё валилось на него! Аркадьич сваливает на забугорный курорт, отключит там мобильник, будет пузо греть на солнышке и пиво сосать! Ради отпуска своего горазд шта-

ны ширинкою назад надеть!

Не отважился даже сказать, что Кораблёв как зам, отвечающий за следствие, не ехать – лететь должен в Острог на место происшествия.

«Там сейчас Дрюня Хоробрых нарулит! Загубит Органичик всё, что возможно! А мне потом расхлёбывать!»

Прячась за спиной сидевшего впереди коллеги, Саша начал жестикулировать Пасечнику, пытаясь выяснить главный вопрос: «с лицом преступление или глухое». Криминалист сначала вздёрнул подбородком, качнул причёской: «не понимаю». Потом всё же прочитал по губам и скроил скорбную мину: «глухо, как в танке».

25 мая 2004 года. Вторник.

11.00–13.00

Андрей Леонидович Хоробрых жил в осаждённой крепости. Уже четыреста девяносто пять суток длилась блокада. Ровно столько, сколько он прозябал в городишке с мрачным названием Острог.

Попав сюда помимо своей воли, он оказался нежеланным гостем в стане аборигенов – чванливых, лицемерных и агрессивных. Сразу стало ясно – им не ужиться в одной берлоге.

Первая фаза ознаменовалась открытыми столкновениями, в ходе которых стороны обменялись чувствительными ударами. Неприятель действовал на своей территории. Давя числом, он понудил чужеземца укрыться в замке, лишил маневра. Окажись на месте Андрея Леонидовича менее искусный воитель, он давно был бы уничтожен.

Частный успех непросто дался противнику. Он понёс урон и не отважился нахрапом идти на приступ цитадели. Началась муторная осада в надежде истощить силы гарнизона и заставить его капитулировать. Вражеские катапульты и баллисты методично крушили крепостные стены. Для проникновения за защитные рубежи тихой сапой велись подкопы. В ожидании своего часа громоздились передвижные ту-

ры¹²⁵, штурмовые лестницы и тараны.

Но отважный гарнизон не бездействовал. Периодически совершал дерзкие вылазки, уничтожая осадные орудия и мелкие отряды супостатов. Налаживал встречные контрподкопы, рушил неприятельские подземные галереи.

В результате изматывающей борьбы установился зыбкий баланс. Каждая из сторон дожидалась промаха соперника, чтобы нанести крепкий удар, могущий стать решающим.

Смену власти в прокуратуре области Хоробрых расценил как шанс вырваться из постылой провинции. Для этого следовало доказать преданность новому вождю.

На уездном театре военных действий главных врагов олицетворяли феодал Буров и его вассал Кораблёв. Остальные туземцы собственного веса не имели и играли роль придворной массовки.

Андрей Леонидович раскусил Бурова давно. Это был человек примитивной умственной организации. Должность он получил исключительно благодаря лапе в ГП¹²⁶, где в своё время подвизался в следственной бригаде. Хоробрых прекрасно знал, что в данном контексте «бригада» – синоним к слову «клоака». Туда загонялся балласт с регионов – бездельники и залётчики всех мастей.

Кораблёв (надо отдать ему должное) значительно превосходил своего узколобого шефа по части профессионализма.

¹²⁵ Тура – осадная башня на колёсах.

¹²⁶ ГП – Генеральная прокуратура.

Однако его таланты и заслуги во многом были дутыми. Просто подфартило мальчишке попасть в нужную струю. У него, кстати, также имелся тягач в лице тестя, крупного чиновника областной администрации.

В том, что у Острожских сюзеренов рыла в пуху, Хоробрых не сомневался. Жили они явно не по средствам. Не заметить этого мог только слепец. У обоих – квартиры в элитных домах, крутые иномарки, отапливаемые гаражи, у Бурова – двухэтажная дача на Святом озере.

Свои наблюдения Андрей Леонидович тщательно анализировал, факты, заслуживающие внимания, брал на карандаш. Вести разведку приходилось крайне осторожно. Дрянной городок кишел соглядатаями его недругов, здесь родившихся и выросших. Но аборигенная среда не являлась однородной и, тем более, монолитной. Находились в ней, как субъекты, обиженные прокурорскими баронами, так и идейные правдоискатели. Они подкидывали фактуру. Большая часть её на поверку оказывалась досужими слухами, но иногда меж шелухи проблескивали крупинки драгметалла.

Козырями, с которых Хоробрых намеревался зайти, были уголовные дела, спущенные Буровым на тормозах. Перечень их получился внушительным.

ДТП с трупом, совершённое сыном главного инженера механического завода. Головка данного предприятия, с советских лет по инерции именовавшегося градообразующим, относилась к касте неприкасаемых.

Несчастный случай со смертельным исходом на лесокомбинате, коим владел¹²⁷ Савельев, спонсор и собутыльник местной силовой шишка-туры.

Утрата по пьянке личного оружия (на кой ляд оно ему сдалось?!) гендиректором закрытого КБ «Абазур», работавшего на космос.

Оперативкой, подтверждающей корысть межрайпрокура, Андрей Леонидович по понятным причинам не располагал, но в том, что шкурный интерес наличествовал, он не сомневался.

Состряпанное парадное блюдо надлежало приправить пикантными специями из моральных качеств фигурантов. Ассортимент здесь присутствовал типовой – пьянство, чревоугодие, любострастие. Простому смертному такие пороки извинительны в любых пропорциях, а оку государеву – лишь в гомеопатических, и то при благосклонности начальства.

После охлаждения кушанье можно было подавать к столу. Лишь бы тот, кому предназначался деликатес, возжелал его отведать.

Затеянная Москвой большая война с ментами пришлась как нельзя кстати. На этой благодатной ниве имелся шанс отличиться.

И пусть не надеется захолустный царёк Буров, что Андрей Леонидович будет сопеть в две дырки, поджавши хвост!

На прошлой неделе, разъясняя текущий момент, межрай-

¹²⁷ Володеть – владеть (устар).

прокурор, сурово насупившись, велел решения по милицескому руководству принимать только после согласования с ним. Для придания видимости, будто декларация носит общий характер, он собрал весь коллектив.

Это был дешёвый спектакль. Тирада, сопровождавшаяся грозным шевелением мохнатых бровей, адресовалась исключительно опальному заму.

Хоробрых дискутировать не стал. О чём может быть спор, если он находится в своём праве? Надзор за территориальным органом внутренних дел закреплён за ним приказом о распределении обязанностей.

Буровско-кораблёвские шашни привели к тому, что до настоящего времени, вопреки указанию Генерального, ни одного дела в отношении ментов возбудить в Остроге не удалось. Это был саботаж чистой воды. Даже в той тощей стопке материалов (явно предварительно отсортированной), что канцелярия принесла на проверку Андрею Леонидовичу, усматривались формальные основания для уголовного преследования лиц, укрывавших криминал.

Разумеется, не случайно Буров сегодня не взял его на расширенную коллегию. По скудоумию своему пытался утаить в мешке шило. Но Хоробрых не зря десять лет отработал в областном аппарате. Было, кому проинформировать его о настроениях нового шефа. Тот наточил саблю и рвался в бой. В Москве должны были увидеть, что не ошиблись с назначением.

Андрея Леонидовича отличал прагматизм. Расстраиваться из-за очередной местечковой каверзы он счёл нерациональным. Напротив, порадовался возможности спокойно поработать в тиши кабинета.

«Никто не шпионит, не дёргает, под руку не смотрит», – рассуждал он, извлекая из сейфа папку с индивидуальными наработками.

Чувствовал себя бодро, голова была ясной, рука – твёрдой, мысли формулировались чётко. Утром Хоробрых сделал получасовую пробежку, затем – комплекс гимнастических упражнений. Он снимал квартиру на тихой улице рядом с парком. Когда подыскивал жильё, перебрал полтора десятка вариантов, зато теперь имел возможность постоянно держать себя в тонусе.

С квартирой Андрея Леонидовича при переводе в район кинули. Номинально прокурор области обязательства перед ним выполнил. Ходатайство в администрацию города направил и даже подкрепил его телефонным звонком. Но времена наступили другие. Теперь местная власть не выделяла федералам бесплатного жилья, она предложила финансировать его строительство. На этом тема заглохла. Заместитель межрайонного прокурора, не имеющий блата, был слишком мелкой фигурой, чтобы под него выделили деньги в Генеральной.

Не сразу Хоробрых добился компенсации поднайма. Долго бухгалтерия репенилась, но в итоге, как миленькая, стала

выплачивать ежемесячно по три с половиной тысячи рублей. Платил Андрей Леонидович за съёмную жилплощадь больше, но тут, как говорится, с драной собаки хоть шерсти клок!

В областном центре он проживал в скромной двухкомнатной брежневке с матерью-пенсионеркой. Своей семьи Хоробрых не имел никогда и обременяться ею не желал принципиально. Будучи человеком умным, он учился на чужих ошибках, видел – у женатиков жизнь состоит из конфликтов, затрудняющих нормальное существование. Собственно, его высокие производственные показатели во многом объяснялись отсутствием отвлекающих факторов. Поразительную работоспособность Андрея Леонидовича признавали даже его ненавистники.

Пришла пора продемонстрировать потенциал новому патрону.

Хоробрых пролистал документы, освежая в памяти детали. Как и предписывалось столичной директивой, он собрал материал на каждого из четверых руководителей острожской милиции. Для полноты проверки осталось получить у них объяснения.

Кадровик, в силу должности наиболее хитровыделанный, свалил на больничный. Уважительность неявки подтвердил копией листа о временной нетрудоспособности, присланной с нарочным. Тактика страуса, прячущего в минуту опасности голову в песок, не мешала принятию процессуального решения.

Начальник МОБ Коробов дисциплинированно явился к назначенному часу. Дубоватый строевик, явно кем-то наученный, отказался давать пояснения в отношении себя на основании статьи 51 Конституции РФ, о чём сделал собственноручную запись «паркером» с золотым пером. Позиция была обоснованной, однако неразумной, ибо также не препятствовала проверке. Главное, что получена бумажка, снимающая возможные упреки в невыяснении позиции лица, нарушившего закон.

Начальник УВД Сомов в городе отсутствовал, и это шло на пользу делу.

«Пускай старый чёрт послушает на коллегии шефа, проникнется, что на сей раз вляпался крепко», – Андрей Леонидович аккуратно переложил бумаги по Сомову из левой стопочки в правую.

Наиболее перспективным выглядел материал в отношении начальника КМ Птицына.

В мае прошлого года некий о/у¹²⁸ Савченко проводил проверку по краже бэушного холодильника из дома-дачи. Коротнул заявку он, что называется, внаглую. Видите ли, гражданин не предоставил документа о стоимости пропавшей вещи.

На «отказнике» в правом верхнем углу, там, где должность начальника органа дознания, стояла косая черта, значившая, что постановление утвердил один из замов. В

¹²⁸ О/у – оперуполномоченный (проф. сокр).

небрежной подписи читалась лишь заглавная буква «В». Расшифровки не было, милицейские начальники мнили себя слишком занятыми людьми, чтобы утруждаться подобными мелочами. Хоробрых пришлось выучить их автографы наизусть. Закорючка принадлежала Птицыну В.Л. Главный сыщик подмахнул документ, не вникая в содержание. За пофигизм ему предстояло поплатиться карьерой.

Яму себе менты вырыли сами. Месяц спустя о/у Савченко принёс в прокуратуру рапорт об отмене «отказного». Поворот на сто восемьдесят градусов объяснялся банально – нашёлся воришка, и преступление стало «светлым». Андрей Леонидович в просьбе не отказал. Но, поскольку он не состоял на службе в МВД, направлением материала на дополнительную проверку не ограничился, а возбудил уголовное дело.

У опера хватило наглости возмутиться:

– Раньше так не делали! Я же сам пришёл с отменой, инициативно. А теперь меня накажут! За что?!

Хоробрых выставил наглеца за порог.

Впрочем, конопатый о/у столь обстоятельного повествования не заслуживал. Разговор не о нём и не об укрытой им рядовой кражонке. Важно то, что в обсуждаемой ситуации звёзды на небе сошлись в нужной точке.

В период после первой кражи и до своего задержания домушник совершил ещё пару аналогичных преступлений. Таким образом, он дезавуировал доводы «умников», талдыча-

щих о невозможности доказать существенность ущемления интересов граждан укрытым правонарушением. Ведь, если бы кражу холодильника возбудили своевременно, материал не отправился бы в архив. Следователь начал бы производство по делу. С учётом того, что крадун жил в соседней деревне, его нашли бы по горячим следам. И в таком случае двое граждан не пострадали бы.

«Составчик у Птицына выпишется красиво», – мечтательно улыбнулся Андрей Леонидович, оглаживая длинными пальцами бумаги.

Увидь его сейчас знакомый, он бы сильно удивился весёлому настроению человека, навечно причисленного к отряду мизантропов.

Разумеется, этого материала не было среди тех двадцати стерилизованных, что Хоробрых вручила завканцелярией. Компру он вытащил из загашника, где она терпеливо дожидалась своего часа.

Дело было за малым – опросить начальника криминальной милиции. Тот, рассчитывая непонятно на что, с утра пятницы уклонялся от встречи. Все его известные телефоны отвечали долгими гудками. Уведомление через секретариат дало нулевой результат. Сыскался полковник только вчера вечером по домашнему номеру. Выслушивая заместителя прокурора, он аденоидно сопел в микрофон, потом раздражённо буркнул: «Повесткой вызывайте», и бросил трубку.

Андрей Леонидович расценил нервоз Птицына добрым

знаком и каллиграфическим почерком заполнил бланк повестки. В графе «основания вызова» не стал прятаться за туманную фразу «по кас. вопросу», написал предельно ясно: «доследственная проверка».

Над процедурой вручения повестки Хоробрых задумался. Лично идти в милицию было несолидно, а поручать кому-то – ненадёжно.

Мыслительный процесс прервал звонок дежурного по УВД, сообщившего о двойном убийстве на улице Фурманова. Известие выбило из колеи. Дежурная неделя была чужая. Кроме того, в рабочее время на происшествия обычно выезжал Кораблёв как штатный руководитель прокурорского следствия.

Вкалывать за дядю противоречило принципам Андрея Леонидовича. Тем более, случившееся автоматически попадало на контроль Генеральной. Здесь можно было угодить под раздачу на ровном месте.

Хотя Буров с Кораблёвым и не могли спрогнозировать подобное ЧП в своё отсутствие, Хоробрых узрел в ситуации очередную каверзу.

«Менты или следак схалтурят, а меня сделают крайним! Только-только дисциплинарки мои погасились!»

Мальчишка Кораблёв, мнивший себя непревзойдённым следственнымником, постоянно придирался к тому, как Андрей Леонидович, выехав по дежурству на убийство, организовыв-

вал работу СОГ¹²⁹. Ему мнилось, что тот делает всё спустя рукава, старается побыстрее слинять с места происшествия.

«Увязался сопляк с Буровым на коллегия, а неделя-то по графику – его! Ну-у, интриганы! – Хоробрых массировал виски, тупо заломившие от подскочившего давления.

Головная боль не улеглась, а Андрей Леонидович уже названивал начальнику отдела криминалистики Пасечнику. В областной были в курсе особо тяжкого преступления.

– Собираемся выезжать к вам!

Хоробрых подмога была до лампочки. Он доходчиво объяснил, почему не он должен выезжать на это происшествие. Пасечник, обычно туговатый на приём, на сей раз врубился с ходу и пообещал вытащить Кораблёва из актового зала.

Андрей Леонидович стал ждать. Ожидание затянулось, теребили из дежурки, попугайничали про машину, давно стоящую у прокуратуры.

Наконец, отрывисто заблямкала специфическая трель межгорода. Маявшийся возле окна Хоробрых, цапая трубку, дёрнул провод и чуть не сбросил аппарат со стола.

– Виталий Назарович, слушаю!

– Это Виталий Иванович, – откликнулся окающий баритон прокурора-криминалиста, фамилия которого не поддавалась запоминанию из-за своей простоты.

Криминалист сообщил, что ни Бурова, ни Кораблёва с коллегии не отпустили. Там же застрял и Пасечник, поэтому

¹²⁹ СОГ – следственно-оперативная группа.

выезжает он один.

– До встречи! – голос из динамика брызгал азартом, словно им предстояло участие в некоем увлекательном соревновании, сулившем славу и награды.

Андрею Леонидовичу подобное обалдуйское состояние было неведомо. Расплетая хитроумно перекрутившийся шнур телефона, он дал исчерпывающую нецензурную характеристику острожским князькам, привыкшим таскать каштаны из огня чужими руками.

25 мая 2004 года. Вторник.

13.05–14.00

Пятью минутами позже Хоробрых с постным выражением лица неуклюже вылезал из высокой кабины лобастого милицейского уазикам буханки».

В городе он слабо ориентировался. Знал два маршрута – с работы на съёмную квартиру и с работы на автостанцию. За отсутствием личного транспорта расположения улиц не запоминал.

Сейчас, однако, понял, что происшествие случилось в самом центре. Они ехали проспектом Ленина, на первом перекрёстке после «Вечного огня» свернули направо, миновали два дома, у третьего тормознули.

Водитель, по прошлым выездам памятуя о капризах важного прокурорского чина, сильно не гнал и не включал сирены. С учётом прозвища «Бешеный» и репутацией гонщика Шумахера давалось ему это с трудом.

Андрей Леонидович огляделся. Судя по тому, что основное движение происходило у единственного входа в торце «хрущёвской» пятиэтажки, убийство случилось там. Дверь распахнута настежь, над ней нависал кургузый бетонный козырёк, истончённый временем. Низенькие ступеньки крылечка сильно выщерблены по краям. Вышедший из здания

фельдшер «скорой помощи» одолел их одним широким шагом и вскарабкался в свой «УАЗ-452а», находившийся в тесном родстве с «буханкой» дежурной части. «Скорая», грузно переваливаясь на ухабах, декорированных щебёнкой, двинулась к проспекту. «Дежурка» стрельнула выхлопом и без промедления заняла её место.

Подойдя ближе, Хоробрых прочитал табличку, коричневую справа от двери. «Муниципальный фонд «Развитие жилищного строительства».

«Хм, вполне мирная организация. Что в ней могло стрястись? Да ещё днём!» – Андрей Леонидович, приготовившийся к посещению маргинального притона, озадачился.

Кишевшие вокруг милиционеры прибытие заместителя прокурора заметили, но ни один из них не подошёл с докладом.

Хоробрых насупился, но и только. Здесь он чувствовал себя гораздо менее уютно, чем в стенах служебного кабинета. И сотрудники милиции были на улице другими – уверенными, собранными, словно вышедшими на тропу войны. Некоторых Андрей Леонидович идентифицировал.

Вот пробежал, весь на шарнирах, начальник ОУР Калёнов. Лёгкая куртка небрежно переброшена через локоть, и оттого выставлены напоказ крепкий бицепс и пистолет в кобуре подмышкой. Майор, как всегда, будто только от парикмахера. Затылок и виски искусно сведены на нет, длинную светлую чёлку, падающую на глаза, приходится то и дело

откидывать рукой назад. На безымянном пальце тускло поблёскивает широкое обручальное кольцо.

В течение года на Калёнова поступило несколько письменных жалоб от подследственных. Содержание стандартное – выбивает показания. С учётом личности заявителей, многожды ранее судимых, тяжести преступлений, ими содеянных, и отсутствия неопровержимых доказательств вины майора, ему удавалось отделаться лёгким испугом. Сам он, разумеется, ничего не признавал. «Кто работает, на того жулики и катят бочку», – такая у него была дежурная отговорка.

«Всё до разу», – зампрокурора напомнил ему другую народную мудрость.

Прыгающей походкой прошёл Сутулов, старший группы по раскрытию убийств. Этот хоть поздоровался, болезненно кривя рот: «з-здра-а-асте». Удивительно, как человека с таким дефектом речи приняли на службу в милицию, где он умудрился дослужиться до подполковника. Сильное заикание однозначно свидетельствует о проблемах мозговой деятельности. Особенно, когда оно усугубляется системной алкоголизацией. Данное увлечение выдавали помятая, плохо выбритая физиономия Сутулова, его неопрятный внешний вид.

Милицейская колготня казалась хаосом броуновского движения. В Хоробрых нарастало раздражение от творящегося бардака.

Неизвестно, во чтобы оно вылилось, но тут заместитель прокурора увидел следователя Февралёва, скромно вышедшего на крыльцо.

От других следователей межрайпрокуратуры он отличался в лучшую сторону. Неизменные костюм и галстук придавали ему интеллигентный вид. Общаясь с Февралёвым во время выездов на происшествия, Хоробрых составил о нём благоприятное впечатление. Парнишка был вежлив, скромн в общении, имел развитую речь. К месту обмолвился, что закончил ВУЗ с красным дипломом. Его *Modus operandi*¹³⁰ подтверждал наличие добротных теоретических знаний. Конечно, для столь зелёного возраста Февралёва вознесли чересчур высоко. Недавно он удостоился должности следователя по особо важным делам, равнявшейся замовской по окладу и потолку классного чина.

И всё это свалилось на юношу, едва отработавшего три года. В старые времена на этом этапе сотрудник только-только расставался со статусом молодого специалиста. Стремительная карьера, по твёрдому убеждению Андрей Леонидовича, развращала молодёжь. В двадцать пять – следователь по ОВД! Кем же такой вундеркинд захочет стать через пару лет? Зампрокурора? А ещё три года спустя прокурорское кресло ему подавай?!

Углядевший начальство важняк заторопился навстречу. Вид он имел ошарашенный – тарашил глаза, топорщил юн-

¹³⁰ *Modus operandi* – образ действия (лат).

керские усики. Сообщил, что труп в офисе – один. Убита бухгалтер организации, а директор тяжело ранена в грудь, тоже из огнестрельного оружия. Её увезли на реанимобиле в бессознательном состоянии. Со слов медиков шансов выжить у женщины мало. В помещении – явные следы обыска, дверца сейфа открыта.

С каждой услышанной фразой Андрей Леонидович укреплялся в правильности своей позиции. Пускай это тухлое варево расхлёбывают те, кому по должностным обязанностям положено. А у него сфера деятельности другая, сугубо надзорная.

«Уточняю фактическую сторону и докладываю наверх. Пускай пинками гонят сюда вельможу Бурова и титулованного следопыта Кораблёва! Здесь не просто двойное убийство, а сопряжённое с разбоем! Настоящее бандитское нападение!» – мыслительный аппарат работал на ускоренных оборотах.

– Раз был бухгалтер, значит, у них деньги имелись. Сейф пустой?

– Пока не знаю, Андрей Леонидович, – Февралёв подёрнул брюки, спадавшие с тощеватых бёдер. – Там эксперт ЭКО работает, следы ищет.

– Специалист в офисе, а вы здесь? – насторожился Хоробрых. – Как такое возможно? Понятые, надеюсь, внутри? Наблюдают за действиями криминалиста?

– Нет, – курортный загар на лице следователя поблёк, на

переносице проступили веснушки.

Природа не терпит пустоты. Февралёв стушевался, а Андрей Леонидович обрёл уверенность. Процессуальная составляющая следственных действий была его стихией.

– Где понятые? – спросил он делово.

Февралёв попросил подойти неохватную женщину-квашню, источавшую жадное любопытство к дармовому представлению, и седенького коротенького мужичка пенсионного возраста. Старикана заместитель прокурора с ходу забрал.

– Он же в нетрезвом состоянии! Хотите, чтобы важнейшее доказательство суд признал недопустимым?

Ужаснувшийся от такой мысли следователь унёсся к курившему на углу участковому. Тот имел свой взгляд относительно пригодности понятого, которого он с трудом уломал на участие в осмотре.

– Ничего не пьяный! Хочешь, я его в наркологию свожу?!

Это было совсем лишним. Употребив максимум красноречия, Февралёв всё-таки убедил капитана в необходимости выполнить его поручение. Участковый обстоятельно докурив сигарету, отошёл к урне, опустил в неё окурочек и с видом оскорблённой невинности двинулся вдоль дома, выглядывая «лицо, незаинтересованное в исходе уголовного дела».

Неожиданно скоро он привёл молодую тётеньку с пустым мусорным ведром.

– Это недолго? У меня ребёнок спит, – беспокоилась она.

– Пять минут, – на голубом глазу сбредал милиционер.

– Пройдёмте, пожалуйста, внутрь, – воспитанный Февралёв испытывал неловкость, нагружая мирных обывателей малоприятной обязанностью.

Для любого профи институт понятий был очевидным рудиментом уголовного процесса. Никакого контроля за действиями следователя он не обеспечивал. Тем не менее, высоколобый, высокооплачиваемый, живущий на облаке законодатель, принимая новый УПК, отказаться от него не счёл нужным.

Заходили гуськом в следующей очерёдности – Февралёв, любознательная толстуха и робкая мамочка в байковом халате.

Следом на порог с заминкой шагнул Хоробрых, чувствуя знакомый прилив дурноты, сопутствующий каждому погружению в чёрную ауру места совершения убийства. После перевода в район подобные экскурсии стали его крестом, тащить который приходилось каждую третью неделю. Такова была регулярность дежурств. Сотрудники облаппарата аналогичных обязанностей не имели. В большинстве они оставили их в прошлом и назидательно вспоминали, распекая поднадзорных. Андрей Леонидович похвалиться опытом следственной практики, увы, не мог. Он пришёл в прокуратуру с преподавательской работы, где ему не дали реализоваться бездари от науки.

На пятом десятке поздно привыкать к виду криминаль-

ных мертвецов. Нервная система подорвана, весь негатив на себя примеряешь. Но не зайти в офис нельзя. Одна из ябед как раз и заключалась в том, что он лицезрел гнилой труп через окошко, чуть ли не в лорнет, как барин.

Сейчас Хоробрых утешался доводом, что в помещении не встретит смрада разлагающейся плоти. Тем не менее, амбре оказалось противным. Едкая вонь пороха, сторовенного при выстрелах, перемешалась с парным запахом свежей крови. Никто не удосужился открыть форточку, а ещё лучше – фрамугу. Комнаты выходили на солнечную сторону, духота спрессовала воздух.

Андрей Леонидович спешно вынул из кармана надушенный платочек, прижал к ноздрям. Таким способом он спасался от всепроникающих миазмов смерти. И плевать ему было на язвительные усмешки за спиной.

«Дебилы, бравирующие своей толстокожестью, почитайте методическую литературу! При осмотре трупа положено надевать респиратор или марлевую повязку!» – когда-нибудь он произнесёт эти тезисы вслух.

Толстуха бесцеремонно попёрлась вперёд. Эксперт Елин чудом успел спасти кровавый след обуви, который он изготавился сфотографировать методом масштабной съёмки.

– Куда прёшься?! – рявкнул эксперт.

– Это понятые, Максим Денисович, – извиняющимся тоном пояснил Февралёв. – Заместитель прокурора велел им присутствовать.

Не вставая с корточек, Елин дотянулся до картонной крышки от коробки бумаги для ксерокса, накрыл ею след. На затылке эксперта ярко белела прядь седых волос. Креативную отметину он привёз из командировки на Кавказ.

Молодуха с пластмассовым ведром, увидев на линолеуме мазки крови, вцепилась в край стола и наотрез отказалась идти дальше.

В проходной комнате царил беспорядок. По полу разбросаны бумаги, канцелярские принадлежности, осколки разбитой посуды, электрический чайник, вентилятор, опрокинутый стул, вывернутая наизнанку сумка...

Другой эксперт на месте Елина разорался бы, что ему мешают работать, но Макса отличала завидная выдержка. Кивнув выглядывавшему из-за дверного косяка зампрокурора, он сообщил, что поверхностных следов обуви много, но большинство в виде фрагментов, а этот отпечаток полный и к тому же статический.

– Вот так каждую свою манипуляцию и разъясняйте понятным. Работайте сообща – следователь и криминалист, – поучительно изрёк Хоробрых.

Не делая паузы, он внутренне мобилизовался и переволок взгляд на главный объект осмотра.

Труп молодой женщины лежал в углу на спине. Она как бы застыла при выполнении упражнения аэробики, согнув себя в поясе вбок. Выпрямленные руки были подняты над головой и наклонены влево. В ту же сторону направлены сжа-

тые в бёдрах ноги, визуально удлинённые за счёт остроносых туфель и высоченных каблуков. Джинсы от пояса и до паха насквозь пропитались кровью, загустевшей до состояния желе. Блузка задралась высоко, полностью открыв живот, на котором левее глубокой воронки пупка воспалённо багровела россыпь круглых крапин. Каждая точка имела синеватый ободок, из некоторых тянулись вертикальные пунцовые потёки. Молодому, без единой морщинки лицу убитой придавал удивлённое выражение открытый рот. Виднелся ровненький верхний ряд зубов, перламутрово отсвечивающих идеальной эмалью. Полуоткрыты также были густо окрашенные веки, меж ресниц застыл тусклый блеск глаз, казавшихся кукольными. Богатая рыжая шевелюра рассыпалась по грязному полу, отросшие корни волос выдавали их натуральный цвет – русский.

«Молодец, – поощрил себя Андрей Леонидович. – Видишь – ничего страшного. Не укусила».

Перевёл дух, всмотрелся в монитор, валявшийся на боку возле ножки стола. Мутный экран покрывала паутина трещин, разошедшихся от чёрного звездчатого пробоя посередине.

– Обратите внимание на отсутствие системного блока компьютера. Преступники унесли его с собой! – сказал Хоробрых с торжествующей интонацией Архимеда, только что открывшего закон гидростатики имени самого себя.

– А где судебный эксперт? – вошедший в образ Андрей

Леонидович прочно завладел инициативой, солировал.

— За ним на комплекс поехали. Он там вскрывает, — Февралёв приготовил главный следственный инструментарий — ручку, и шуршал бланками протоколов, выискивая нужный.

— Что значит, вскрывает?! — возмутился Хоробрых. — Он давно обязан быть здесь! Сейчас я ему придам ускорения! — повод провентилировать лёгкие подвернулся весомый.

Андрей Леонидович вышел, довольный своим артистизмом. И тут же получил бонус в виде зверя, выбежавшего на ловца.

Буквально в двух шагах от здания начальник КМ Птицын с озабоченным видом вёл переговоры по мобильнику. Хоробрых он срисовал тотчас. Свернул разговор и внятно, как диктор телевидения, произнёс:

— Здравствуйте.

Обезличенное приветствие прозвучало сухо, но вполне корректно. Ещё до приезда нового зампрокурора в Острог Птицын знал о его манере не подавать руки людям ментовского сословия. И потому ни разу не попал в глупое положение.

Андрей Леонидович терпеть не мог людей, пытающихся внешнюю невзрачность компенсировать показным пижонством. К названной категории он относил здешнего начальника криминальной милиции. Самой яркой деталью его облика было бюргерское пущо, волнующееся при каждом движении. Зато обёртка выглядела нарядно. Двубортный, явно

импортный костюм. Вишнёвая тонкая водолазка под горло. Перстень-печатка на правой руке, на другой – часы с браслетом, в лацкане пиджака – значок в виде каплевидного щита с перекрещёнными мечами. Вся перечисленная показуха – золотая. Завершала имидж элегантная барсетка из рифлёной крокодиловой кожи.

Не напрасно подчинённые окрестили полковника Баринном!

Хоробрых прытко шагнул со ступеньки. На ходу расстегнул папку, из бокового отделения выцарапал казённую бумажку.

– Вы настаивали на повестке, получите.

Птицын инстинктивно убрал руки за спину. Его реакции позавидовал бы карточный шулер.

Андрей Леонидович поёжился. Хуже нет прозрачных, ничего не выражающих глаз, липко шупающих в упор.

– Мне в присутствии свидетелей зафиксировать отказ от получения повестки? – Хоробрых не отпускал руку, удерживаемая за уголок бумага трепетала на ветру.

– Ага. Вот, один свидетель в наличии, – начальник КМ экономным доворотом головы пригласил к разговору подлетевшего на всех парах Калёнова. – Поможет родной прокуратуре, Роман Александрыч?

– Такточно, – блондин шевельнул плечами, поправляя ремни оперативной сбруи. – А чё делать-то?

Хоробрых понял, что численное преимущество в данной

ситуации значит многое. Вернул повестку в папку.

Сохраняя лицо, сказал с иронией:

– Несolidно себя ведёте.

– Убийство надо раскрывать, а не охоту на ведьм устраивать, – как ни старался Птицын продемонстрировать нордическое спокойствие, дрогнувший голос выдал волнение.

– Я вижу, как вы раскрываете, – Андрею Леонидовичу принципиально было последнюю реплику оставить за собой.

Лучший вариант ему сейчас виделся – гордо убыть в прокуратуру. Укрыться за высокими зубчатыми стенами своего замка. Но обнаружилась транспортная проблема. Раздолбанная колымага, доставившая его сюда, укатила в неизвестном направлении. Других машин поблизости не наблюдалось. Просить содействия у Птицына было унижительно. Идти на остановку общественного транспорта – позорно. Следовало ещё сообразить, в какой стороне она находится.

Ничего не оставалось, как вернуться на ненавистное место происшествия. Выведенный из равновесия Хоробрых совсем забыл, что собирался телефонировать в прокуратуру области.

25 мая 2004 года. Вторник.

14.00–15.00

Птицын крайне редко матерился и с подчинённых за брань взыскивал, но сейчас цензурных слов не подобрал.

– Чё Кашей докопался, Вадим Львович? – сощурил дерзкий глаз Калёнов.

– Проехали, Рома, – полковник обуздал эмоции. – Отвлекаться не будем. Ты с какой новостью такой запыхавшийся примчался?

– В двадцать девятой квартире установил бабку, которая видела мужика с большим мешком. Без трёх минут двенадцать под её окошком пробежал в сторону гаражей. Первый этаж, окно на ту сторону, на котельную.

– Откуда такая точность – «без трёх минут»?

– Бабку, Вадим Львович, в штат можно брать. У неё ноги больные, на улицу почти не выходит. Зато всё время в окне торчит и всё подозрительное в тетрадку записывает. А время сечёт по большим электронным часам. Я проверил – кажут точно.

– Не знает она его? – кровавая головоломка могла иметь простейшее решение.

– Не-а. Мужик лет сорока, здоровый, коротко стриженный, прихрамывал. С бабулей надо плотно посидеть, она и фото-

робот составит. Глаз набитый, по ходу.

– Молодец. За личный сыск тебе «пятёрка с плюсом». А теперь доложи расстановку сил. Сколько оперативников работает?

– Наших семеро, трое «мрошников».

– Участковых сколько?

– А чё я и участковыми должен рулить? У них свой бугор.

– Ох, Рома, – Птицын вздохнул по-отечески. – Ты здесь главный организатор и координатор розыска по горячим следам. Накидай в столбик разблюдовку. Дом, подъезд, фамилия сотрудника. Учись работать по системе. Теперь мы с тобой знаем вероятный путь отхода преступника. Какие дома получаются наиболее перспективные в плане установления свидетелей?

– Ну, этот тридцать третий и следующий тридцать пятый.

– Правильно. Значит, сюда назначь наших. По человеку на подъезд. Остаётся двое. Ты десять штыков с собой насчитал?

– Да.

– Значит, один остаётся. Пошли его обойти верхние этажи двадцать третьего дома по проспекту. Глянь, оттуда проход к гаражам, как на ладони. Участковых распредели вплоть до Циолковской. Вряд ли мужик с мешком на проспект рванул. Линейку гаражей пускай сразу обойдут. И пусть не вздумают мне халтурить. Каждый адрес проверить тщательно. Кого из жителей сейчас нету дома – побеседовать вечером при повторном обходе.

– Так, если кто на работе, так он и не видел ничего. Мы ж точное время нападения знаем.

– Человек мог придти на обед, увидеть что-то интересное и потом на работу уйти. Время-то самое обеденное. Но здесь много пенсионеров проживает, особенно в тридцать пятом доме, он кооперативный, – здешнюю землю много лет назад (страшно подумать сколько!) Вадим Львович топтал начинающим зональным оперком.

Моторный Калёнов умчался организовывать работу «по системе», а начальник КМ отошёл от посторонних ушей к котельной. На двери её висел ржавый амбарный замок – отопительный сезон давно закончился. Отсюда Птицын позвонил начальнику УУР¹³¹ и доложил первые результаты. Полковник Болчуков относился к вымирающему виду сыскарей старой школы. Ценность добычи оценил. С Птицыным он был хорош, как, впрочем, со всеми, кто не претендовал на его должность. Разговаривал с дружелюбным грубоватым панибратством. Вадим Львович делал вид, что принимает правила игры, общался свободно, но субординации не нарушал.

– Это не малолетки, значит, мы их знаем. Ищем беспредельщиков, скорее всего, наркоманов. В городе таких не так много. Почему не залётные? Знали, что в офисе есть деньги, а конторка невзрачная, фонд, и фонд какой-то левый. Не ломбард, не ювелирный магазин. Это местные отморозки. О крупных суммах знали, а какого-то рожна связались с орг-

¹³¹ УУР – управление уголовного розыска областного УВД.

техникой. Дебильный поступок! Похоже, и кошельки потерявших зацепили. Жадные! Оружие – предварительно обреза. Следователь прокуратуры сейчас осмотр проводит... По результатам, товарищ полковник, прозвонюсь дополнительно. Помощь? Да сил хватает, и резерв есть, при надобности группу нарастим. Так точно, в реанимацию сотрудника отправил. Шансов мало, что директор быстро в себя придёт, но с чем чёрт не шутит... Будем около неё дежурить до упора. ОРЧ в полном составе работает, претензий нет. Спасибо за поддержку. Сутулов дуется, что я вас информирую, но это его проблемы. Областная структура, как я могу ещё на них воздействовать? РУБОП? Пока не подтянулся. Вы же знаете, товарищ полковник, у них тут начальство меняется... Давыдов на пенсию собрался, комиссию проходит. Да молодого ещё совсем, тридцать восемь лет. Уговаривал я его, ни в какую... Все уговаривали... Как новый начальник? Честно говоря, пока не сложилось впечатления. Вроде, парень энергичный. Непростой? Да-а? Даже так? Спасибо, товарищ полковник, буду иметь в виду. Обязательно РУБОП подключим, пусть ОПГ отрабатывают. Хотя, там сейчас на такое безбашенное дело некому и пойти... Всё понял, товарищ полковник, о любой значимой информации докладываю незамедлительно.

Болчуков не обошёл стороной болезненную тему:

– Как там ваша прокуратура в свете последних установок? Сильно прессует? Терпимо пока... Ну, дай Бог. В пятнадцать

ноль-ноль генерал у себя собирает. Расскажет, к чему в ближайшие дни готовиться...

Начальник УУР рассуждал без нерва. Должность позволяла ему лично не марать рук. Тем не менее, его место относилось к бойким. Если регион провалится на нижние позиции по раскрываемости в ЦФО¹³², первой из тяжёлых фигур с доски полетит именно он. Но, как бы то ни было, грозивший Волчукову вынужденный уход на пенсию не шёл в сравнение с позорным привлечением к уголовной ответственности, замаячившим перед Птицыным и ещё двумя десятками начальников КМ районного звена.

– Держись, Львович! – пожелал в конце разговора Волчуков.

– Прорвёмся! – с коротким хохотком Птицын выдал своё кредо.

Он бравировал, а настроение, с утра и без того минорное после демарша Хоробрых, испаскудилось окончательно. Шум в ушах вкупе с головной болью свидетельствовал о поднявшемся кровяном давлении. В прошлом году Вадиму Львовичу диагностировали гипертонию. Врач с умным видом сообщил, что больному особенно важен психологический комфорт. Совет показался издёвкой. Стресс был обязательной составляющей его жизни даже в спокойные дни. Не говоря о чёрных полосах, в одну из которых он вляпался сейчас.

¹³² ЦФО – Центральный федеральный округ, включает в себя 18 областей.

Полчаса назад звонил Сомов, сообщил, что выехал из Андреевска.

– Приеду, расскажу, какую тут камедь давали! Круче «Свадьбы в Малиновке»!

Щёки пылали. Не глядясь в зеркало, Вадим Львович знал, что покраснелся, как перезревший томат.

Более всего страшило бесчестье. Годы многотрудной, упорной, без преувеличения рискованной службы пойдут псу под хвост. Ублюдки, которых он сажал, возликуют. Он – мужик, переживёт. Но как оградить от позора близких?

Жена работает в налоговой, коллектив там бабий, в глаза подружки начнут фальшиво сочувствовать, за спиной же – самозабвенно перемывать кости. С удовлетворённым злорадством, игнорируя отсутствие причинно-следственной связи, объяснят природу высокого благосостояния семьи Птицыных.

Для обывателей любое дело в отношении милиционера, тем более, начальника, зачисляет его в оборотни!

Сын – девятиклассник, в таком возрасте пацаны – поголовно максималисты. Мальчишка искренне гордится батей, планирует по его стопам идти, и вдруг – бац, отца объявят преступником... Удар под ложечку! Надо будет доходчиво Вадьке объяснять, что произошёл системный сбой, глюк. Загодя подыскивая убедительные доводы, Вадим Львович автоматом перешёл на сленг молодёжи, подвинутой на своих компьютерах.

Но, если вокруг Елены и Вадика можно выстроить логическую защиту, то матушка всё воспримет сердцем. Семьдесят три года! И ведь никак от неё не скроешь дурную весть. С карандашом в руках штудировала она каждый номер «Уездных вестей». Журналисты устроили пляски полковые на костях! Птицын всегда избегал публичности, уклонялся от общения с прессой, держался в тени, мирился с прозвищем «Серый кардинал». Долгожданный повод испачкать его доброе имя щелкопёры не упустят...

Заплутав в дебрях страхов, полковник машинально достал сигареты, зажигалку. И тут очнулся, удивлённо взглянул на стильную пачку «Парламента», разозлился: «Ну, давай, гробь здоровье дальше! Мало давление поднялось?!»

От плохих мыслей отвлекло новое действующее лицо. К дому подкатила опрятная синяя старушка «Skoda Felicia» с тонированными стёклами. Из неё вылез старший опер РУ-БОПа Комаров. Захлопнул дверцу, стукнул ногой по колесу, надавил обеими руками на угол капота. Резко отпустив, наблюдал, как кузов возвращается в исходное положение.

– Амортизатор? – понимающе спросил Птицын.

– На Ворошилова в яму влетел, хруст такой, как заклинило, – Паша на ходу отряхивал ладони. – Здравия желаю, товарищ полковник!

Пожимая хваткую пятерню рубоповца, Вадим Львович внимательно оглядел его из-под приспущенных век. Комаров был в рабочем состоянии, но далеко не в лучшей форме.

Глаза мутные, опухшие, похмельный душок чавкаяюще маскировался ментоловой жвачкой, рубашка мятая. Ладно, хоть с бродяжьей щетиной разобрался. Побрив щёки, изобразил из неё экстравагантную бородку, соединённую с усами. Вороная эспаньолка придавала смуглому бровастому Павлу сходство с латиносом из гангстерского фильма.

Такой Комаров не нравился Птицыну. Причину метаморфозы полковник выяснил не так давно. Паша капитально подсел на игру в автоматы. Вредное пристрастие он долго скрывал, используя навыки опер-работы. Простому смертному его дурь в глаза не бросалась. Давыдов расколол Комарова посредством тех же приёмов. Как начальник он увещевал, как друг – стыдил Пашу за слабину. Всё делал, чтоб не вышло огласки. Времена на милицейском подворье стояли лояльные, означенный грех был извинительным, но Давыдов не хотел ронять марку острожского РУБОПа. Избранная им тактика загнала болячку внутрь. Комаровская страсть приобрела хроническую форму.

Беда одна не ходит. Нельзя втихую кидать жетоны в автоматы и оставаться собой. Частые сливы¹³³ и редкие съёмы¹³⁴ уважающий себя игрок обмывает. Не увлекавшийся прежде спиртным, Комаров начал крепко зашибать. Дома стал редким гостем. Закономерно начались семейные скандалы. Оттолкнула своя женщина, гордец Паша пошёл по другим, бла-

¹³³ Слив – проигрыш (жарг. игрока).

¹³⁴ Съём – выигрыш (жарг. игрока).

го внешние данные и образ жизни способствовали. Работе он также стал уделять мало времени, а был-то всегда основным пахарем. Его служебные показатели ухудшились настолько, что отрицательную динамику заметили в области.

В начале года Вадим Львович серьёзно поговорил с Давыдовым. Тот клятвенно заверил, что решит вопрос. На какое-то время показалось, что дело идёт на поправку. Комаров посвежел, повеселел. Завёл бородку, юморил над своим новым имиджем, провёл удачную реализацию. Но вот Давыдов уходит на пенсию, а Павел от недуга так и не избавился. Днями один из проверенных МОИ¹³⁵ напрямую отсемафорил Птицыну, что почти каждую ночь Комаров тусит в вип-зальчике игрового салона на улице Абельмана.

Вадим Львович корил себя, что передоверился Давыдову. Пашка был ему не чужой. В девяносто шестом он перетаскил парня из розыска в РУБОП. Много в него вложил. Из заурядного бойца воспитал оперативника, способного мыслить. Уйдя на повышение, Птицын беспокоился, что под началом Давыдова Комаров не растёт профессионально. В своё время настоял, чтобы тот поступил в ведомственный ВУЗ. Учёбу оперативник забросил на пятом курсе, когда до диплома оставался один шаг. Причина та же – долбанные однорукие бандиты.

«Мальца надо спасать», – полковник незаметно отвлёкся от своих неурядиц.

¹³⁵ ИОИ – источник оперативной информации.

– Из отдела? – городское управление он именовал по старинке.

– С Текстильщика. В четвёртую школу сгонял, – Паша, оставаясь идейным ментом, услышав сообщение о заложенной бомбе, в кабинете не усидел.

– Сообщение ложное?

– Угу. Но эвакуировали всех.

– А как иначе? Сегодня у выпускников последний звонок. Лучше перебдеть. Что ж, ход примитивный, но эффективный. Бандиты угнали все наши силы на северную часть, а сами зажгли в центре. Номер, с которого звонили, определился?

– Никак нет. С мобильного звонили.

– И чего?! Мне начальник дежурки докладывал, что их АОН¹³⁶ теперь и мобильные определяет.

– За что купил, Вадим Львович...

– Ну, ладно. Один хрен, звонили с левого номера, направление заведомо тупиковое. Шеф твой новый где?

– Так он сегодня семью в город перевозит. Отпросился у руководства.

– А куда Асмолов запропал? – речь шла о способном, но обленившемся рубоповском оперативнике с задатками коммерса.

– Помогает переезжать.

– Быстро они спелись. Или раньше где пересекались?

¹³⁶ АОН – автоматический определитель номеров.

– Вроде нет, – пертурбации в штате подразделения сулили Комарову численное меньшинство и, соответственно, пресинг по всему полю.

Но Паша не парился. Мысли его были заняты другим. Утром он удачно списал по «девятке»¹³⁷ три тысячи рублей и предвкушал, как вечером закатится в новый салон на Эстакаде. Будучи годным игроком, он знал, что заведения в период раскрутки всегда стоят на выдаче¹³⁸, и потому держал руку на пульсе событий.

¹³⁷ «Девятка» – секретная статья оперативных расходов на агентурную работу, кладезь для финансовых злоупотреблений (проф. сленг).

¹³⁸ Стоять на выдаче – т. е. администрацией салона установлен высокий процент выигрыша (жарг. игрока).

25 мая 2004 года. Вторник.

14.30–16.30

Областной центр Андреевск – Острог.

Узкий вопрос мусолили два часа кряду. Прокурор области неумоимо выискивал корень зла, выкорчевав который, он раз и навсегда решит проблему обеспечения жильём детей-сирот. Причём, не покидая зала для совещаний.

Напутствие, данное под занавес коллегии, прозвучало зловеще:

– Кто не возбудит дел по фактам укрывательства преступлений, понесёт строжайшую ответственность! Вплоть до увольнения!

Подчинённый народ измаялся настолько, что вербальных угроз не воспринимал.

Аркадьич с Кораблёвым поспешили на улицу. Выскочив, не обнаружили на стоянке своего автотранспорта. Начали выяснять, оказалось, главбух припахала их «Волгу» съездить в казначейство. Мол, всё равно простаивала. Аркадьич повозмущался чисто для вида, с бухгалтерией ссориться было себе дороже. Прождали, как дураки, ещё полчаса, все районы уже разъехались.

Водителю, квёлому молчуну, досталось пряников.

– Я сколько тебе, Вася, вдалбливал, без моего разрешения

– никуда! – кипятился межрайпрокурор, компенсируя пережитые на коллегии страхи.

Василий был толстокож. Чем больше его ругали, тем упорнее он замыкался.

После увольнения аксакала Валеры Щукина водилы в Острожской прокуратуре не задерживались. За год трое сменилось! Всем хорош был Валерка, но потерял нюх и без стакана за руль не садился. А по пьяни секреты начальства разбалтывал. В итоге допёк он Аркадьича, чемпиона по долготерпению. Теперь Щукин рулит на самосвале, радует жену заработком и трезвым образом жизни, а в автохозяйстве прокуратуры – текучка. Сто отмазок нашёл бы Валера, но без ведома патрона чужих катать бы не стал.

– Бензин почти на нуле, а ты, лошарик, по большому городу круги нарезаешь! – Аркадьич не мог успокоиться.

– Заправимся, – с утра водитель родил первое слово.

– Запра-авимся, – передразнил Аркадьич, – На какие шиши? Лимит на май изъездили!

По дороге прокурор с замом повздорили. Бурову хотелось перекусить в придорожной кафешке. Саша настаивал, чтобы гнали без остановок.

– У нас там Чикаго, а ты пировать собрался!

Аркадьич нехотя согласился, но, лишь достигли Острога, велел отвезти его домой.

– Покойники не оживут, а у меня повышенная кислотность. Надо срочно похлебать горяченького. Война вой-

ной...

Высадили голодающего у подъезда, понесли на Фурманова. На месте происшествия Кораблёв застал только следователя и прокурора-криминалиста. Февралёв вчерне набрасывал схему к протоколу осмотра. Усы торчком, причёска взъерошена, узел галстука криво сбит на сторону, расстёгнута верхняя пуговица кремовой рубашки.

– Привет, Кирилл, – негромко поздоровался Кораблёв.

– Здравствуйте, Александр Михайлович, – важняк засуетился, освобождая правую руку.

В итоге чиркнул по протянутой ладони жалом фломастера, оставил яркую фиолетовую метку. Пожатые у него торопливое, костлявое, хрустящее, горячее.

Зампрокурора сумрачно глядел мимо следователя. Взгляд его магнитом притянул нагой труп женщины, лежавший на полу. Голова повёрнута к стене, лицо закрыто густой вуалью волос. Мягко растеклись на стороны молочные железы с бледными ореолами сосков. С неуместным вызовом вздыбился крутой лобок. От него к пупку тянулась узкая полоска коротко подстриженных рыжеватых волос. Мясистые валики половых губ бесстыдно разъяты, меж ними вытарчивала розоватая неровная бахрома...

Кораблёв мотнул головой, отгоняя порочное любопытство. Не за этим он сюда летел!

– Почему она голая, Кирилл? – целиком фразу не выговорил, вязко сглотнул. – Разве убийство сопряжено с изнаси-

лованием?

– Заместитель прокурора Хоробрых приказал, – Февралёв имел прибабахнутый вид.

Три часа в тесной компании с криминальным трупом, поиск и подробнейшая фиксация следов убийства шваркают по психике, будь здоров.

– Зачем?

– Чтобы при доставке в морг одежда потерпевшей не соприкасалась с другими предметами. Чтобы на неё не перешли посторонние микрочастицы. Каждую вещь велел упаковать по отдельности, – следователь шевельнул ногой один из пластиковых пакетов у плинтуса.

– Нижнее бельё тоже контактировало с нападавшими? – у Кораблёва своенравно раздулись ноздри.

– Александр Михайлович, – следователь спешил оправдаться, – Хоробрых велел всю одежду снять, вплоть до лифчика и трусов.

Кораблёв резво выудил из кармана кителя сотовый телефон, нашёл в контактах запись «Органчик», нажал вызов и тут же дал отбой. Соединения не произошло.

«Не затевай ссору, не вникнув в суть», – разум окоротил эмоции.

– Долго он тут тёрся? – накопившийся негатив Саша устремил на своего антипода, словно тот и был истинным виновником всех бед.

– Больше часа.

– Введи-ка меня, дружище, в курс дела.

Февралёв повёл рассказ с присущим ему академизмом. Зампрокурора обратился в слух, впитывая фактуру, обстоятельства, фамилии. Сконцентрироваться не удавалось. Мешало желание обернуться, взглянуть на голое женское тело. Попутно ширилось раздражение против Хоробрых. Его указание соответствовало методике, но согласиться с ним Кораблёв не мог. И дело было не в том, что в Остроге сложилась иная практика – трупы раздевал судмедэксперт в морге, а следователь изымал одежду выемкой. Саша был противником замшелых обычаев в уголовном процессе. Тупой довод «всегда так делали», популярный у выработавших ресурс стариков, его сердил. Но и добуквенно следовать параграфу он считал ненужным. В сегодняшнем случае корёжила бесцеремонность в отношении женщины – молодой, приличной, не какой-нибудь безродной пьянчужки. Без достаточной нужды напоказ выставили сугубо интимное...

– Минуту! – Кораблёв требовательно вздел указательный палец. – Надо прикрыть её, Кирилл.

– А чем? Я уж думал, – развёл длинными руками Февралёв.

Кораблёв сделал над собой очередное усилие, теперь подавляя недовольство следователем, беспомощным в элементарном вопросе. Прошагал к шкафу, открыл створку.

«У тёток на работе должны быть запасные наряды!»

Пачкать хорошие вещи не пришлось. На крайних плечи-

ках висел синий рабочий халат, вероятно, принадлежавший уборщице.

– Лови, – с хмыканьем протянул Февралёву, а когда тот торопливо схватился, задержал спецодежду, потянул на себя. – Кирилл Сергеич, ты чего меня подводишь? – Кораблёв понизил голос. – Опытный сотрудник, с недавних пор целый важняк, а в мелочах буксуешь. Мудриле Органчику я выскажу, чтоб он не лез в чужой монастырь, но ты и сам не плошай. Не давай собой управлять, как марионеткой!

– Я всё понял, Александр Михайлович, – видно было, что следователю действительно неловко. – Больше такого не повторится.

– Надеюсь. А вы чего вы вдвоём кукуете? Где доблестная милиция?

– Оперативники обход делают. С нами участковый Зыков... Я ему говорил, что он должен до конца находиться, – Февралёв заозирался, тревожась по поводу пропажи милиционера, но в следующую секунду облегчённо выдохнул. – Ух! Он же за понятыми пошёл... Александр Михайлович, понятые первоначальную обстановку видели. Я их временно по домам отпустил. Вернутся, я им объясню, откуда что изъято...

– Протокол им прочитай вслух, – Кораблёв доподлинно знал, что лозунгом об исполнении гражданского долга человека к месту происхождения не привяжешь.

– Обязательно! – заверил следователь.

– Чего интересного обнаружили?

– Пригодных следов рук много. Тридцать две липкие ленты изъяли! Эксперт предварительно сравнил пальцы убитой, сказал: «Половина следов – её».

– Кто из ЭКО выезжал?

– Елин Максим.

– Хорошо, – Кораблёв одобрительно кивнул.

Мнение опытного специалиста в области криминалистики заслуживало уважения.

Покосился на кисть руки убитой, выглядывавшую из-под халата. Подушечки пальцев и ладони лоснились от чёрной краски, не сочетавшейся с гламурным маникюром – нежно-коралловым.

– Ногти срезали, прежде чем откатывать? – голос зампрокурора снова построжал.

– Да-да, – Февралёв развеял начальственные сомнения. – Как полагается, Александр Михайлович. Сначала срезы, потом – дактилоскопия, чтобы содержимое ногтевых пластин красителем не забить.

– Молодцы. Ещё чего изъяли?

– В складках одежды войлочный пыж нашли и картонную прокладку, а под трупом – несколько дробинok диаметром пять миллиметров.

– То есть, стреляли «пятёркой»?

– Нет, – из дальнего угла подал голос прокурор-криминалист Оладын, – у «пятёрки» диаметр – три миллиметра.

Здесь крупная дробь. От двух до четырёх нулей.

Кораблёв охотником не был, в спецификации боеприпасов разбирался очень приблизительно, услышанное принял к сведению.

– И кого такой дробью промышляют? – спросил для расширения кругозора.

– Крупную птицу навроде гуся. Лису. Косулю даже можно убить, – Оладьин встал с корточек, сморщился, массируя поясницу, затёкшую от сидения в неудобном положении.

В отличие от большинства сотрудников областной прокуратуры он был некичлив, охотно помогал в сборе доказательств. Обличье имел не сановное – низкорослый, с покатыми плечами, кривоногий, кучеряво-чернявый. В компании не обижался на прозвище Футболист, объясняемое привычкой при ходьбе пинать всё, что попадалось под ноги.

– Кровяной след обуви имеется. Краса-авный отпечаток! Протектор кеды «Made in China». Стопудово след злодея, – криминалист сообщил с довольным видом.

– От обуви они, скорее всего, избавятся, – не стал обнадеживать Кораблёв. – Пальчики бы вот их найти.

– С этим предвижу проблемы. Кирилл не успел вам доложить – надыбали ещё следы матерчатых перчаток. Такие с пупырышками, хозяйственные. На дверце шкафа, на подоконнике и на сейфе. По ходу, злодеи в перчатках орудовали! Тем не менее, мероприятие номер один – проверка изъ-

ятых пальцев по «Адис-Папилоу»¹³⁹. У меня ноутбук с собой, сейчас экспертизу набыю, закину в ваше ЭКО. Просьба, Александр Михайлович, озадачьте коллег, пускай немедленно возьмут в работу.

– Сделаем, Виталий Иванович, – в ходе обсуждения ходов по раскрытию особо тяжкого преступления муторный осадок от поездки в область незаметно рассеялся.

Возникла иллюзия, будто события первой половины дня – черновик. Разве могут они по значимости сравниться с настоящей следственной работой? С поиском убийц?

Не откладывая в долгий ящик, Кораблёв позвонил Птицыну. Тот сдержанно поздоровался, на просьбу напрямч экспертов выдал свою коронку: «Нет проблем», одобрил предложение в восемнадцать часов провести рабочее совещание. Саша отметил, что обычно приветливый с ним полковник нынче казённо сух.

«Что ж, реакция адекватная. Львовичу есть от чего загрузиться. Наверное, Сомов ему в цветах и красках расписал, какой шабаш на коллегии творился. Мягко говоря, некомфортно исполнять служебные обязанности, когда над твоей башкой Дамоклов меч повис».

Проём входной двери забаррикадировала тушистая пенсионерка.

– Где... уф... подписать? – спросила одышливо.

¹³⁹ «Адис-Папилоу» – автоматизированная дактилоскопическая информационно-поисковая система.

Кораблёв взмахом руки, как регулировщик на перекрёстке, указал направление движения:

– К следователю подойдите, пожалуйста. Он прочтёт вам протокол.

– Вы знаете, товарищ начальник, некогда мне тут выслушивать. Давайте... уф... подпишу! Я вам ве-ерю...

– А где вторая понятая, Алексей? – забеспокоился Февралёв.

Участковый разлепил нитевидные губы. Над этим субъектом в капитанских погонах никакой меч не висел, он был кислым по фактуре.

– Вторая не пошла, ей ребёнка не с кем оставить. Сказала: «Вам надо, вы и приходите, подпишу».

Кораблёв дёрнул щекой: «Действительно, девиз России – хотели, как лучше, получилось, как всегда».

Переигрывать ситуацию с понятыми было поздно. И акцентировать внимание на загвоздке нельзя, лучше промолчать. Возможная проверка законности следственного действия судом маячила в неопределённом будущем.

«Убийство ещё надо поднять! К тому времени бабулька сто раз успеет всё забыть!»

Лицо участкового Зыкова застыло трагической маской:

– Мне долго тут торчать? Я, вообще-то, без обеда.

– И мы также, – легонько отбил выпад Кораблёв.

Прошлые бодания Зыкова с прокуратурой завершились привлечением его к дисциплинарной ответственности. По-

сему капитан счёл необходимым отмолчаться.

Крадущимся шагом приблизился Февралёв, заговорщически зашептал на ухо:

– Александр Михайлович, раненая директриса знает, чья жена?

Следователь распространял густое облако цитрусового одеколона.

– Чья? – не выносивший агрессивной парфюмерии Кораблёв увеличил дистанцию.

– Главного архитектора Левандовского, которого за взятку арестовали.

Саша равнодушно пожал плечами. Взаимосвязи он не увидел. Анестезия прошла, и вновь его обуяла тревога по поводу жёстких указаний, спущенных прокурором области. Как ни крути, а придётся их выполнять!

26 мая 2004 года. Среда.

09.00–10.15

В отличие от Кораблёва, вяло отреагировавшего на фамилию одной из жертв нападения на Фонд жилищного строительства, процессуальные противники по делу Левандовского напряглись. В роковом совпадении каждая сторона узрела свою тактическую выгоду.

Наутро следующего дня адвокат Сизов принёс в прокуратуру ходатайство об изменении меры пресечения его подзащитному. Аркадьич, не вникая в суть, наложил дежурную резолюцию: «Приобщить к УД¹⁴⁰». Накануне отпуска он взял за правило не накапливать на столе бумаг.

Документ прошёл регистрацию и через полчаса попал в руки следователю.

Самандаров молниеносно выдал звонок адвокату:

– Ростислав Андреич, крайне удивлён вашему бюрократическому стилю работы. Бумажку в канцелярию закинули, и трава не расти? А как же личное общение? В связи с вчерашними событиями имею к вам деловое предложение.

– Я не знал, что вы так оперативно отреагируете, Рафаил Ильич, – Сизов наострил чуткое ухо, пытаясь определить, куда дует ветер. – Что, прямо сейчас меня примете? Замеча-

¹⁴⁰ УД – уголовное дело.

тельно. Через пятнадцать минут я у вас.

Он прибыл раньше, памятуя о правиле – куй железо, пока горячо. Числясь в штате центральной консультации, Сизов дислоцировался отдельно, в шаговой удалённости от прокуратуры и суда.

– Разрешите? – в притвор просунулась блестящая лысина.

Адвокат мог и не изображать угодливости, зайти нормально, но он привык лицедействовать и каждое слово, каждый жест подчинял образу, в котором пребывал в настоящий момент.

Профессиональный рейтинг Сизова достиг заоблачных высот. Расчётливый, шустрый, как электровеник, коммуникательный, отлично разбирающийся в текущем законодательстве, он доставлял массу хлопот следствию. Возникал в каждом резонансом деле, где клиент был платежеспособен.

Когда Самандаров работал в милиции, Сизов попил у него крови по бандитским делам. Обоих отличал взрывной характер, один из конфликтов чудом не закончился рукопашной, предугадать победителя в которой было сложно. И тот и другой спортивную подготовку имели на уровне.

Выведенный из себя беспардонностью адвоката, Рафаил вздумал раскопать, за какие же грехи того вытурили из военной прокуратуры. Направил запрос в Наро-Фоминский гарнизон. Из полученного ответа следовало, что майор юстиции Сизов уволился по собственному желанию. Ежу понятно, что за год до выслуги сотрудники по-хорошему на граж-

данку не сваливают. Слишком тяжело даётся прокурорская пенсия, чтобы махнуть на неё рукой на финише. Экс-коллеги шепнули Сизову про интерес, проявленный к его персоне подразделением по борьбе с оргпреступностью. Адвокат примчался в РУБОП с разборками, учинил скандал, на каком основании копаются в его частной жизни, грозил жалобой. У Рафы хватило разума сдать назад. Перейдя в прокуратуру, он не раз порывался прищучить рьяного адвокатишку, гадившего, как дюжина обычных, но всегда его осаживал Кораблёв, противник открытых военных действий.

Многие отличали незаурядное внешнее сходство Сизова с бардом Розенбаумом, только в миниатюре. Так же, как и brutal Александр Яковлевич, Ростислав Андреевич, облысев, брил череп наголо. Его казацкие вислые усы аналогично порыжели от заядлого курения. Задушевный баритон адвоката имел похожий хриповатый тембр. И одевался Сизов, как артист, стильно и дорого. Наряжаться ему было с чего, бабло он поднимал неслабое. Да что там одёжка? Двухэтажную хоромину возвёл он по соседству с УВД и Христорождественским собором.

– Почему не предупредили, что ФСБ будет? Я бы сухарей насушил заранее, – обнаружив в кабинете Яковлева, Сизов театрально ужаснулся.

В следующую секунду он уже хвастался белоснежной протезированной улыбкой:

– Здравствуйте, господа!

Приветствием ограничился словесным. Совать руку воздержался, дабы не попасть впросак.

– Господа в Париже, – смурной Яковлев ответил цитатой из «Собачьего сердца».

– И мы с супругой туда в июне собрались, – жизнелюбиво поведал адвокат. – К делу? А то в десять тридцать у меня судебное у Глазова.

Фээсбэшник, разумеется, не случайно оказался в нужном месте в нужное время. Сценарий действий они с Самандаровым выработали в соавторстве. Штурмовщина наложила на обоих заметный отпечаток. Яковлев осунулся, почернел, у плохо выбритого Рафы слезились воспалённые глаза. Но настрой они демонстрировали боевой. Знали – обратный ход заказан. В особенности Яковлеву. По факту утраты валюты, полученной им для проведения оперативного эксперимента, управление начало служебную проверку.

– Ростислав Андреевич, мы готовы войти в положение Левандовского. Жена всё-таки у него пострадала, не чужой человек, – следователь заговорил по-бульдозерному напористо. – Признайте вину, выдайте деньги, и мы свозим его в больницу. Пусть пообщается с супругой. Кто знает, как оно обернется. Законом, конечно, не предусмотрено, но я, так уж и быть, пойду на нарушение, а Тимур Эдуардович обещает любезно выделить сотрудников и транспорт.

Сизов озабоченно сморщил загорелое лицо:

– А как же моё ходатайство? С учётом чрезвычайности

ситуации я ставлю вопрос об освобождении клиента. Ему сейчас необходимо заниматься спасением жены. Лекарства доставать, решать вопрос по переводу в Москву в хорошую клинику...

– Она в реанимации, нетранспортабельна, какая на фиг Москва?! – резкостью выпада Яковлев выдал силу натяжения нервов.

– Разрешите, я отвечу Ростиславу Андреевичу, – следователь не хотел, чтобы переговоры обернулись сварой. – Ходатайство ваше я рассмотрю в установленный законом срок. У меня трое суток.

– Ну-у, – гримаса адвоката сделалась страдальческой, словно он лично испытывал острую физическую боль. – Какие трое суток? Это неприемлемо...

– Вы только сами решение не принимайте. Передайте наши слова Левандовскому. Пусть он выскажется, – Рафа гнул своё.

– Разумеется, передам, но, боюсь, меня он всерьёз не воспримет. С ним лучше вам пообщаться, – адвокат понимал щекотливость момента.

Самандаров по таким поводам не комплексовал:

– Давайте мы поговорим, но в вашем присутствии. Чтоб он наши слова, как давление, не воспринял.

– Когда?

– Прямо сейчас! Я на колёсах, стоняем в ИВС, за полчаса управимся.

Сизов глянул на циферблат понтового хронометра, который носил браслетом на волосатом запястье. Прикинул запас времени.

– Только если не тянуть резину.

В этот момент у него на поясе в чехольчике взорвался бурной полифонией мобильник.

– Жду на улице, – объявил адвокат, извлекая телефон и покидая кабинет.

– Так, компьютер выключать не буду, – следователь крутнулся на креслице к сейфу, повернул торчавший в скважине замка ключ, подёргал ручку. – Полетели!

– Рафаил Ильич, – фээсбэшник притормозил его, – полагаю, разговор следует провести без меня.

– Почему? – Самандаров, реактивно обежавший стол, на ходу подхвативший дипломат, изумился.

– Вы – процессуальное лицо, я – оперработник. Топорно получится, – объяснения не выглядели убедительно.

Действительную причину Рафа разгадал. Комитет, как обычно, прятался за чужие спины. Если подозреваемый вздумает накатать жалобу, отписываться придётся следствию.

– Могу и один, – Самандаров прошёл рубоповскую школу, где по одному месту ладошей гладить не привыкли.

Нынешнее сотрудничество с фээсбэшниками он записывал себе в актив. Полезная дружба! В условиях крепнувшей вертикали власти контора стремительно набирала прежнюю

мощь. Недавно в правоохранительных и судебных органах появилась практика при назначении на руководящие должности запрашивать отзыв ФСБ. Отрицательный мог зарубить карьеру на корню.

Тут снаружи расстался бесцеремонный стук.

– Кто там? – Рафа подбежал, дёрнул на себя дверь. – Вам кого, женщина? – вопрос он адресовал валко перешагивавшей через порог крупногабаритной тётке.

– Мне к старшему следователю Сандарову, – женщина пихнула под нос хозяину кабинета мятую бумажку.

– Самандарову, – поправил Рафа.

– Написано Сандарову, – тон посетительницы был непреклонен.

Следователь пробежал глазами по повестке, заполненной его неразборчивым почерком. Зачем была вызвана на десять утра эта гражданка, он не помнил.

– По какому вопросу?

– Вызываете и не знаете?! – обрадовалась женщина. – Работнички! Я – Вахрамеева! Дверь у меня подожгли осенью! Вы должны расследовать!

Самандаров вспомнил. Возгорание в общежитии на улице Муромской. Он проводит проверку в отношении ментов, отказавших материал за малозначительностью. В рамках кампании по борьбе с укрывательством ему тоже нарезали делянку. Площадью поменьше, чем другим следакам, но всё равно её нужно было возделывать. Само не рассосётся. Рафа

рассчитывал на Алискину помощь, но стажёрка отпросилась для защиты диплома. На целую неделю, блин!

Отсутствие под рукой ассистентки вызывало ещё одно неудобство. В условиях аврала работоспособность Рафиного организма поддерживалась за счёт высокого уровня тестостерона в крови. Побочным явлением было дикое половое возбуждение при невозможности быстрой разрядки. Домой Самандаров возвращался за полночь, временем для свидания даже по самой ускоренной программе не располагал, а подруги, которая примчалась бы на полчаса чисто ради секса, он сейчас не имел. Правда, и лису Алису в последнее время развести на перепихон удавалось всё труднее. Дело шло к разрыву по знакомой схеме. Рафаил не печалился, свет клином на этой девчонке не сошёлся.

– Подождите, пожалуйста, – следователь прошмыгнул в щель между объёмным туловом Вахрамеевой и дверной коробкой, – буду через пятнадцать минут.

Сунул ключ в замочную прорезь, вспомнил, что внутри остался фээсбэшник, отворил, нервически посмеиваясь:

– Чуть Тимура Эдуардовича свободы не лишил. Извиняюсь...

– Барда-ак! – посетительница громогласно охарактеризовала состояние трудовой дисциплины в межрайпрокуратуре. – Сами вызывают и сами убегают черти куда!

Самандаров, не прощаясь с Яковлевым, стреканул по коридору к запасному выходу. С трудом вписавшись в правый

поворот, саданул дипломатом по стене, чёртом выскочил на заднее крыльцо. Там уже нервничал Сизов, добивал до изжёванного фильтра сигаретку.

В дороге адвокат, попросив не обижаться, заметил, что уровень комфорта в «гольфe» на уровне трактора и хуже даже, чем в классике ВАЗа. Ещё он скромно сообщил, что берёт «Audi A6» прошлого года выпуска.

– У богатых свои причуды, – с плохо скрываемой завистью процедил сквозь зубы следователь.

Он припарковался на обочине улицы Ворошилова. Крохотная стоянка возле УВД была битком. С недавних пор во двор стали пускать лишь служебный транспорт да авто главных начальников. На отвороте с Ворошилова до КПП в шахматном порядке установили железобетонные блоки. Они понуждали водителей снижать скорость до минимума и рулить змейкой. Протаранить ворота с разгона сделалось невозможным. Милиция всё больше походила на осаждённую крепость. Труднее всего попасть за периметр ограждения стало законопослушным обывателям.

Следователь и адвокат миновали вахту беспрепятственно. Постовой, разбиравшийся с многочисленными гражданскими, на них не обратил внимания.

Минуту удалось сэкономить благодаря открытой калитке во дворик ИВС. Не пришлось давать кругаля через дежурку. Изолятор в нарушение всех мыслимых норм располагался в цокольном этаже здания. Дорогу вниз преграждали три

металлические решётчатые двери. Первая днём не закрывалась. У второй Рафаил нажал кнопку звонка. Давил, пока из подвала не откликнулся медвежий бас:

– Кто-о?!

– Самандаров, прокуратура! – привычно выкрикнул Рафа. Щёлкнул замок, управляемый дистанционно.

– Захлопните там за собой! – гаркнул дежурный.

До такого, чтобы «решка» закрывалась автоматически, технический прогресс не дошёл.

Белобрысый лопухий увалень дежурный встречал почти-точно:

– Здравия желаю, Рафаил Ильич.

– Здоров, Володя!

Не присаживаясь, следователь нагнулся к столу и бегло заполнил требование на вывод. Прапорщик, заполучив в руки четвертушку бумаги, застыл, сисясь в неряшливом пункте прочесть фамилию. Заглавная буква могла быть, как «П», так и «Л». Разгадать шараду удалось с помощью дедукции. Арестованных на «П» за Самандаровым не сидело. Своей рукой милиционер проставил на листке дату и точное, с минутах, время вывода. Суперзанятой следователь такими мелочами не заморачивался.

Адвокату дежурный предложил сдать сотовый телефон. Тот выложил «Samsung» последней модели с большим экраном. Прапорщик бережно переместил его в выдвижной ящик стола.

По уму аналогичной процедуре надлежало подвергнуть и Самандарова, но он входил в узкий круг авторитетных сотрудников, которым дозволялось нарушать правила.

Впрочем, и с адвокатом вопрос был решён формально. Сизов имел при себе ещё раскладушку «Nokia».

ИВС располагал двумя допросными кабинетами. Один был разбит перегородками аж на четыре клетки. В каждый отсек было втиснуто по маленькому столику и по паре лавочек-коротышек. В часы пик здесь стоял вокзальный гул. Пресловутую тайну следствия и психологический контакт с обвиняемым тут не праздновали. Процесс напоминал суетный конвейер, на дёргано ползущей ленте которого ремесленники от Фемиды (в большинстве малоквалифицированные) наспех клепали дела по фактам уголовной бытовухи.

Другой кабинет, на два рабочих места, казался на контрасте просторным. Его стремились занять в первую очередь. Меблировка тут тоже была убогая, но всё-таки не кустарного изготовления. Два шатких стола габаритами с ученическую парту, по сторонам каждого – по табурету, привинченному к бетонному полу. Стены выкрашены масляной краской болотного цвета, бугристый потолок закопчён. Под ним проходил громоздкий жестяной короб принудительной вентиляции. Когда её включали, помещение наполнялось ужасным гулом, и тогда разговаривать можно было исключительно на повышенных тонах. Сейчас вытяжка не работала, и влажный воздух отдавал подвальной затхлостью. Густо настоявшиеся

запахи пота, немых тел, грязной одежды, дешёвого курева и ветхой канализации создавали тяжёлый букет. Специфичной душистости добавлял пищеблок, где разогревали неприязательную еду, доставляемую арестантам из столовки второй категории.

Заскочив в допросную, Самандаров плюхнул на стол дипломат, потёр пальцем отметину побелки на покарябанном боку.

В недрах изолятора гремело казематное железо. Отрывисто лязгнула дверь, бас возвестил: «Левандовский, на выход к следователю».

Сизов подждал клиента в коридоре, демонстрируя сердечное участие в его многострадальной судьбе.

– Здравствуйте, Валентин Юлианович. Как самочувствие? Проходите сюда.

Самандаров, невольный зритель бесплатного спектакля, язвительно хмыкнул. Сарказм, однако, придержал. Как ни крути, а пришёл он в качестве ходатая.

Архитектор явился нахохленный, шаркающий домашними шлёпанцами, но не раскисший морально. В спортивном одеянии он ещё больше смахивал на шкета. Ноги в трико казались варёными макаронинами. Утлое тельце, плечики вывернуты вперёд. Раньше чиновника визуально увеличивал пошитый на заказ костюм. Косматые брови насуплены, меж ними – суровая вертикальная складка. Если остро заструганный пук волос на подбородке заменить длинной бородой,

ему впору сниматься в римейке «Руслана и Людмилы» в роли злобного карлы Черномора.

В руке Левандовский держал свёрнутую в рулон тетрадку. В нагрудном кармане олимпийки виднелся колпачок шариковой ручки. С момента задержания ею конспектировалась каждая беседа со следователем и операми. Самандарову это, конечно, играло на нервах, но он крепился, не имея возможности запретить. Не здороваясь со следователем, архитектор плюхнулся на стул. Разрешения не спросил.

Рафаил и эту демонстрацию вытерпел. Цель своего визита он зарядил в лоб, без околичностей. Продублировал предложение, четверть часа назад озвученное Сизову.

Клиновидное лицо Левандовского сделалось скорбным. Собственно, это не лицо уже было, а – лик! Не махровый взяточник сидел напротив Самандарова, а великомученик, страстотерпец.

И фразу он выдал под стать личине:

– Креста на вас нет!

– И никогда не было! – Рафа издевательски заржал в ответ. —

Партбилет вот дома лежит целехонький. Разговор, как я полагаю, закончен? Ну, было бы предложено... Нет, так нет. Двигайте назад на шконку! У меня других дел навалом.

Сизов всем корпусом подался к клиенту:

– Валентин Юлианович, обсудим нашу позицию отдельно?

Архитектор, закинув одну тоненькую ножку на другую, выставив жало коленки, отвернулся к стене, прожигал её угольным гневливым взором, наигрывал желваками.

Самандаров хотел из принципа вернуть жулика в камеру со словами: «Хотите беседовать, гражданин адвокат, пишете требование, пусть по новой выводят». От выходки, которая выглядела бы мелкой пакостью, удержала примирительная фраза Сизова.

– Рафаил Ильич, разрешите, мы поговорим, а я потом позицию Валентина Юлиановича изложу дословно. Вопрос делика-атный...

– Ваше право, – ответил следователь как можно безразличней.

Криво висевшая на петлях дверь кабинета скрипуче поползла наружу, образуя щель. Самандаров, будто в прятки играя, притаился в коридоре за стеллажом, наострил слух. Но и адвокат родился не вчера. Сунув в притвор сложенную бумажку, заклинил дверь.

Хитрый Рафа подмигнул наблюдавшему за ним дежурному, как ни чём не бывало подошёл к столу.

– Пушай похрюкают, Володь, я к себе поехал.

Милиционер отложил в сторону папку-скоросшиватель, на металлические усики которой он приготовился нанизать пробитое дыроколом требование.

– За вами Зятков сидит по сто тридцать первой¹⁴¹, – ска-

¹⁴¹ Статья 131 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за изнаси-

зал деловито-доверительно. – Он отказывается на вторую неделю оставаться. Говорит: «Следак выдернул, а не приходит». Не хочет баню на СИЗО пропускать.

Самандаров выругался. Закрутившись с архитектором, он забыл про насильника, вызванного для предъявления обвинения в окончательной редакции и ознакомления с делом.

После того, как год назад этапный день перенесли с субботы на четверг, работа в условиях ИВС затруднилась. Четверг целиком уходил на сборку этапа, его отправление автозаками¹⁴² на жэдэ вокзал и приёмку новых пассажиров. Под шмон занимались все помещения изолятора, в том числе, допросные. Следователей в трюм не пускали до семи вечера.

Таким образом, один из пяти рабочих дней вылетал напроочь. Добросовестный следователь мог навестить ИВС и в выходные, но без защитника делать там ему было нечего. А их сиятельство адвокат в личное время пальцем не шевельнут, разве только за серьёзные бабки.

Нахождение арестованного в изоляторе закон ограничивал десятью сутками в месяц. От безысходности прокуратура шла на нарушения. Практиковали оставление на вторую неделю. Делалось это с письменного согласия двух лиц – самого жулика и зампрокурора Кораблёва.

ИВС входил в структуру милиции общественной безопас-

лование.

¹⁴² Автозак – грузовой автомобиль, оборудованный для перевозки лиц, заключённых под стражу.

ности. По логике его следовало верить Хоробрых, но Саша убедил Аркадьича оставить надзор за изолятором за ним. Лишний геморрой, но что поделаешь? Спихнёшь участок на Органчика, тот быстро парализует и без того малопродуктивную работу следствия. Ещё не забылся случай, когда Хоробрых, работая в облаппарате, приехал в Острог с проверкой и едва не спалил камерную агентуру, начав публичное разбирательство, на каком основании она туда водворена.

– Блин, и поговорить-то с этим уродом некогда! – Самандаров кусал губы. – Люди вызваны, ждут...

– Рафаил Ильич, давайте я с Зятьковым побазарю, – прапорщик Володя рад был потрафить уважаемому человеку. – Тоже мне умник выискался. За «пушнину»¹⁴³ сидит, а бла-тует!

– Это будет здорово, Володь, – обрадовался следователь. – А я вечером обязательно заскочу и разъясню ему политику партии и правительства. На крайняк, можно будет организо-вать помывку?

– Да, без проблем. Я в пятницу ночь дежурю. Согрею ведро, выведу его по-тихому в «один-три», там пока ремонт. Пусть муде свои полощет. Хотя, я бы таких гондонов кастри-ровал, – дежурный излагал, параллельно разбираясь с хитрыми замками решётчатой двери.

– Не говори-ка, – Самандаров поддакнул и ринулся вверх по пролёту, прыгая через ступеньку.

¹⁴³ «Пушнина» – изнасилование (жарг).

Уже скрывшись из виду, крикнул:

– Не закрывай, Володь, тут одна девушка симпатичная к тебе в гости идёт!

– Комплимент, – сдержанно улыбнулась спускавшаяся по лестнице милицейская следачка Полякова.

Она сменила имидж и теперь косила под готессу. Вся в чёрном, облегающем, причёска цвета воронова крыла с отливом, бледное лицо, тёмная подводка вокруг глаз и агрессивная чёрная губная помада.

«О! Может, Светку в гости позвать?! Она сейчас в активном поиске», – мелькнула в Рафиной голове мыслишка.

Развить её на коротком отрезке от И ВС до ворот не удалось. В нагрудном кармане забесновался мобильный. Самандаров выдернул его, глянул на экран и снова заругался.

– Блин-блинский! Да что за день такой! Слушаю вас! – крайнюю фразу выдал в трубку с одновременным нажатием кнопки приёма вызова.

– Алло! Это пластиковые окна! – звонивший перекрикивал разухабистый блатяк группы «Бутырка». – Мы приехали, а у вас дома никого нет!

– А сегодня какое число? – Рафаил всё понял, но решил включить Дурака.

– Чего?! Не слышу! Щас я потише сделаю...

– Число, говорю, какое?

– Двадцать шестое мая.

– А мы разве на двадцать шестое забивались?

– Да-а. Вот у меня в наряде записано. На десять утра. Так чего нам делать?

– Секунду, – Самандаров отнял телефон от уха, бочком протискиваясь через турникет КПП.

Намерзнувшись зимой, выдавшей рекордно морозной, он решил заменить щелястые деревянные рамы в квартире на пластиковые стеклопакеты. Заказ оформил в начале апреля.

«Растянули на два месяца! – Рафа быстро нашёл виновных в накладке, – Как тут упомнишь?!»

– Вы хотя бы предварительно позвонили, что ли! – предъявил он мастеру. – А вдруг я заболел или умер?

– Надо было, – с неохотой согласился мужчина. – Ну, чего нам делать-то?

– А если сегодня у меня не получается, тогда как?

– Тогда мы составим акт об отсутствии заказчика в адресе и увезём продукцию на склад. Вам нужно будет в офисе согласовать новую дату установки. Не раньше середины июня получится. Заказов – море. И ещё это, вы оплатите повторную доставку, раз мы по вашей вине катаемся.

– М-м-м, – раздражённо мычал Рафа.

Как назло, ещё верный «гольфик» закапризничал, отказывался заводиться.

Перед глазами всплыла разъярённая физия гражданки Вахрамеевой, наверное, уже высаживающей плечом дверь его кабинета или катающей гневную жалобу на имя проку-

рора области.

– Пять минут подождите, я приеду! Давайте занесём всё в квартиру, чтоб второй раз не мотаться, а по установке я с вашим начальством договарюсь.

– Хозяин – барин, – интонация мастера оставалась равнодушной.

Самандаров с завистью подумал, как хорошо иметь работу, на которой не калечишь нервную систему.

26 мая 2004 года. Среда.

10.00–18.00

На розыск пропавших денег Яковлеву отвели неделю. Докладывать пока было не о чем. Обысковые мероприятия и допросы дали нулевой результат. Майора точила мысль, что он ошибся, сузив круг вероятных пособников Левандовского до двух человек. Если он изначально пошёл в ложном направлении, настоящему сообщнику, из поля зрения выпавшему, ничего не мешало спокойно замести следы.

Когда отчаяние достигало критической отметки, Яковлев встряхивался, сжимал кулаки, стискивал зубы и приказывал себе бодаться дальше. Анализировал сделанное, раскладывал по полочкам добытую фактуру.

Продолжалась отработка ближайших связей коррумпанта.

Наталья Викторовна Шаталова, главный специалист управления архитектуры, по совместительству приходилась Левандовскому любовницей. Холёная сорокалетняя мадам обладала приятной полнотой и незаурядным бюстом, заставлявшим трещать по швам кот-тон блузы.

В образе рафинированной дамы Наталья Викторовна пребывала недолго. Час беседы, и она обернулась рыдающей в три ручья бабой. Здоровые крестьянские корни, видимо, и

объясняли природу её шестого размера.

Сподвигнуть Шаталову на признание любовной связи с архитектором помогли эсэмэски в изъятом у него телефоне. Сохранённая переписка носила весьма пикантный характер.

Неосмотрительность Левандовского позволила оставить за кадром формы и методы оперработы. В течение трёх месяцев фигурант находился под техникой. Подробности его личной жизни, в том числе, нежные отношения с подчинённой, невольно обнажились. Голубки много ворковали по телефону, договаривались о тайных свиданиях, происходивших, как правило, на квартире подруги Шаталовой. Эпизодически ездили в мотель на трассе.

На обещания Яковлева в случае отказа от сотрудничества открыть глаза обманутому мужу распухая от слёз Наталья Викторовна сокрушённо вздыхала: «Если вам совесть позволит». Функция «совесть» у майора при исполнении служебных обязанностей отключалась автоматически. Но он ещё не утратил надежды извлечь из пышногрудой специалистки практическую пользу. Поэтому её рогатого супруга беспокоить до поры не стал.

Тем более, что все телефоны Шаталовой были поставлены на технический контроль. Санкции на проведение ОТМ¹⁴⁴ майор получил также в отношении заместителя Левандовского.

Борис Дмитриевич Темляк оказался крепким орешком.

¹⁴⁴ ОТМ – оперативно-технические мероприятия.

Пока проводились неотложные обыски, пока архитектора крутили в надежде кольнуть «по горячему», пока каждые полчаса отчитывались перед управлением, работа с Темляком шла по остаточному принципу. Его поручили лейтенанту Гайдуку. Распределяя в пожарном порядке людей, Яковлев съюморил: «Фамилии у вас обоих казацкие, глядишь и споётесь».

Лейтенант добросовестно задокументировал позицию Темляка: «Валентин Юлианович – компетентный руководитель и порядочный человек». Благодаря своей молодости и причёске с хвостиком оперативник не воспринимался свидетелем всерьёз. Оправившись от растерянности, Темляк начал сперва острить, потом огрызаться, а под конец уже и откровенно хамить. Ночью пришлось его отпустить, обязав явкой на следующий день.

В назначенный час Темляк прибыл с адвокатом. Проходить один в здание отдела УФСБ отказывался.

Яковлев бросился названивать Кораблёву. Тот пояснил, что новый УПК позволяет свидетелю являться на допрос с адвокатом.

– Так то на допрос к следователю. А у нас просто беседа, – майор искал у надзорного органа поддержки.

– Аналогия, – не в его пользу рассудил Кораблёв, после чего спросил. – Они где сейчас?

– Внизу на вахте.

– И какие у тебя варианты, Тимур? Адвоката отсечь, а

Темляка затащить за хибок? Скандал получится... Кто хоть адвокат?

– Догадин Владимир Николаевич, – комитетчик прочёл запись, сделанную минуту назад в ежедневнике. – Как он?

– В принципе, нормальный дядька. Не говнистый. Но помогать не будет.

Разговор в присутствии адвоката оказался холостым. Каждый довод Яковлеву приходилось стерилизовать. На ум пришло сравнение – всё равно, что объясняться девушке в любви в присутствии её бдительного папы.

Прижать Темляка было нечем. При обыске в его рабочем компьютере нашли порнуху. Морщась от недовольства собой, майор всё-таки накинул эту откровенно гнилую тему. Угроза сообщить о его хобби главе администрации Темляка не напугала.

– Огласка, конечно, нежелательна, – он выразительно поднял домиком брови и наморщил высокий лоб. – Но если долг обязывает ФСБ разоблачить эротомана предпенсионного возраста, как я могу помешать?

Адвокат Догадин, похожий на интеллигента из пьесы Чехова, оглаживая седоватый клинышек бородки, многозначительно изрёк:

– Шантаж моего доверителя действиями, заведомо не образующими состава преступления, незаконен. Мы будем жаловаться.

Всё кипело у Яковлева внутри. Он решил, не сбрасывая

со счетов Шаталову, сконцентрироваться на Темляке.

Для начала вся горадминистрация узнает, что он на работе зырит порно. Доверенные лица для распространение инфы в коллективе имелись. Поручение они выполняют с толстым удовольствием. Причём новость будет подана так, будто извращенец любит голыми малолетками, а ещё лучше – балдеет от оргий педиков.

Это был элемент произвольной программы. В качестве обязательной планировался обыск по месту жительства Темляка. Под сурдинку следственного действия Яковлев хотел зарядить квартиру спецтехникой. Практика показывала, что по телефону люди редко говорят на интересующие следствие темы, а вот дома они чувствуют себя в безопасности и чешут языками напрапалую.

Получать разрешение на техническое мероприятие предстояло оперативникам, причём у председателя областного суда. На местном уровне Яковлев обращаться не хотел, обоснованно остерегаясь утечки. Вопрос с обыском должна была решить прокуратура, но Кораблёв замысла не поддержал.

– Какие основания следователю указать в ходатайстве? Что Темляк работает вместе с Левандовским и по пятницам они бухают в «Вип-клубе»?

– Я приложу бумагу о наличии оперативной информации, – майор настаивал. – Мы ведь уже делали так.

– Не по такому гнилому делу, Тимур Эдуардович. Давай лучше с полиграфом форсируй. Как там идут дела?

– Туго, Александр Михалыч. Ты нашу систему знаешь.

В понедельник Яковлев поднял в управлении тему проверки Левандовского, Шаталовой и Темляка на детекторе лжи. На следующий день получил отрицательный ответ. Квалифицированный полиграфист в штате имелся, но работал он исключительно с сотрудниками. И сам спец и его чудо-техника были засекречены.

Надо отдать должное руководству, оно не умыло руки. Начальник отдела экономической безопасности обратился к коллегам из УВД. Милицейский полиграфист активно практиковал по неочевидным преступлениям, загвоздка была в его загруженности. Очередь к нему стояла на месяц вперёд. Тем не менее, Яковлеву пообещали решить вопрос в ближайшие дни.

Внутрикамерная разработка фигуранта велась, но тоже в порядке экспромта. Подсобного аппарата в местах содержания под стражей контора не имела. Пришлось договариваться на личных связях. Замнач ИВС по режиму и оперработе Капустин, большой энтузиаст своего дела, был мужиком проверенным. Коммуникабельный Яковлев давно корифеился с ним.

И снова подножку поставил законодатель-чистоплюй. Квалифицированный «человек»¹⁴⁵ для работы по низу¹⁴⁶, недавно по дури угоревший за грабёж, рвался в бой. Знал,

¹⁴⁵ «Человек» – агент (проф. сленг).

¹⁴⁶ По низу – в камере (проф. сленг).

как скостить корячащийся ему срок. Но ранее он пять раз чалился, а закон запрещал содержать рецидивистов вместе с первоходами. Выдать агента за несудимого было нереально из-за специфической внешности – перебитый нос, партаки¹⁴⁷ по всему телу.

Для очистки совести Яковлев заглянул к Кораблёву, надзирававшему за изолятором.

– В порядке исключения, Александр Михалыч? – фээс-бэшник подпихнул рапорт, написанный кучерявым почерком Капустина.

Прокурорский оторвался от своих бумаг и с выражением процитировал вслух:

– «В целях предотвращения возможности суицида с/а¹⁴⁸ Левандовского прошу разрешить совместное содержание с ним р/с¹⁴⁹ Болгарина, положительно характеризующего...» Тимур Эдуардович, вы с Серёгой Капустиным на пару решили поиздеваться надо мной? Ты этого положительного видел?

– Конечно.

– От одного взгляда на него архитектора кондрашка хватит.

– Внешность бывает обманчива.

– Не пойдёт, – твёрдо сказал Кораблёв.

¹⁴⁷ Партак – татуировка (жарг).

¹⁴⁸ С/а – следственно-арестованный.

¹⁴⁹ Р/с – ранее судимый.

Фээсбэшник, не тратя время, двинул обратно в ИВС. Капустин придумал другой вариант. «Эксперта»¹⁵⁰ подтянул с воли и оформил по чужим документам, как ранее не судимого, предупредив, что этот кадр слабее Болгарина и горазд фантазировать. Но на безрыбье и рак рыба. За минувшие четверо суток агент по делу ничего не вызнал. Ладно, хоть настроение Левандовского освещал в подробностях.

– Психует. Мечется по хате. Ругает следака и гебистов, – докладывал агент, тайком поднятый из подвала в каморку Капустина.

Шумно отхлебнув из огромной чашки горячего чая, заботящего с яблочным вареньем, он затянулся сигаретой и продолжил с интригующей интонацией:

– На освобождение не надеется. Думает, что засудят по беспределу.

Про ранение жены архитектор узнал от адвоката в тот же день. В камеру вернулся ошарашенный, поделился горем. Пользуясь ситуацией, агент подкинул мысль идти в признанку, предварительно выторговав себе освобождение, а когда нагонят¹⁵¹, от всего отказаться. С понтом, оговорил себя, чтобы дали с жинкой повидаться.

Капустин испытующе смотрел на фээсбэшника, ждал оценки действий своего подопечного. Так себе был подходец, но Яковлев одобрительно кивнул.

¹⁵⁰ «Эксперт» – в данном контексте – агент (проф. сленг).

¹⁵¹ Нагнать – освободить (жарг).

Блудливые выцветшие глазки агента выдавали в нём мелкого мошенника, уровень которого – развод лохов. К данному разряду Левандовский точно не относился.

У находившегося в вынужденном простое Болгарина (псевдо – Братушка) была другая метода. Знаток воровских понятий, тёртый сиделец, он грузил клиента душераздирающими историями о порядках на СИЗО, куда арестованному вскоре предстояло убыть этапом. Живописал ужасы прессхат¹⁵², рассказывал, как авторитетные жулики приделывают насосы богатеньким Буратиным и насухо доят их, суля поддержку на тюрьме. Просвещал насчёт засилья ментов, способных на любую подлянку.

В вакууме информации такое радио, работающее двадцать четыре часа в сутки, зомбировало новичка, позволяло вить из него верёвки. Тем более, что времени у Болгарина, сидевшего под стражей на законных основаниях, было завались. Не то, что у агента, засунутого в камеру по «левому» факсу. Якобы один вологодский судья объявил его в розыск по своему делу. В пятницу «эксперта» нужно было выводить из разработки.

– Ничего, Братушка на СИЗО класс покажет, – подбадривал Капустин.

– Там в оперчасти нормальные пацаны, помогут.

¹⁵² Пресс-хата, прессы – камера в СИЗО, где содержатся подобранные администрацией учреждения арестованные, которые жёсткими незаконными методами склоняют к признанию вины помещённого к ним подследственного (жарг).

Яковлев соглашался, понимая, что по щучьему велению в областном следственном изоляторе ничего не устаканится. Надо будет ехать туда вместе с Капустиным, устраивать, чтобы архитектор попал в нужную камеру.

«Где на всё найти время?» – неэффективность трудоёмких мероприятий подтачивала надежду на успех.

Хорошо ещё, добровольный союзник Капустин фонтанировал идеями. Предложил узнать, о чём Левандовский трёт с адвокатом. Следственный кабинет ИВС был оборудован скрытой видеокамерой и микрофоном. Закон допускал визуальное наблюдение, но строго запрещал слушать разговоры подозреваемого с защитником.

Использовать прослушку в качестве доказательства по делу Яковлев не собирался. Его устраивала любая непроцессуальная подсказка, в каком направлении рыть.

По утреннему посещению изолятора Самандаровым и Сизовым Капустин отчитался незамедлительно:

– Только Рафа свалил, они бошками упёрлись и давай шуршать. Один другого перебивает, хрен поймёшь. Я сейчас ещё разик прокручу запись, разобрал пока: «цена неравная», «соглашаться нельзя». Это Ростик втюхивал, он ближе к микрофону сидел...

Цена неравнозначна, ежу понятно. Её озвучили, чтобы раскатать ситуацию. Рассчитывали – архитектор двинет встречное условие, подсказанное ему агентом. Признание вины – под изменение меры пресечения! Начнётся торг. Ле-

вандовский обязан проявить интерес к сделке. Навязываться нельзя ни в коем случае. Сизов просечёт слабинку следствия, заразит клиента упорством. Он, собака лысая, обладает даром убеждать. Главное, не мельтешить. Демонстрировать уверенность. Ситуация должна переломиться в ближайшие часы.

На удивление выдержанно вёл себя непосредственный начальник Яковлева. Напрасно не теребил, по мере возможностей амортизировал давление сверху. Вот только силы его иссякали. Накануне подполковник стал жаловаться на сердечко. Удручённо сообщил: «Если завтра не полегчает, поеду кардиограмму делать». Старик грамотно готовил почву для ухода на больничный. Возможно, решил перекантоваться в стационаре. Так уважительнее будет выглядеть причина его отсутствия на службе в трудный момент.

Главная ответственность за неудачу справедливо ложилась на Яковлева, но и начальнику отдела перепадёт обязательно. Выгово-решник зарубит присвоение очередного воинского звания, ради которого он на шестом десятке пошёл из областного центра в район, от семейного уюта – в запущенную съёмную квартиру.

Негативные последствия для себя Яковлев также просчитал. Со службы с учётом имеющихся заслуг не уволят. В должности понизят конкретно – до старшего или даже до простого опера. Утраченные деньги будут вычитать из зарплаты. Карьера накроется медным тазом. Намертво прикле-

ится ярлык неудачника. Потянутся годы унылого существования до минимальной выслуги. О переводе в большой город придётся забыть. Имеющееся звание окажется последним. Вечный майор с комплексом неполноценности... Если к пенсиону удастся не спиться, последует плавное перемещение из своего продавленного кресла в аналогичное в отделе режима механического завода. Там предстоит протирать штаны, пока не вынесут...

Такие перспективы страшили. Облажавшемуся подняться в их системе невозможно. Именно поэтому отыгрываться надо было сейчас. Пока не пройдена точка невозврата.

Мотивации для того, чтобы ударно вваливать, имелось предостаточно. Расслабиться с помощью национального способа Яковлев позволил себе однократно и не на людях. Дома сольно освоил флакон коньяку, курил на кухне за плотно закрытой дверью, шевелил возбуждёнными полушариями.

Крепкий алкоголь обострил их работу. Мелочи, казавшиеся на подготовительном этапе второстепенными, теперь резали глаз. Совсем ненапряжно ведь было припудрить конверт с деньгами порошком люминофора¹⁵³. По-любому, архитектор не в перчатках пихал взятку в пневмопочту. Поднесли бы к УФ-лампе¹⁵⁴ загребушие его ручонки и засветились бы они изумрудно. Хрен отпёрся бы заморыш, что ла-

¹⁵³ Люминофор – вещество, способное преобразовывать поглощаемую им энергию в световое излучение.

¹⁵⁴ УФ-лампа – ультрафиолетовая лампа.

пал меченые «зелёные»!

Спал комитетчик в ту ночь мало. Поднялся без труда, но каким-то отупевшим. Взбадривал себя старательно – разминка с эспандером, контрастный душ, особо тщательное бритье. Неожиданно разыгравшемуся аппетиту обрадовался. Есть контакт!

Жена, посвящённая в проблему в самых общих чертах, вела себя образцово. Банальное правило о важности крепкого тыла доказывало свою актуальность. Людмила переключила быт на себя. Жертвуя обедом, забирала ребёнка из школы, носилась за первоклашкой на такси через полгорода.

Каждое утро Яковлева ожидали отутюженные брюки, наглаженная рубашка, надушенный носовой платок и свежее бельё. Даже туфли в прихожей сияли, начищенные до блеска. Встречая и провожая, Люда дарила приветливую улыбку и поцелуй. Ни единого упрёка не проронила в связи с тем, что семья у супруга вдруг ушла на задний план. Как бы поздно муж ни возвращался, вставала с постели, разогревала ужин, накрывала на стол. Садилась рядом, в шутовском ключе пересказывала домашние новости, расспросами не терзала, затем нежно целовала, желала «спокойной ночи» и тихо удалялась в спальню.

«Ради них с Артёмкой обязан выкарабкаться!» – накачивал себя Яковлев.

По мере удаления от дня реализации число сотрудников, занимающихся делом архитектора, уменьшалось. Это было

закономерно. Нельзя долгое время концентрировать все силы отдела на одном направлении. Другие задачи по обеспечению государственной безопасности никто не отменял.

К середине недели по Левандовскому работали трое: сам Яковлев, старший опер Шульгин и оперуполномоченный Гайдук. По указанию начальства последний эпизодически отвлекался на свою линию борьбы с экстремизмом.

Ежедневно в восемнадцать ноль-ноль майор заслушивал отчёты подчинённых.

Гайдук сегодня развозил по банкам запросы о наличии у Левандовского, его жены и проживавшей с ними дочери-студентки денежных вкладов. Использование оперативника в качестве курьера Яковлева не устраивало, по своему профилю задач имелось выше крыши, но выполнять поручения следователя надлежало беспрекословно.

Именно Самандарову вскоре предстояло решить – собраны достаточные доказательства для предъявления обвинения, или подозреваемого нужно освободить из-под стражи.

Обнаружение сумм, превышающих официальные доходы корруп-панта, могло послужить решающим доводом для следствия. Хотя в наше время лишь полные идиоты легализуют деньги, добытые преступным путем, на депозитных счетах...

Витя Шульгин с раннего утра и до упора сидел «на ушах». Прослушивал фонограммы разговоров Левандовского, до которых прежде не дошли руки. Отсеивал производствен-

ную и бытовую шелуху, выискивал малейшие намёки на противоправную деятельность.

Также он слушал по «горячей линии» текущие переговоры Шаталовой и Темляка со всеми абонентами. Кабинетная муторная сидячка (занятие, на первый взгляд, ерундовое) изматывала постоянным напряжением.

Витьке с его поджелудочной приходилось вдвойне тяжело. Он питался по мудрёной схеме, соблюдая белковую диету, принимал ферменты и по часам делал себе инъекции инсулина. К вечеру выглядел, как изуверски выжатый лимон. Жёлтый, сморщенный и вялый. Пытался хорохориться, но получалось у него это бесталанно.

Яковлев, раздражённый пробуксовкой, злился на всех и на Витю в том числе. Однако сдерживался, умом понимая, что содержание контролируемых телефонных разговоров не от Шульгина зависит.

Повод докопаться майор всё-таки нашёл, завиноватив опера в пассивности. Ещё в понедельник был увезён в управление компакт-диск с оперативной съёмкой. С резолюцией руководства Яковлев отдал видео в техотдел для расшифровки невнятной фразы Левандовского в момент получения денег. Эти несколько слов могли прояснить многое.

Шли третьи сутки, а результата не было. Отговорок типа «им говорят, они не делают», Яковлев не принимал.

– Сколько раз ты звонил технарям, Виктор Палыч?! Два?! А надо было двадцать два! Здесь надо измором брать! Мы не

в частной лавочке, им заместитель начальника управления поручил! Объясни так, чтоб эти очкарики прониклись!

Предвидя повторение в конце дня беспонтового разговора с Шульгиным, майор понимал его неизбежность. Руководитель обязан добиваться исполнения поставленной задачи, как бы ему не обрыдло гавкать на подчинённого.

Витя опередил, прозвонился по внутреннему:

– Тимур, зайди срочно! По нашей теме базарят! – от возбуждения опер забыл субординацию и перешёл на жаргон.

– Что именно?! – пребывать в неведении минуту, требовавшуюся для восхождения на третий этаж, Яковлеву было невмочь.

– Шаталова с каким-то Олегом Геннадьичем сговаривается менять доллары!

Майор рванул из кабинета вон. Плечом высадив дверь, оставил её распахнутой, игнорируя правила внутриобъектового режима.

26 мая 2004 года. Среда.

18.15–19.10

Репутация не позволила Сизову покинуть зал сразу после объявления о переносе судебного заседания. Юркость защитника клиент воспринял бы как безразличие к его судьбе. Пришлось задержаться у «клетки», выдать пару ободряющих фраз, посулить до этапа решить вопрос с передачей, а по возвращении из СИЗО – навестить сидельца в изоляторе.

Круглые часы на стене показывали четверть седьмого пополудни.

Молодцова гнала дело в присущей ей манере, до последнего свидетеля. Знала, если томящихся в коридоре граждан перебить на следующую неделю, половина не явится.

У других судей уже в половине шестого конвоиры начинали ёрзать на стульях и демонстративно щёлкать наручниками. Им предстояло вернуть арестантов в ИВС, сдать их, разоружиться. Всё это требовало времени. Перерабатывать милиционеры не желали. Просьбы судей задержаться парировали доводом: «Будут платить, как вам, будем сутками впахивать». Не лишённый резона аргумент отдавал хамством. Проглатывая его, служители Фемиды подстраивались под распорядок конвоя. Только Молодцова игнорировала милицейские капризы.

Причина крылась в особом отношении руководства УВД к Евгении Марковне. Уважения она добилась давно, принципиально рассматривая дела о наиболее тяжких преступлениях. После назначения Молодцовой председателем суда её авторитет взлетел на заоблачную высь. Ссориться с ней было себе дороже.

Это понимали все участники процесса, в том числе, Сизов, безропотно дожидавшийся, пока их честь соизволят закруглиться. Внутри адвоката бурлила тревога. Застрыв в суде, он рисковал упустить зампрокурора Кораблёва, с которым намеревался серьёзно обсудить вопрос освобождения Левандовского.

Выпорхнув, наконец, истомившейся птахой на волю, Сизов устремился по Чапаева в сторону прокуратуры. Кабы не светлое время суток и не обилие прохожих на улице, перешёл бы на спортивную трусцу. По дороге наскоро выкурил сигарету. На финишном отрезке облегчённо перевёл дух. Фрамуга замовского окна была широко открыта, изнутри доносились голоса.

Перед дверью кабинета адвокат откашлялся, постучал согнутым пальцем по ручке и, не дожидаясь ответа, заглянул в помещение.

– Добрый вечер. Примите, Александр Михайлович? Буквально пять минуточек отниму.

Кораблёв, не поворачивая головы, сухо бросил:

– Скоро освобожусь.

– Буду ждать, сколько нужно, – Сизов, сама предупредительность, выставил вперёд ладонь.

Пользуясь паузой, он расслабленно вышел на крыльцо, где со вкусом закурил. Высмоленная на бегу сигаретка организм не насытила.

Визит адвоката дал Кораблёву благовидный повод закончить производственное общение с Борей Винниченко. На унылом закате своей следственной карьеры Борюсик стал невыносим. Великий путаник, косноязычный демагог и трудолюбивый неряха, он каждую ситуацию заводил в такие дебри, что волосы становились дыбом. Бревна в своём глазу Винниченко не замечал. Не соглашался, что пришла пора ему сменить род занятий на более безопасный для общества.

Сейчас он домучивал «сто пятую-вторую»¹⁵⁵. Единственная сложность дела заключалась в его областной подсудности. Тем не менее, Боря вновь замудрился, что повлекло продление срока следствия до десяти месяцев. За волокиту Винниченко заплатился пятнадцатью процентами квартальной премии. Кораблёву за ослабление надзора подрезали десять процентов. За трое суток до истечения срока Боря с грехом пополам завершил ознакомление с материалами дела. Это при том, что обвиняемых звали «Никак» и «Никто», а их положняковых¹⁵⁶ защитников – «Всё по барабану» и «По хрену

¹⁵⁵ Сленговое название части 2 статьи 105 УК РФ, предусматривающей ответственность за убийство, совершённое при отягчающих обстоятельствах.

¹⁵⁶ Положняковый – защитник, обеспеченный следствием (жарг). В просторе-

дрозды»!

Проверяя по диагонали многостраничное обвинительное заключение, Кораблёв исчерпал запас ненормативной лексики, отнюдь не бедный. Исправлял лишь явные несуразности. Много в тексте было нагромождено лишнего.

– Распечатай обвинилку четырнадцатым шрифтом через два интервала. Прямо сейчас! С утра на первой электричке дуй в губернию!

С недавних пор расследование дел облподсудности стало вдвойне геморройным. Основные процессуальные документы теперь согласовывались с вышестоящей прокуратурой.

Винниченко с треском поскрёб заросший подбородок, заодно взъерошил лохматые усы.

– Через два интервала? – прищурился недоверчиво. – Это сколько ж, Сашк, бумаги понадобится?

Кораблёв, не тратя время на выяснение, куда Боря дел пачку великолепной офисной бумаги, выданную ему в понедельник, сунул руку в стол. Ухватив стопку листов, протянул широким жестом.

– Держи и ни в чём себе не отказывай. Скажи там Сизову, пускай заходит, раз припёрся!

Грубая реплика в адрес адвоката была не более, чем камуфляж. В отсутствие свидетелей Саша встретил его вполне дружелюбно.

– Откуда такой воинственный, Ростислав Андреевич? –

поднялся из кресла.

– Наоборот, измученный. Из суда бегу, – Сизов быстро поставил на пол дипломат, заключая протянутую ему руку в две своих.

Рукопожатием «перчатка», символизирующим искренность и благие намерения, он удостоивал наиболее уважаемых лиц.

– Очередное дело нам разваливал? – с подколом улыбнулся Кораблёв.

– Какое там? Евгения Марковна слушает, она за красных. Мои вопросы снимает, а обвинению подсуживает. Не знаете, что ли, Евгению Марковну?

Саше показалось, что при упоминании имени-отчества председателя суда Сизов хитро подмигнул.

Кораблёв сделал каменное лицо. Лет пять назад после одной межведомственной посиделки, где все здорово накидались, у них с Молодцовой случился негаданный секс. Он, тогда холостяк и гуляка, был не против приятных встреч с женщиной бальзаковского возраста. Однако судья, протрезвев, отшила его, как цулика. Позднее, правда, намекала на возобновление отношений, но к тому времени конфигурация личной жизни у Саши изменилась. Он готовился по любви вступить в брак. Свободная, обеспеченная и приятная во всех отношениях Евгения Марковна нашла себе другого бой-френда. Кораблёв этого человека знал, тайно ему завидовал, а на Молодцову дулся. Хотя оснований для ревности имел ноль.

– С чем пожаловал? – хозяин кабинета направил разговор в деловое русло.

Адвокат моментально сменил шутливый тон на официальный:

– Прошу ускорить рассмотрение моего ходатайства. Конечно, у следователя на рассмотрение – трое суток, но нельзя ли, ввиду чрезвычайности семейных обстоятельств моего подзащитного, сделать исключение...

– Ничего не понимаю. Какое ходатайство?

– Об изменении меры пресечения Левандовскому. Я ещё утром отдал Эле в канцелярию. Вам разве следователь не доложил? – Сизов сделал большие глаза.

Кораблёв, напротив, прищурился. Не первый раз Самандаров, получая от прокурора важную бумагу, не удосуживался ставить о ней в известность курирующего зама. Отмазку он всегда выдавал одинаковую – загруженность. Новый факт неприятно уколол, но Саша не подал виду. Сизову не следовало знать об их внутренних отношениях.

– Ростислав Андреич, а попробуй-ка меня убедить, с какого перепуга я должен отпускать махрового взяточника, активно противодействующего установлению истины? Мы арестовали-то его с трудом. Друг твой Глазов в выходные вволю над нами покуражился. Заседание откладывал, капризничал, пальцы гнул...

– Станислав Владиславович блюдёт букву закона. Отложил заседание, чтобы собрать данные о состоянии здоровья

подозреваемого...

– Послушай, если я ещё замечу тебя в деле, которое рассматривает Глазов, дам помощнику команду заявить отвод. Ты, понимаешь ли, Ростислав, он – Станислав... Подозрительное созвучие!

Адвокат жизнерадостно хохотнул, давая понять, что шутка оценена по достоинству.

Отсмеявшись, просительно склонил голову к плечу:

– Может, Александр Михалыч, кофейком угостите?

Заядлый кофеман, он страдал без крепкой дозы чёрного растворимого, а лучше – молотого. Кораблёв имел аналогичное пристрастие.

– Давай хлебнём, – приподняв крышку, заглянул в электрочайник, щёлкнул коромыслом выключателя.

В Сашину бытность следователем Сизов частенько вечерами заглядывал к нему на огонёк. Попить кофе, подышать, потрепать за жизнь. При этом не халявничал, регулярно приносил банку разрекламированного «Nescafe» или какую-нибудь новинку типа «Jacobs» на пробу. Попутно – сахар, крекеры. Иногда выставлял на стол марочный коньячок.

После того, как Кораблёв пошёл на повышение, адвокат стал навещать его реже. Умный, он не хотел погубить отношения назойливостью и фамильярностью. По той же причине в одностороннем порядке перешёл на «вы». Элемент подобострастия в поведении человека, заметного на их орбите и старшего по возрасту, ласкал Сашино самолюбие.

В целом они общались приязненно. Каждый уважал в другом сильного спарринг-партнера. Сизов доставлял прокурорскому следствию много хлопот, но ниже пояса никогда не бил.

Иногда обоих заносило, они яростно цапались. В такие моменты Кораблёв за глаза называл адвоката «Лысым хером» и грозил напустить на него Самандарова, с рубоповских времён мечтавшего его порвать. Эмоциональный Саша быстро выпускал пар в свисток. Сизов, тоже мужик горячий, обуздывал себя рациональными соображениями. Первый шаг к примирению обычно делал он. В данный период они сосуществовали мирно.

Осторожно отхлёбывая густой обжигающий напиток, адвокат аргументировал свою позицию. Выражение лица и интонация были просительными, он давил на милосердие.

– Девчонке – двадцать лет, она совсем потерялась. Папа – в тюрьме, мама – одной ногой в могиле. Мы же русские люди...

Кораблёв, выпив полчашки кофе, со вкусом закурил. Судя по его сосредоточенному виду, доводы собеседника мимо не пролетали.

– Я понимаю, в нашей ситуации надо ставить вопрос о залоге, – Сизов плавно разматывал мысль. – Но сейчас нам нечего предложить. Меры приняты, мы активно ищем деньги для залога, но нужно время...

– У Левандовского денег нет?! – с возмущением усомнил-

ся зампрокурора.

– Нету! – адвокат всплеснул руками. – Миф какой-то раздули про миллионы главного архитектора! Поверь, Михалыч, супружница его, когда в здравии была, только авансик мне внесла. Пять тысяч всего... Это при таком колоссальном объёме работы...

– А-а-а, вот где они, пять тыщ фээсбэшных баксов!

– Александр Михалыч! – Сизов запел укоризненно. – Получай я гонорары в баксах, какой резон мне набирать уйму дел? Сплю по четыре часа! Ну, подумай сам... Разреши, закурю?

– Кури, – Саша кивнул милостиво.

– Благодарю. То, что следователь предлагает и ФСБ... Слушай, это несерьёзно... Признательные показания плюс доллары в обмен на возможность навестить в реанимации раненую!

Кораблёв не дал понять, что и об условиях сделки он слышит впервые. Про себя отметил: «Действительно, ересь. Неуж Самандаров с Яковлевым думают, что архитектор клюнет на такой дикий размен?»

– А ты, значит, хочешь, чтоб мы его за красивые глазки освободили? Так не бывает. Что-то вы должны нам в клюв положить, – сильно затянувшись, Саша округлил рот и неуловимо резким толчком губ выбросил колечко дыма.

Адвокат внимательно проследил за его плавным движением, сопровождавшимся медленным таянием.

– В понедельник облсуд рассмотрит нашу жалобу на арест, – дождавшись, когда колечко, деформировавшись, с ускорением вытянется в открытую фрамугу, сообщил он серьёзно. – При сложившихся обстоятельствах шанс её удовлетворения велик.

Кораблёв подумал, что до следующей недели кое-кому следует дожить, но озвучивать такую мысль посчитал кощунственным.

Сизов высказал её сам:

– Завтра может быть поздно.

– Ваше предложение?

– Если следствие так настаивает, мой клиент может признать получение взятки, которую он не брал. Ну-у, клянётся он мне, что в глаза не видел этих чёртовых баксов... Зна-аю, знаю, Михалыч, чего ты сейчас думаешь... Что меня там не было, а Левандовский поклянется в чём угодно... Твоё право нам не верить...

– Показания он даст в твоём присутствии?

– Александр Михалыч, ну как я могу на такое пойти, зная, что это самооговор? План следующий. Левандовский от меня отказывается. Вы назначаете по «пятьдесят первой»¹⁵⁷ кого-нибудь из своих, скажем так, приспешников. Щеглова, к примеру...

– Пустой разговор, Ростислав Андреич. В отсутствие

¹⁵⁷ Статья 51 УПК РФ предусматривает обеспечение участия защитника следователем в случаях, если он не приглашён подозреваемым (обвиняемым).

предмета взятки цена такой признанке...

Зампрокурора пошевелил пальцами, подыскивая определение, которое наиболее точно отразило бы никудышность товара, навяливаемого защитой. Мелодичной импортной трелью залился телефон. Сделав гибкое движение кистью, Саша подхватил с аппарата трубку.

– Слушаю вас.

– Александр Михайлович! – энергичный, с крапинкой укоризны голос принадлежал начальнику КМ. – Мы тут все собрались по убийству на Фурманова, как договаривались!

– А сколько времени?! – Кораблёв метнул взгляд на часы. – Уже семь?! Вадим Львович, извините. Закрутился. Начинайте без меня. Сейчас прилечу.

Сизов смотрел снизу вверх по-собачьи просительно:

– Какое будет ваше решение? – короткий период обоюдного общения на «ты» он счёл истекшим.

– Буду думать, – Кораблёв обошёл приставной стол, с усилием закрыл разохшуюся скрипучую раму.

– Спасибо, Александр Михалыч. Спасибо, что не отфутболили, – рьяно поднявшись со стула, адвокат в знак признания склонил голову.

В полированной лысине отразился тусклый блик солнца, клонившегося к острым крышам частного сектора.

Саша понимал, что по человеческим меркам просьба обоснована, но принять решение единолично не мог. Следовало выслушать мнение Яковлева.

Уже на улице, когда Кораблёв открывал дверцу своего серебристого годовалого симпатяги «Hyundai Accent», в ладони ожил сотовый. На просторном экране высветилась надпись «Любимая».

– Ты где?! – не здороваясь, требовательно спросила «Любимая», едва абонент принял вызов.

Четыре года супружества не примирили Олю со спецификой Сашиной работы. С его переработками, поздними возвращениями и ночными выездами на происшествия. Когда у мужа баланс «семья/ работа» кренился в сторону последней, Оля не устраивала скандалов. Она искусно создавала дома атмосферу психологического дискомфорта, вынуждавшую вторую половину срочно корректировать вектор своего поведения.

– Случилось чего? – не в характере Кораблёва было оправдываться по любому поводу.

Миллион раз Оля ему объясняла, что отвечать вопросом на вопрос – дурной тон, однако наставления её отлетали, как от стенки горох. Сейчас материнская тревога за здоровье ребёнка перевесила привычку воспитывать.

– Антошка куксится. Жалуется на горлышко.

– С чего бы? На улице теплынь.

– Добрая баба Капа, когда из садика забрала, мороженым накормила.

Недовольство свекровью носило перманентный характер. Контрдовод о том, что Олины родители, переехав в област-

ной центр, с ребёнком почти не помогают, вертелся на языке. Саша его попридержал.

– Мои действия? – спросил с ровной интонацией.

– Купи в аптеке «Доктор Мом».

– Там у нас на кухне целый пузырёк «Бромгексина».

– Он не помогает и от него сыпь появляется.

– Понял, сделаю.

– Скорей приезжай.

– Я в милицию хотел заскочить на полчаса. Совещание у нас по свежему убийству.

– Тебе что важней – здоровье ребёнка или какое-то убийство? – не давая шанса возразить, Оля резко дала отбой.

Кораблёв устало вздохнул, нашёл в телефоне контакт «Львович» и нажал на вызов. Отмазку придумывать нужды не было, имелась уважительная причина.

27 мая 2004 года. Четверг.

11.00–11.15

Маштаков привыкал к новому напряжённому графику. В понедельник он устроился охранником в сетевой магазин «Грошик». Протекцию ему составила кадровая текучка, обусловленная смешной зарплатой. Материальный фактор Мишу не остановил, не в его положении было привередничать.

«Грошик» функционировал с девяти утра до двадцати двух без перерыва на обед. Благодаря множеству событий последних дней третья рабочая смена казалась Маштакову сто третьей. Попутно изумляло забытое ощущение некой стабильности. Из суеверия он опасался строить прогнозы, но без краткосрочных уже не мог обойтись. К примеру, как путный, прикидывал планы на выходной, обещанный начальством в обозримом будущем.

На должность с мудрёным названием «мерчендайзер» его не взяли из-за отсутствия опыта в сфере торговли. Втайне он этому радовался. Обилие в магазине разнообразных товаров реально ошарашивало. Наука их размещения по секциям и стеллажам казалась непостижимой. Обязанности охранника были гораздо проще.

Миша не комплексовал по поводу того, что знакомые увидят его собирающим пластмассовые красные корзинки или

катающим по залу дребезжащие тележки, оставленные, где попало, покупателями.

С той глубины, на которую он погрузился, давняя прокурорская жизнь виделась невзаправдашной. Фрагмент существования в ментовской шкуре помнился лучше. Но здесь как раз не было ничего зазорного. Бывшему оперу – прямая дорога в охранники. На что ещё он способен?

Людское мельтешение не напрягало бы вовсе, не будь большинство лиц озабоченными, в любой миг готовыми к конфликту.

От бутылок со спиртным Маштаков абстрагировался. Представлял их разноцветные шпалеры выстроенными для бутафорского парада. Лейб-гвардейская показуха...

А вот засилье слабого пола в трудовом коллективе волновало. Миха отвык от такого общества. Особая сложность заключалась в том, что каждая особь казалась легкодоступной. Впечатление создавало вольное поведение самочек, манеры которых соседствовали с вульгарностью. Независимо от возраста все они курили. Не парясь, сыпали табуированной лексикой, и это возбуждало Маштакова особенно. Дурман дерзкой дешёвой косметики, остро приправленный запахами терпкого пота, кружил голову.

В качестве антидота Миха вколол себе слоновью дозу отстранённости. Разговаривал скупно, сухо и строго по рабочим вопросам. В результате острые на язычок кассирши окрестили его «Зомби».

Короткий предобеденный штиль наступал в одиннадцать часов. Пользуясь затишьем, Маштаков, выходя на крыльцо перекурить, захватил купленную утром газету «Уездное обозрение». Изданию теперь не подходило снисходительное название «газетка». Номер растолстел до трёх пухлых блоков в шестьдесят страниц. Большую часть занимала реклама и объявления «куплю-продам».

Учреждённая в середине девяностых газета поднялась на скандальных материалах. Тогда в моде была разгромная критика всех и вся. Крепко попадало и милиции. Местечковая акула пера Вероника Голянкина, подвизавшаяся на криминалке, назначила мальчиками для битья дюжину не полюбившихся ей сотрудников УВД. Попавший в их число Миха в полной мере испытал прелести публичной порки. Интересно, в какие водах нынче плавает писучая дилетантка Голянкина? Обломала её житуха, или всё такая же она безбашенная?

Пошуршав листами, Маштаков нашёл раздел уголовной хроники. Когда-то он не мыслил себя вне событий, хлёстко расписанных тут. Был одним из тех, кто разматывал преступления. Сейчас проглядывал страницу равнодушно. Приступ полицейской ностальгии, накрывший его при встрече с Рязанцевым, более не повторялся.

Взгляд примагнитил набранный жирным шрифтом заголовок: «Помогите следствию!» Просканировав заметку, а затем вычитав столбец добуковенно, Миха ощутил заполошное

сердцебиение и дурноту. Речь шла о разбойном нападении на муниципальный Фонд жилищного строительства, где до недавнего времени работала его сестра. Бандиты скрылись на автомобиле иностранной марки тёмного цвета. Сообщалось также, что одна из сотрудниц организации убита, а вторая тяжело ранена.

Не подведи начальство Светку под увольнение, одной из жертв значилась бы она.

Маштаков знал, как нечаянный шаг в сторону переворачивает людские судьбы. Губит, уродует или, как сейчас, отводит беду. Вспомнились злующие Светкины слова про её колдовской, будто бы, глаз, про то, как суку-начальницу накажет Бог. По ходу, наказал... Искренние проклятия – оружие мощное, но обоюдоострое. Действует по принципу бу-меранга.

Импульс личного мотива обострил работу мозга. Прочитанное сопоставилось с недавно виденным. Умозаключение требовалось срочно донести до компетентного человека.

Миха сложил газету и вернулся в торговый зал. Там молоденькая продавец-кассир Катя, неправильно пробившая товар, нажимала кнопку вызова менеджера, чтобы сделать возврат. Последующую одноходовку Маштаков представлял хорошо, и она шла ему в масть.

Быстро миновав запирающуюся на ключ стеклянную витрину с элитным алкоголем, он открыл дверь в подсобное помещение. Со стороны кабинета менеджера слышалось дви-

жение. Миха ускорил шаг.

– Вера Платоновна, разрешите позвонить, – обратился с улыбкой.

Старший менеджер – усердно молодящаяся брюнетка на грани полтоса – задумалась. Инструкция запрещала другим работникам находиться в кабинете в её отсутствие. Вместе с тем, она симпатизировала новому охраннику. Причиной благосклонности стало то, что при заполнении анкеты в графе «семейное положение» он указал: «разведён».

– Всё квартиру ищешь? – женщина разговаривала в нос, с гнусавинкой.

О цели звонков подчинённого она знала. Накануне переговоры велись при ней.

– Вариантик нарисовался, – Маштаков взмахнул свёрнутой в трубку газетой.

– Звони, только быстро, – менеджер оставила дверь широко открытой.

– Спасибо большое, Вера Платоновна! – в необходимых случаях лукавый Миха руководствовался девизом благородного Дона Кихота Ламанчского.

«Ничто не обходится нам так дёшево и не ценится так дорого, как вежливость!»

Кабинет представлял собой конурку без окон. Минимум мебели (офисный шкаф-пенал, металлический ящик, одно-тумбовый стол и пара стульев) создавал немыслимую тесноту. На монитор компьютера были выведены изображения

видеокамер. Стену, отделанную белым пластиком, украшал плакат с обольстительно улыбающимся Майклом Джексон-ном.

Номерами телефонов, указанными в заметке «Помогите следствию», Миха не воспользовался. Пятизначную комбинацию цифр набрал по памяти.

Ценивший своё служебное время абонент назвался, сняв трубку:

– Птицын.

– Это Маштаков, – Миха старался, чтобы ускоренный темп речи не влиял на её внятность, – долго не могу говорить. В газетке пишут – на Фурманова иномарка засветилась. Можно верить?

– Да.

– Двадцатого мая в полдень на «бугорках» я видел тёмно-зелёную иномарку. Пятидверный хетчбек. Номер не запомнил, регион не наш. Около неё паслось трое крутых, возраст от тридцати до сорока. Один точно – Пандус, второго могу описать, третьего не разглядел. Интересует?

– Да. Как пересечёмся?

– Работаю до десяти. Отлучиться не могу. Если устроит, сегодня в десять пятнадцать буду на Пугачёва во дворе магазина «Жигули», – оба умели сталкиваться в условиях цейтнота.

На щёлканье каблучков по бетонному полу подсобки Маштаков отреагировал прибавлением громкости:

– Не-ет, с частичными удобствами лишка вы просите!

– Шифруешься, – понимающе хмыкнул Птицын, а по сути добавил: – До встречи.

Менеджер, будучи истинным руководителем, не могла спокойно взирая на безделье подчинённого.

– Там снова бомжара приполз попрошайничать. Турни его, Михаил, а то покупатели жалуются.

– Будет сделано, Вера Платоновна, – заверил Маштаков и подчёркнуто аккуратно, чтобы не нарушить деловой беспорядок на столе, вернул телефонную трубку на место.

Отправляясь на разбор с бомжом, он не испытывал никаких стыдных комплексов. Работёнка была вполне по профилю – обеспечение правопорядка. Ему доводилось пробавляться куда более черновыми ремёслами.

Светке звонить Миха посчитал ненужным. Представлял, какую бурю эмоций вызовет новость. Странно, что до сих пор сестрица не узнала о случившемся по сарафанному радио. Как никак, двое суток прошло, срок изрядный...

28 мая 2004 года. Пятница.

09.00–13.00

Совещание по резонансному убийству прошло не то, чтобы совсем формально, но как-то без огонька. Следователь прокуратуры изложил фабулу дела, перечислил назначенные экспертизы. Участковые отчитались по результатам поквартирного обхода. Оперативники озвучили свои наработки. Начальник КМ дежурно покритиковал за недостаточную активность убойщиков. Сообща наметили новые мероприятия, которые секретчица Лариса старательно записала в специальный журнал. Напротив каждого пункта значился ответственный за исполнение.

Рубоповцам была поручена отработка членов ОПГ. В прежние времена они поставили бы Острожскую братву на уши. Подтянули бы коллег из облуправления, при необходимости заказали бы СОБР.

Аппендикс у кабинетов «шестого» отдела уже кишел бы хлопцами ярко выраженной бандитской наружности, томящимися в ожидании вызова к хватким операм и дотошным следакам.

Крутые пацанские тачки нашли бы вынужденное пристанище на штрафстоянке. История приобретения каждой подвзглась бы муторной проверке.

По адресам наиболее одиозных фигурантов прокатилась бы волна обысков, которые всегда чреваты последствиями.

Даже если бы не удалось установить причастность подучётного контингента к конкретному преступлению, комплекс мероприятий возымел бы профилактическое действие. По городу пошли бы круги, непременно всплыла бы интересная информация.

Сейчас в рубоповском закутке царила тишь да гладь. Следственное подразделение УРОПД давно расформировано. Штат отдела сокращён с пяти оперативников до трёх. В придачу скоро год, как вакантна ставка милиционера-водителя.

А самое главное, изменилась общая атмосфера. Коммерциализация РУБОПа, стартовавшая в центральном аппарате в конце девяностых, неуклонно распространялась на территории. Идейные бессребреники выдавливались в другие службы или на улицу. На руководящих постах утверждались офицеры, правильно понимающие текущий момент.

Ставка делалась на оборотливый молодняк. Вновь принятых сотрудников борьба с преступностью интересовала постольку поскольку. Главным стимулом для них являлось бабло. В столице опер считался беспонтовым, если через год работы не мог купить себе достойную иномарку, а через три – хату. Источники финансирования находились различные. Самыми распространенными были всевозможные фонды, создаваемые под эгидой РУБОПа. Освобождённые от

бандитского оброка коммерсы регулярно отстёгивали борцам с оргпреступностью. Те сделались новой крышей, обладавшей большими возможностями, нежели уголовный криминалитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.